

1892 годъ.

І ю л ь.

№ 4.

ДНЕВНИКЪ

Артиста

приложеніе къ журналу

Артистъ

Годъ 4-й.
Книга 7.

МОСКВА.

Типо-литогр. Высочайше утвержд. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и Ю. Пименов. ул., соб. домъ.

1892.

СОДЕРЖАНІЕ:

	Стр.
I. ГАМЛЕТЪ, ПРИНЦЪ ДАТСКІЙ, трагедія В. Шекспира, переводъ П. П. Гнѣдича. (Окончаніе)	1
II. ЛЕКЦІИ О СЦЕНИЧЕСКОМЪ ИСКУССТВѢ, читанныя въ Императорскомъ московскомъ театральномъ училищѣ (лекція 9-я) П. Д. Боборыкина	7
III. ЧЕРНОМОРЪ, разсказъ Н. В. Казанцева	13
IV. СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ: <i>Петербургъ.</i> — Неустойчивость въ дѣлѣ управленія драматическаго театра.—Минувшій сезонъ и будущій.—Драматическіе курсы.—Весенніе дебюты.—Г-жа Потоцкая.—Уходъ г-жи Томсонъ.— Болѣзнъ г-на Варламова, ст. Г.—Лѣтніе концерты, ст. П. П.— Частныя сцены, ст. Ск—ца	22
М. М. Абрамова.—Воспоминанія Друга. (Съ портретомъ)	26
Обозрѣніе провинціальныхъ театровъ	32
<i>Корреспонденціи</i> изъ Вологды, Воронежа, Житомира, Кременчуга, Курска, Новороссійска, Риги, Рыльска, Севастополя, Симферополя, Сувалокъ, Талицкаго завода, Тифлиса, Томска, Тулы, Харькова, Херсона, Холма, Привислянскаго края и Чешской Праги	38
V. БИБЛИОГРАФІЯ (П. К. Михайловскій „Литература и жизнь“. — П. М. Невѣжинъ. <i>Изъ жизни мелкихъ людей.</i> — Д. Мережковскій. <i>Символы.</i> —И. Н. Потапенко. Повѣсти и разсказы. Т. III и IV.—F. V. Dwelshauvers—Dery. <i>Grundlage einer neuer Methode der Schollstärkemessung.</i> — <i>Die Cavalleria rusticana und ihre Bedeutung für Deutschland.</i> —Josef Kohler. <i>Neun Aphorismen.</i> —A. Kohut. <i>Aus dem Zauberlande Polyhymnias.</i> —Lübke und Lützow. <i>Denkmäler der Kunst—</i> ловыя піесы: „Билетъ на бенефисъ такого-то актѣра“.— <i>Леткая нажива</i> “.—„ <i>День да ночь, сутки прочь</i> “.—„ <i>Дѣло при закрытыхъ дверяхъ</i> “.—„ <i>Антоній и Клеопатра</i> “.—„ <i>Шалунья</i> “	47
VI. ХРОНИКА	49

ПРИЛОЖЕНІЯ:

- VII. МУРАВЕЙНИКЪ, ком. въ 2 д. Н. Криницкаго.
Указатель пьесъ для любительскихъ спектаклей (стр. 36).
- VIII. СИРОТЫ, рисунокъ К. А. Трутовскаго (*фототипія Альберта* въ Мюнхенѣ).

ДНЕВНИКЪ

АРТИСТА

№ 4.

Имб. 17776

5786

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ЖУРНАЛУ

„АРТИСТЪ“

І Ю Л Ъ

1892 года.

МОСКВА.

Типо-литографія Высочайше утвержденнаго Т-ва И. Н. Кушнеревъ и Н^о,
Пименовская улица, собственный домъ.

1892.

Ленинградская Труппа
СИБИРСКА

СОДЕРЖАНІЕ:

	Стр.
I. ГАМЛЕТЪ, ПРИНЦЪ ДАТСКІЙ, трагедія В. Шекспира, переводъ П. П. Гнѣдича. (Окончаніе)	1
II. ЛЕКЦІИ О СПЕЦИАЛЬНОМЪ ИСКУССТВѢ, читанныя въ Императорскомъ московскомъ театральномъ училищѣ (лекція 9-я) П. Д. Боборыкина	7
III. ЧЕРНОМОРЪ, рассказъ Н. В. Казанцева	13
IV. СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ: <i>Петербургъ.</i> — Неустойчивость въ дѣлѣ управленія драматическаго театра.—Минувшій сезонъ и будущій.—Драматическіе курсы.—Весенніе дебюты.—Г-жа Потоцкая.—Уходъ г-жи Томсонъ.—Болѣзнь г-на Варламова, ст. Г.—Лѣтніе концерты, ст. П. П.—Частныя сцены, ст. Ск—ца	22
М. М. Абрамова.—Воспоминанія Друга. (Съ портретомъ)	26
Обозрѣніе провинціальныхъ театровъ	32
<i>Корреспонденціи</i> изъ Вологды, Воронежа, Житомира, Кременчуга, Курска, Новороссійска, Риги, Рыльска, Севастополя, Симферополя, Сувалокъ, Талицкаго завода, Тифлиса, Томска, Тулы, Харькова, Херсона, Холма, Привислянскаго края и Чешской Праги	38
V. БИБЛІОГРАФІЯ (П. К. Михайловскій „Литература и жизнь“. — П. М. Невѣжинъ. <i>Изъ жизни мелкихъ людей.</i> — Д. Мережковскій. <i>Символы.</i> — И. Н. Потапенко. Повѣсти и рассказы. Т. III и IV. — F. V. Dwelshauvers—Dery. <i>Grundlage einer neuer Methode der Schollstärkemessung.</i> — <i>Die Cavalleria rusticana und ihre Bedeutung für Deutschland.</i> — Josef Kohler. <i>Neun Aphorismen.</i> — A. Kohut. <i>Aus dem Zauberlande Polyhymnias.</i> — Lübke und Lützow. <i>Denkmäler der Kunst</i> — Новыя піесы: „Билетъ на бенефисъ такого-то актера“. — <i>Ленкая нажива</i> “. — „День да ночь, сутки прочь“. — „Дѣло при закрытыхъ дверяхъ“. — „Антоній и Клеопатра“. — „Шалунья“	47
VI. ХРОНИКА	49

ПРИЛОЖЕНІЯ:

- VII. МУРАВЕЙНИКЪ, ком. въ 2 д. Н. Криницаго.
Указатель пьесъ для любительскихъ спектаклей (стр. 36).
- VIII. СИРОТЫ, рисунокъ Н. А. Трутовскаго (*фототипія Альберта въ Мюнхенѣ*).

Дневник Артиста. 1892. №4 июль.

Реклама.

Объявления.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1892 ГОДЪ

НА ЖУРНАЛЪ

„А Р Т И С Т Ъ“

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ДНЕВНИКА АРТИСТА“.

Журналъ выходитъ 12 разъ въ годъ.

Съ сентября по апрѣль выходятъ книжки „Артиста“, (отъ 25 до 35 листовъ), а съ апрѣля по сентябрь—выпуски „Дневника Артиста“, (отъ 5 до 10 листовъ).

Подписная цѣна на годъ 10 р., съ доставкой и пересылкой 12 р.

СЕЗОННОЙ ПОДПИСКИ БОЛѢЕ ОТКРЫТО НЕ БУДЕТЬ.
БУДЕТЬ ПРИНИМАТЬСЯ ПОДПИСКА ТОЛЬКО ГОДОВАЯ СЪ
ЯНВАРЯ ПО ЯНВАРЬ.

Для гг. сезонныхъ подписчиковъ 189¹/₂ г. открыта дополнительная подписка на 9 мѣсяцевъ съ апрѣля 1892 года по 1 января 1893 года.

Подписная цѣна 6 р. 20 к., съ доставкой и пересылкой 7 р. 70 к.

Для лицъ, подписавшихся въ редакціи, допускается **разсрочка**: при подпискѣ 4 руб., и затѣмъ ежемѣсячно по 2 руб. до полной уплаты всей подписной суммы, а при подпискѣ вмѣстѣ съ „Театральной Библіотекой“— 5 р. и затѣмъ ежемѣсячно по 3 р. до полной уплаты всей подписной суммы.

Квотора журнала покорнѣйше просить гг. подписчиковъ, пользующихся разсрочкой, **высылать слѣдующіе взносы своевременно, согласно означеннымъ условіямъ, во избѣжаніе задержки въ высылкѣ книгъ.**

Другихъ условій разсрочки не допускается.

„ТЕАТРАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА“.

СОДЕРЖАНИЕ:

„Одурачили!...“ („Мужъ на пропять“), (Lemari à Babette). Ком. въ 3 д. Г. Мельяка и Ф. Жилль, перев. съ франц. П. И. Кичеева. „Быть или не быть“, ком.-шутка въ 1 д. Скриба, перед. для русск. сцены Э. Маттернъ. „Отрѣзанный ломоть“, фарсъ-вод. въ 1 д. С. А. Алякривскаго. „За рюмочку“, картинка буднич. жизни В. Р. Щиглева. (Условія подписки см. 4 стр. обложки).

ВЪ КОНТОРѢ ЖУРНАЛА

„А Р Т И С Т Ъ“

ПРОДАЮТСЯ

ОРИГИНАЛЫ КАРТИНЪ РУССКИХЪ ХУДОЖНИКОВЪ:

А. А. КИСЕЛЕВА.

„Кавказскій видъ“ 200 р.

„Лейзажъ“ 150 р.

К. Е. МАКОВСКАГО.

„Женская головка“ (на бубиѣ)
200 р.

„Мужская головка“ (набубиѣ)
200 р.

„Диана“ 500 р.

„Блондинка“ 500 руб.

Гг. иногородніе, желающіе ознакомиться съ картинами, могутъ получать фотграфическіе снимки съ означенныхъ картинъ, уплачивая по 2 р. за каждый снимокъ.

МОСКОВСКАЯ ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ГАЗЕТА

ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ОБЩЕСТВЕННАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ.

БОЛЬШОЕ ЕЖЕДНЕВНОЕ ИЗДАНИЕ СЪ ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1892 Г.

(Издания годъ 3-й).

Рисунки и иллюстраціи исполняются извѣстными художниками. Въ видѣ приложеній къ газетѣ всѣ ГОДОВЫЕ подписчики получаютъ бесплатно три книги сборника, заключающія въ себѣ по нѣскольку выдающихся произведеній извѣстныхъ авторовъ.

Условія подписки значатся въ заголовкѣ газеты.

Гамлетъ,

ПРИНЦЪ ДАТСКІЙ.

Трагедія въ 5-ти дѣйствіяхъ.

Вильяма Шекспира.

(Съ сокращеніями, согласно требованіямъ сцены).

Переводъ П. П. Гнѣдича.

АКТЪ ПЯТЫЙ.

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Комната въ замкѣ.

(Гамлетъ и Гораціо).

Гамлетъ.

Объ этомъ будетъ... О другомъ теперь...
Ты помнишь обстоятельства?...

Гораціо.

Еще бы!

Гамлетъ.

Въ моей душѣ какая-то борьба
Кипѣла, не давала спать. Порою
Казалось мнѣ, что я лежу въ оковахъ,
Какъ бунтовщикъ-матросъ. Потомъ, внезапно,
Накинувъ плащъ, я вышелъ изъ каюты,
И ошупью найдя пакеты, снова
Къ себѣ вернулся. Всякое приличье,
Отбросивъ, вскрылъ я письма, и нашель,
Гораціо... О, гнусное холопство!
Я въ нихъ нашель приказъ... Онъ подкрѣпленъ
Быль доводами важными: для блага
И Даніи, и Англіи—нужна
Моя погибель тотчасъ-же, немедля:—
Едва ступлю я на британскій берегъ
Мнѣ надо голову срубить...

Гораціо.

Возможно-ль?

Гамлетъ.

Вотъ эти письма, — можешь на свободѣ
Прочешь ихъ! Хочешь знать, что дальше было?

Гораціо.

Прошу васъ, принцъ.

Гамлетъ.

Опутанный сѣтями
Интриги подлой, не успѣлъ я мысли

Въ порядокъ привести, когда невольно
Ужь дѣло было сдѣлано. Я сѣлъ
И сочинилъ посланіе другое.
Когда то я считалъ позорнымъ дѣломъ
Нашъ стиль напыщенный и все старался
Его забыть. Теперь онъ очень кстати
Пришелся мнѣ. Ты хочешь знать, что я
Имъ написалъ?

Гораціо.

Конечно, принцъ, хочу!

Гамлетъ.

«Отъ Даніи монарха. Очень важно.
«Такъ какъ Британія была всегда
«Его вѣрнѣйшей данницей, то чтобы
«Любовь межъ ними процвѣла какъ пальма,
«Чтобъ вѣчный миръ не пересталъ посить
«Своей гвлянды изъ золотыхъ колосьевъ»...
Ну и такъ далѣе, — все «чтобы, чтобы»...:—
«Британія немедленно должна
«Прочтя письмо, безъ дальнихъ проволочекъ
«Казнить подателей его, не давши
«Для покаянія имъ времени»...

Гораціо.

Но какъ же

Вы запечатали?

Гамлетъ.

О, даже въ этомъ

Небесное я вижу Провидѣнье!
Я у себя нашель печать отца:
Моделью государственной печати
Она была. Свернулъ я точно также
Мое письмо какъ прежде, печати
Привѣсилъ, надписалъ и осторожно
На мѣсто положилъ. Потомъ на утро
Случилось намъ съ пиратами столкнуться.
Что было далѣе, — ты это знаешь...

Г о р а ц і о .

И такъ, тѣ двое идутъ на смерть?

Г а м л е т ь .

Да,—

Но, вѣдь, Гораціо,—они же сами
Стремились въ Англію,—и совершенно
Моя покойна совѣсть. Ихъ конецъ—
Лишь слѣдствіе ихъ мерзостей. Опасно
Всегда душечкамъ подленькимъ соваться
Подъ мощные удары великановъ...

Г о р а ц і о .

Но нашъ король!

Г а м л е т ь .

Послушай, не пора-ли
За дѣло взяться мнѣ? Онъ короля-
Отца сгубилъ и мать безчестью предаль...
Онъ между мною и моимъ престоломъ
Проползъ такъ ловко,—и разставилъ сѣти
На жизнь мою... Не будетъ-ли покойна
Моя душа, когда я съ нимъ покончу
Вотъ этою рукой?... Не грѣхъ-ли тяжкій
Дозволить язвѣ этой разрастаться?...

Г о р а ц і о .

Онъ скоро изъ Британіи получить
Извѣстія о результатѣ...

Г а м л е т ь .

Скоро!

Но промежутокъ мой... А жизнь земная
Не больше, чѣмъ сказать успѣшь: разъ!
Ахъ, мнѣ такъ жаль, Гораціо, что я
Забылся до того передъ Лаэртомъ,—
Въ самомъ себѣ его я вижу душу...
Я постараюсь возвратить себѣ
Его расположеніе, но право
Хвастливая его печаль меня
Взбѣсила.

Г о р а ц і о . Тихе! Кто-то къ намъ идетъ.
(*Входитъ Озрикъ*).

О з р и к ь . Имѣю счастье поздравить васъ,
ваше высочество, съ возвращеніемъ въ Давію.

Г а м л е т ь . Очень вамъ благодаренъ. (*Го-
раціо*.) Ты знаешь эту стрекозу?

Г о р а ц і о . Нѣтъ, ваше высочество.

Г а м л е т ь . Тѣмъ лучше для тебя: знать
его—порокъ.

О з р и к ь . Многоуважаемый принцъ! Если бы
у вашего высочества была минута свободнаго
времени, я бы вамъ осмѣлился передать одну
вещь отъ его величества...

Г а м л е т ь . Отъ всей души готовъ принять
эту вещь... Дайте настоящее назначеніе вашей
шляпѣ: она сдѣлана для головы.

О з р и к ь . Благодарю васъ, ваше высочество,
очень жарко.

Г а м л е т ь . Нѣтъ, право, холодно: сѣверный
вѣтеръ.

О з р и к ь . Порядочно холодно, ваше высочество.

Г а м л е т ь . И все-таки мнѣ кажется, что
очень душно и жарко... или моя комплекція...

О з р и к ь . Душно, ваше высочество, ужасно.

Такъ душно, такъ душно... будто... Словъ нѣтъ,
какъ душно. Ваше высочество, его величество
приказали мнѣ объявить вамъ, что ими поло-
женъ большой закладъ относительно васъ. Дѣло
въ томъ, ваше высочество, что...

Г а м л е т ь . Пожалуйста, надѣньте шляпу!
(*Хочетъ ее надѣть на него*.)

О з р и к ь . Нѣтъ, ваше высочество, мнѣ, пра-
во, такъ удобнѣе. Недавно, ваше высочество,
ко двору прибылъ Лаэртъ. Осмѣлюсь васъ за-
вѣрить, что это благороднѣйшій человѣкъ, пре-
исполненный отличныхъ качествъ, обходитель-
ный, представительный. Въ немъ вы найдете все,
что только можетъ знать свѣтскій человѣкъ...

Г а м л е т ь . Хотя ваше описаніе и превосход-
но, но я знаю, что такое исчисленіе смутитъ ари-
метику памяти, мы всегда будемъ лавировать
по одному мѣсту сравнительно съ его быстрымъ
парусомъ. Но чтобы быть правдивымъ я ска-
жу, что считаю его душу столь необычайно свѣт-
лой, а его качества столь цѣнными и рѣдкими,
что ему, если говорить правду, можетъ быть
уподоблено только его отраженіе въ зеркалѣ,
и сравнятся съ нимъ можетъ только его тѣнь
и никто больше.

О з р и к ь . Ваше высочество изволили выра-
зиться про него совершенно вѣрно.

Г а м л е т ь . Но въ чемъ же дѣло? Къ чему
наше грубое дыханіе произноситъ имя этого до-
стойнаго кавалера?

О з р и к ь . Я знаю, принцъ, что вы обладае-
те свѣдѣніями...

Г а м л е т ь . Мнѣ очень бы хотѣлось, чтобъ
вы были увѣрены, что я обладаю свѣдѣніями,
хотя, говоря по правдѣ, еслибъ вы и не знали
это, то мнѣ это было бы все равно... И такъ?..

О з р и к ь . Вы имѣете свѣдѣнія о талантѣ
Лаэрта...

Г а м л е т ь . Не смѣю признаться въ этомъ,
чтобы не сравнить себя съ нимъ. Знать хорошо
человѣка—это тоже, что знать самого себя.

О з р и к ь . Я говорю, принцъ, о его оружій:
судя по той славѣ, которую онъ имѣетъ, ему
равнаго нѣтъ.

Г а м л е т ь . Какое же его оружіе?

О з р и к ь . Шпага и кинжалъ.

Г а м л е т ь . Это ужъ два оружія! Но дальше?..

О з р и к ь . Его величество, принцъ, держатъ
съ пимъ пари на шесть арабскихъ коней, про-
тивъ которыхъ онъ заложилъ, сколько я знаю,
шесть французскихъ рапиръ и кинжаловъ съ при-
надлежностями, то есть съ портунеями, прицѣп-
ками и прочимъ. Трое изъ снарядовъ, дѣйстви-
тельно, драгоценны, очень соответствуютъ ру-
кояткамъ, очень изящные снаряды, богатой от-
дѣлки...

Г а м л е т ь . Что вы называете снарядомъ?

Г о р а ц і о . Я зналъ, что придется прибѣгнуть
къ комментаріямъ, прежде чѣмъ вы кончите.

О з р и к ь . Снарядъ,—это портунея...

Гамлетъ. Такое выраженіе было болѣе бы у мѣста, если бы мы носили на боку пушки, ну а теперь пусть это будетъ португеза. По дальше. Шесть арабскихъ коней противъ шести французскихъ шпагъ, ихъ приборовъ и трехъ великолѣпно изукрашенныхъ снарядовъ. Это французскій закладъ, противъ датскаго! Но почему же это все заложено, какъ вы выражаетесь?

Озрикъ. Ваше высочество, король полагаетъ, что Лаэртъ изъ двѣнадцати схватокъ уступить вамъ болѣе трехъ ударовъ. Лаэртъ стоитъ за девять ударовъ изъ двѣнадцати. Дѣло тотчасъ же можетъ быть рѣшено, если только вы соблаговолите дать отвѣтъ.

Гамлетъ. А если я отвѣчу—нѣтъ?

Озрикъ. Я подразумѣваю, ваше высочество, что вы своей личной особой отвѣтите на вызовъ.

Гамлетъ. Я прогуливаюсь здѣсь, на террасѣ: съ дозволенія его величества, это то время дня, когда я наслаждаюсь воздухомъ. Пусть принесутъ сюда рапиры, и если этотъ господинъ согласенъ и король остается при своемъ намѣреніи, то я выиграю закладъ, если смогу.

Озрикъ. Такъ и прикажете передать?

Гамлетъ. Такъ, именно такъ и передать, съ прикрасами, какія будутъ угодно вашей душѣ...

Озрикъ. Примите увѣреніе, ваше высочество, въ глубокомъ почтеніи и преданности...

Гамлетъ. И отъ меня также... (Озрикъ уходитъ.) Онъ хорошо дѣлаетъ, что самъ проситъ принять его увѣреніе. Другаго человѣка не найдется, который бы сталъ просить за него...

Гораціо. Это цыпленокъ со скорлупой на головѣ...

Гамлетъ. Онъ не иначе принимался за грудь матери какъ съ комплементами. Это не человѣкъ, а какая-то игра дрожжей, дунь на него—и пузыри лопнутъ!..

(Входитъ Придворный.)

Придворный. Принцъ, его величество отнесли къ вамъ черезъ молодаго Озрика, который передалъ, что вы ждете на террасѣ. Меня послали узнать: соблаговолите-ли вы сейчасъ фехтоваться съ Лаэртомъ, или желаете обождать?

Гамлетъ. Я въ своихъ намѣреніяхъ постояненъ: они слѣдуютъ за желаніями короля. Если онъ готовъ къ поединку, то готовъ и я; теперь, или когда бы то ни было, лишь бы я всегда былъ расположенъ такъ, какъ теперь.

Придворный. Король, королева и всѣ спускаются сюда...

Гамлетъ. Очень радъ.

Придворный. Королева желаетъ, чтобы вы какъ-нибудь привѣтливо поговорили съ Лаэртомъ, прежде чѣмъ приступите къ поединку.

Гамлетъ. Совѣтъ королевы прекрасенъ.

(Придворный уходитъ.)

Гораціо. Вы проиграете закладъ, принцъ.

Гамлетъ. Не думаю. Съ тѣхъ поръ какъ онъ уѣхалъ во Францію, я постоянно упражнялся, — при условіяхъ имъ предложенныхъ, я выиграю. Но ты не можешь себѣ вообразить, какъ скверно мѣ въ вотъ здѣсь, на сердцѣ... Это пустяки...

Гораціо. Но, дорогой принцъ...

Гамлетъ. А! это пустяки... Такое предчувствіе можетъ потревожить женщину...

Гораціо. Если сердце говоритъ—вѣрите ему... Я остановлю ихъ, скажу, что вы не можете сегодня.

Гамлетъ. О, нѣтъ! Не надо вѣрить въ предзнаменованія... Воробей не погибнетъ безъ воли Провидѣнія... Если не теперь, такъ со временемъ, не со временемъ, такъ теперь, если не сегодня — такъ вообще когда-нибудь да случится... Надо всегда быть готовымъ. Со смертью мы все теряемъ, такъ не все-ли равно: раньше или позже.

(Входятъ Король, Королева, Лаэртъ, Озрикъ, Свита съ рапирами и весь дворъ.)

Король.

Гамлетъ, поди сюда, — ты отъ меня

Вотъ эту руку примешь

(Кладетъ руку Лаэрта на руку Гамлета.)

Гамлетъ.

Простите, — я нанесъ вамъ оскорбленіе;

Простите, будьте рыцаремъ... Здѣсь всѣ,

(И вы, должно быть, въ томъ числѣ) всѣ знаютъ

Что боленъ я, — все сдѣланное мною

Затронуло невольно вашу честь

И ваше горе, и вашъ гнѣвъ невольный. —

Я объявляю здѣсь, что это было

Безуміе... Ну, развѣ я могу

Лаэрту нанести обиду? Нѣтъ,

Мое признаніе здѣсь, въ собраньи этомъ,

Пусть отвратитъ мысль всякую о злѣ,

Злѣ преднамѣренномъ... Великодушный!

Считайте: мною пущена стрѣла,

Она перелетѣла черезъ домъ

И ранила случайно брата...

Лаэртъ.

Я

Доволенъ объясненіемъ... Конечно,

Моя душа горитъ желаніемъ мести,

И не даетъ мнѣ права перемирья, —

Я буду ждать пока почтенный голосъ

Судей испытанных не разъяснить
Насколько честь затронута моя,—
Но до тѣхъ поръ—я принимаю вашу
Пріязнь ко мнѣ за то, чѣмъ быть должна
Пріязнь,—вы можете пока вполне
Увѣрены быть въ этомъ.

Гамлетъ.

Превосходно!

Приступимъ же по братски къ состязанью,
Подайте намъ рапиры... Что-жь, начнемъ?

Лаэртъ.

Начнемъ... Рапиру мнѣ!

Гамлетъ.

Я вамъ мишенью

Прекрасной буду,—я плохой боецъ,
Искусство ваше ярко звѣздой
На темномъ небосклонѣ засіяетъ.

Лаэртъ.

Изволите шутить?

Гамлетъ.

О, нѣтъ, клянусь

Вамъ честью!

Король.

Озрикъ, дайте имъ рапиры;

Вы знаете, нашъ милый принцъ Гамлетъ,
Въ чемъ состоитъ закладъ?

Гамлетъ.

Отлично: ваше

Величество стойте за слабѣйшимъ.

Король.

Я не боюсь... Я въ дѣлѣ васъ обоихъ
Видалъ не разъ,—но, говорятъ, Лаэртъ
Учился,—и теперь еще прекраснѣй
Фехтуетъ,—потому условья ваши
Уравнены..

Лаэртъ.

Нѣтъ, эта тяжела,

Другую дайте.

Гамлетъ.

Эта по рукѣ...

Что, всѣ одной длины?

(Готовятся къ бою.)

Озрикъ.

Всѣ, ваше

Высочество.

Король.

Поставьте кубки здѣсь,

Передо мною, на столѣ,—и если
Нашъ принцъ при первыхъ стычкахъ дастъ
ударъ,

Иль отпариваетъ врага,—пускай
Всѣ батареи замка салютуютъ,—
Король подниметъ чашу за здоровье
Гамлета, опустивъ на дно двойную
Жемчужину, которая цѣннѣй
Жемчужины на царской діадемѣ,
Монарховъ Даніи... Подайте чаши мнѣ;
Пусть барабанъ оповѣститъ трубъ,
Пускай труба дастъ знакъ на батарею,

Пусть пушки небесамъ оповѣстятъ,
А небеса землѣ,—что пьетъ король
За принца! Ну, приступимъ къ состязанью.
Внимательнѣе, судьи!

Гамлетъ.

Что-жь, начнемъ?

Лаэртъ.

Начнемъ.

(Дерутся.)

Гамлетъ.

Ударь!

Лаэртъ.

О, нѣтъ.

Гамлетъ.

Что скажутъ судьи?

Озрикъ.

Ударь, ударь—и очень ясный...

Лаэртъ.

Ну,—

Продолжимъ.

Король.

Погодите! Дайте мнѣ

Вина,—Гамлетъ, твой жемчугъ брошенъ въ
чашу,

Твое здоровье... Передайте кубокъ...

(Трубы, пушки.)

Гамлетъ.

Нѣтъ, мы окончимъ поединокъ. Вы
Поставьте кубокъ въ сторону... (Дерутся.) Ну,
что же?...

Ударь,—ударь,—что скажете?

Лаэртъ.

Задѣли,

Задѣли,—сознаюсь...

Король.

Онъ побѣдитъ.

Навѣрно побѣдитъ!

Королева.

Онъ толстъ, одышка

Ему мѣшаетъ... Вотъ возьми, Гамлетъ,

Платокъ мой, оботри свое лицо....

Теперь я пью за счастье Гамлета.

Гамлетъ.

О, королева....

Король.

Нѣтъ—не пей, Гертруда.

Королева.

Но я желаю, государь,—позвольте....

Король (про себя)

Отравленная чаша... Поздно, поздно!

Гамлетъ.

Нѣтъ, государыня, я погода

Немного выпью....

Королева.

Дай хоть обтереть

Тебѣ лицо,...

Лаэртъ.

Теперь я, государь,

Возьму ударъ навѣрно.

Король.

Ну, едва-ли.

Лаэртъ (*про себя.*)

И все-таки я чувствую, что это
Безчестно....

Гамлетъ.

Ну, на третій разъ, Лаэртъ!

Ты до сихъ поръ шутилъ. Пускай-же въ ходъ
Твое искусство. Право, я боюсь,
Что ты сжѣшься надо мной сегодня....

Лаэртъ.

Вы полагаете?.. Начнемъ....

(*Дерутся.*)

Озрикъ.

Ничей, —

Ни тотъ и не другой.

Лаэртъ.

Теперь попалъ!

(*Ранитъ Гамлета. Въ горячей схваткѣ
мнѣются ранами. Гамлетъ ранитъ
Лаэрта.*)

Король.

Разнять ихъ: слишкомъ горячо они
Взялись за дѣло....

Гамлетъ.

Нѣтъ, еще, еще!

(*Королева падаетъ.*)

Озрикъ

Ай, посмотрите... Королева!...

Гораціо.

Оба

Они въ крови, — что это значить, принцъ?

Озрикъ.

Лаэртъ, что съ вами?

Лаэртъ.

Я попалъ какъ птица

Въ свои силки — мое же вѣроломство
Мнѣ гибель принесло, — и по-дѣломъ!

Гамлетъ.

Что съ королевою?

Король.

Ей дурно, — кровь

Она увидѣла....

Королева.

Нѣтъ, нѣтъ... Питье...

Питье, мой милый сынъ, питье, питье!

Тамъ ядъ положень... Ядъ...

(*Умираетъ.*)

Гамлетъ

Злодѣйство!

Всѣ входы запереть! У насъ измѣна!

Сыскать измѣнника....

Лаэртъ (*падаетъ.*)

Онъ здѣсь....

Гамлетъ, Гамлетъ, ты мертвъ, — нѣтъ въ мѣрѣ
средства,

Которое могло-бъ тебя спасти....

На полчаса въ тебѣ осталось жизни:

Въ твоей рукѣ отравленный клинокъ,

Онъ заостренъ измѣной... Обратился

Мой замыселъ преступный на меня —

Я здѣсь лежу, чтобъ не подняться больше...

Мать отъ отравы умерла... Я долѣ

Скрывать не стану: онъ виновникъ, — онъ:

Король, король!

Гамлетъ.

А! это остріе

Отравлено! Такъ пусть-же исполняетъ

Свою работу ядъ....

(*Поражаетъ Короля.*)

Озрикъ и придворные.

Измѣна!..

Король.

Друзья, о защитите, — я вѣдь раненъ,

Я только раненъ...

Гамлетъ.

Пей, кровосмѣситель,

Пей этотъ кубокъ... Гдѣ твой жемчугъ? — здѣсь?..

Иди-жь во слѣдъ за матерью моею.

(*Король умираетъ.*)

Лаэртъ.

Онъ получилъ свое возмездье... Ядъ

Вѣдь имъ-же былъ и приготовленъ.... Принцъ,

Обмѣнимся прощеньемъ. Благородный

Гамлетъ, — пусть смерть отца и смерть моя

Не падаетъ на голову твою, —

И я въ твоей невиненъ буду смерти.

(*Умираетъ.*)

Гамлетъ.

Прости тебѣ Господь! Я за тобою

Иду во слѣдъ!.. Гораціо, прощай —

Я умираю... Матушка моя,

Несчастливая, — прощай... А вы теперь,

Вы, блѣдные трепещущіе люди —

Невольные свидѣтели злодѣйства —

Имѣй я только время... и не будь

Смерть столь жестокой и неумолимой, —

О, многое я передалъ бы вамъ....

Но такъ и быть... Я умираю. Ты,

Гораціо, останешься въ живыхъ,

Ты недовольнымъ все расскажешь, все

Ты оправдаешь....

Гораціо.

Нѣтъ, я не датчанинъ, —

Я римлянинъ скорѣе! Здѣсь осталось

Еще немного въ кубкѣ....

Гамлетъ.

Остановись, Гораціо! Отдай,

Отдай мнѣ эту чашу: ты обязанъ

Въ глазахъ потомства оправдать меня,

И если ты любилъ меня — то долженъ

Теперь отъ счастья смерти отказаться!

О, подыши еще съ сердечной болью

На этомъ гадкомъ свѣтѣ — и тогда

Повѣдай повѣсть о моихъ страданьяхъ.

(*Вдали маршъ и выстрѣлы.*)

Что тамъ за клики боевые?

Озрикъ.

Это

Изъ Польши юный Фортинбрасъ идетъ, —

И салютуетъ англійскимъ посламъ.

Гамлетъ.

Я умираю, другъ мой,—сила яда
Сковала слабый духъ, и мнѣ теперь
Ужь не слышать изъ Англїи вѣстей....
Я предрекаю выборъ Фортинбраса
На нашъ престолъ; ему передаю
Я свой предсмертный голосъ. Ты ему
Все передашь, все.... все какъ это было —
Все передай ему... А остальное—
Молчаніе... .

(Умираетъ.)

Гораціо.

Не бьется благороднѣйшее сердце!
Покойной ночи, милый принцъ! Пусть хоры
Небесныхъ ангеловъ тебѣ успокоенье
Дадутъ и пѣсней тихой укачаютъ....
Все ближе маршъ!

(Маршъ. Фортинбрасъ. Послы изъ Англїи и др.)

Фортинбрасъ.

Гдѣ это, гдѣ?

Гораціо.

Чего вы ищете—ужасныхъ зрѣлищъ
И горя несказаннаго? Такъ дальше
Нейдите—здѣсь они...

Фортинбрасъ.

О,—груда жертвъ

О катастрофѣ говоритъ минувшей!
Смерть гордая, какое торжество
Справляешь ты, когда на пиръ кровавый
Здѣсь столько царственныхъ убила жертвъ?

Первый посолъ.

Ужасный видъ! Посольство запоздало—
И глухи уши тѣхъ, кому должны
Мы сообщить изъ Англїи извѣстья...
Приказъ исполненъ:—оба казнены,—
И Розенкранцъ и Гильденстернъ,—но кто же
Намъ благодарность принесетъ за это?

Гораціо.

Да ужъ никакъ не вашъ король,—хотя бы
Внезапно ожилъ онъ и былъ способенъ
На благодарность... Это не его
Желанье было...

Фортибрасъ.

Съ грустью я встрѣчаю

Нежданное мной счастье. Есть за нами
Старинныя права на вашъ престолъ,—
Я долженъ заявить о нихъ открыто...
На катафалкъ пусть принца вознесутъ,
Какъ рыцаря, четыре полководца...
Пусть похоронный маршъ гремитъ во время
Процессїи. Войска пусть салютуютъ...
Идемъ! Дать выстрѣлы!
(Похоронный маршъ. Уходятъ. Выстрѣлы.)

Лекціи о сценическомъ искусствѣ,

читанныя въ Императорскомъ московскомъ Театральномъ училищѣ.

Лекція IX.

ромъ театральной залы, на художественное развитіе и положеніе въ труппѣ актера вліяетъ и критика. Во время спектакля она не можетъ производить непосредственнаго дѣйствія на сценическихъ исполнителей; но ея приговоры или подтверждаютъ пріемы публики, или же представляютъ собою протесты, съ которыми актеръ долженъ, такъ или иначе, считаться. Въ той же главѣ XXIV-й моей книги «Театральное Искусство», гдѣ я говорю о публикѣ, разобрано мною *отношеніе артиста и къ театральной критикѣ*. Къ выводамъ, какіе я привожу въ этой главѣ, прибавлю здѣсь еще нѣсколько соображеній, дополняющихъ анализъ воздѣйствія прессы, входящаго и во внутреннюю жизнь, и во внѣшнюю карьеру актеровъ.

Разница между критикой и залой — весьма существенна. Тѣ, кто судить о талантѣ и подготовкѣ исполнителей, представляютъ собою самое незначительное меньшинство зрителей, высшую ихъ интеллигенцію. Такъ, по крайней мѣрѣ, должно быть. Во всякомъ случаѣ, *какова-бы ни была пресса въ данной странѣ, ея представители, въ общемъ, не могутъ стоять ниже толпы, сбѣгающей смотреть на пьесу и ея исполненіе*.

Зала есть первая, а критика вторая инстанція того трибунала, передъ которымъ долженъ появляться актеръ, всю свою жизнь, пока силы позволяютъ, дѣйствовать на подмосткахъ. А между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ выходитъ нѣчто противоположное. Актеръ, заручившись хорошимъ пріемомъ публики, апеллируетъ обыкновенно передъ нею-же на приговоры критики, а не наоборотъ. Вообще, актеры всѣхъ странъ

и во всѣ эпохи склонны смотрѣть на прессу, занимающуюся театромъ, если не сверху внизъ, то съ извѣстнымъ предубѣжденіемъ. И, виѣсть съ тѣмъ, они не могутъ отрѣшиться отъ излишней впечатлительности во всемъ, что касается печатнаго слова; жаждутъ отчетовъ о *своей* игрѣ; придаютъ всякой печатной замѣткѣ слишкомъ большую важность; очень часто гонятся за рекламой.

Въ послѣднюю четверть вѣка на западѣ Европы, да и у насъ, въ столицахъ п въ большихъ городахъ, пресса пріобрѣла небывалые прежде размѣры. Театромъ начали заниматься, какъ самой насущной потребностью публики. Гласность, со всѣми ея новѣйшими успѣхами, сдѣлала то, что публичный дѣятель (въ томъ числѣ и артисты всякихъ специальностей) сталъ достояніемъ ежедневнаго любопытства толпы и улицы и съ каждымъ годомъ все сильнѣе приучаясь къ *рекламѣ*. Непомѣрно развившееся репортерство вторгалось, все больше и больше, не только въ общественную дѣятельность, но и въ частную жизнь артистовъ, вело къ нескромностямъ всякаго рода, раздражало и безъ того присущія всѣмъ сценическимъ дѣятелямъ тщеславіе и славолюбіе.

Но подчиняясь дурному вліянію газетной прессы, актеры и на западѣ, и у насъ, любятъ протестовать противъ *уровня современной критики* и повторяютъ общія мѣста о томъ золотомъ вѣкѣ, когда театральной критикой занимались первоклассные дѣятели литературы. И у насъ, только что раздадутся подобные протесты, вы слышите извѣстныя имена, которыя пріобрѣли какъ бы символическое значеніе. Таково, наприм., имя *Лессинга*, какъ автора «Гамбургской драматургіи». И актеры, и писатели, и простые театралы любятъ прибѣгать къ авторитету этихъ именъ, хотя часто связываютъ съ ними совсѣмъ не то, что они

выражаютъ собою. Такъ, имя Лессинга, какъ предполагаемаго творца критики, обращенной на искусство актера, почти всегда употребляется *всуе*. Еще болѣе 20 лѣтъ тому назадъ я уже пришелъ къ этому убѣжденію, когда сдѣлалъ критическую дѣятельность Лессинга предметомъ особеннаго изученія. Въ 1867 г. я напечаталъ этуодъ подъ заглавіемъ: «Эфразимъ Лессингъ и докторъ Ретчеръ, какъ критики сценической игры». Мнѣ хотѣлось тогда опредѣлить болѣе точно: какая часть «Гамбургской драматургіи» посвящена собственно игрѣ актеровъ. Вамъ, конечно, извѣстно, что эта книга, сдѣлавшаяся теперь классической, представляетъ собою сборникъ рецензій, которыя писалъ Лессингъ въ качествѣ постояннаго драматурга (какъ выражаются въ Германіи), т. е. писателя, спеціально состоявшаго при дирекціи Гамбургскаго театра. Но рецензій, соотвѣтствующихъ спектаклямъ, вы находите только въ первой половинѣ; а потомъ, Лессингъ вдается въ разсмотрѣніе разныхъ философско-эстетическихъ вопросовъ и распространяется о драматическихъ произведеніяхъ иностранной литературы, преимущественно испанской, не занимаясь больше текущимъ репертуаромъ той сцены, при которой онъ состоялъ. Вышло такъ, что свои обязанности сценическаго критика Лессингъ долженъ былъ прекратить раньше, чѣмъ предполагалъ; но все-таки успѣлъ разобрать цѣлый рядъ оригинальныхъ вѣмецкихъ и переводныхъ нѣсезъ. И вотъ въ этихъ-то разборахъ, только въ самомъ началѣ книги, находятся отзывы объ актергахъ, объ ихъ игрѣ и успѣхахъ, и выражены нѣкоторыя общія правила художественнаго исполненія. Если вырѣзать изъ «Гамбургской драматургіи» такія мѣста, то получится всего — около пятнадцати страницъ въ осмью долю листа. Да и въ нихъ вы найдете скорѣе оцѣнки игры лучшихъ актеровъ Гамбургскаго театра, чѣмъ такіе идеи и выводы, которые могли-бы оставаться въ руководство потомству — вплоть до исполнителей современной эпохи.

Какая была причина того, что Лессингъ, на первыхъ-же порахъ, пересталъ заниматься труппой? Причина очень простая; всегда одна и та-же: крайне щекотливое самолюбіе главныхъ актеровъ, которыхъ даже критика Лессинга, вообще благожелательная и сдержанная (сравнительно съ тономъ прессы нашего времени) раздражала. Этотъ эпизодъ изъ исторіи отношеній актеровъ къ театральной критикѣ, случившійся слишкомъ сто лѣтъ тому назадъ — чрезвычайно поучителенъ и показываетъ прямо, что актеры сами на половину виноваты въ недостаточномъ развитіи серьезной критики сценической игры.

Заниматься ими всегда было рискованно.

И актеры, и серьезные любители театра за-

конно желаютъ, чтобы о театрѣ говорили въ печати люди, избравшіе его предметомъ своего *спеціальнаго интереса*, подготовленные, сверхъ большаго общаго образованія, и долгимъ опытомъ, по сценической части, къ своей роли рецензента. Лессингъ и былъ какъ разъ такой человекъ, уже въ половинѣ XVIII столѣтія, а его попытка, обставленная самыми благопріятными условіями, какъ видите, не дала добрыхъ результатовъ.

Но и помимо автора «Гамбургской драматургіи», во второй половинѣ прошлаго вѣка, въ Германіи, во Франціи, въ Англии начала уже складываться періодическая театральная критика; въ особенности въ Парижѣ. Одновременно съ нею разрабатывалась и литература, занимавшаяся искусствомъ актера. Кромѣ такого блестящаго этюда, какъ «Парадоксъ объ актерѣ» Дидро (о которомъ я съ вами бесѣдовалъ въ одну изъ предшествующихъ лекцій), въ осмнадцатомъ вѣкѣ появлялись цѣлыя монографіи, гдѣ собрано было не мало наблюденій, не лишенныхъ и эстетическаго, и научнаго интереса, для изученія мимики и жестикуляціи, какова книга *Риккобони: L'art du théâtre*, вышедшая въ Парижѣ въ 1750 году; а главнымъ образомъ, книга *Эмеля*, современника Лессинга, директора королевскаго Берлинскаго театра, полная талантливыхъ характеристикъ, богатая психическимъ матеріаломъ и наблюденіями художественнаго характера. Объ этой книгѣ я упоминалъ уже вскользь. Она называется: «Ideen zu einer Mimik» и вышла въ 1785 году, въ двухъ томахъ, съ хорошими по тому времени гравюрами, изображающими разные моменты мимической игры, взятые изъ тогдашняго репертуара. И въ первую половину текущаго вѣка появлялись монографіи, какъ наприм.: *Le Comédien*, par Remond de Sainte-Albin. Paris, 1825; или нѣмецкая книга, напечатанная въ 30 хъ годахъ: *Die Schauspielkunst von Thurnagel*. Heidelberg, 1836.

Въ Германіи сценическое искусство довольно часто дѣлалось предметомъ спеціальныхъ изслѣдованій людей, которые не довольствовались бѣглыми замѣтками и даже болѣе обстоятельными рецензіями, а желали разрабатывать искусство актера путемъ рациональныхъ обобщеній, въ систематическомъ порядкѣ. Такова, наприм., книга очень извѣстнаго въ Германіи, въ началѣ второй половины нашего вѣка, эстетика-идеалиста — *Д-ра Ретчера*: «Die Kunst der dramatischen Darstellung in ihrem organischen Zusammenhange, wissenschaftlich entwickelt von D - r. Heinrich Theodor Rötcher. Leipzig. 1864.

Но въ послѣднія тридцать лѣтъ, театральная критика, пріобрѣтая, вмѣстѣ съ развитіемъ ежедневной прессы, особенно сильное вліяніе на публику, утратила серьезный характеръ из-

слѣдованій съ научно-эстетической окраскою и ею стали всего чаще заниматься люди вышедшіе изъ журнализма; только случайно, ученые и мыслители (какъ наприм. Льюисъ, авторъ сборника статей объ актерѣхъ его времени; книги переведенной и по русски); изрѣдка драматическіе писатели, обращавшіе гораздо большее вниманіе на репертуаръ, чѣмъ на игру актеровъ.

Правда, въ Парижѣ, къ пятидесятымъ годамъ, театральные фельетоны, представляющіе собою обзорѣнія цѣлой недѣлп, поручались талаптливымъ писателямъ, которые съ живымъ интересомъ слѣдили за репертуаромъ и отмѣчали выдающіяся явленія въ области игры. Эта традиція еженедѣльныхъ статей сохранилась въ нѣкоторыхъ парижскихъ газетахъ и до сихъ поръ; но большинство органовъ прессы пришло къ *отчетамъ*, которые появляются на другой же день послѣ перваго представленія. Авторы ихъ хлопочуть о томъ, чтобы какъ можно скорѣе доложить публикѣ о новой пьесѣ. Если они занимаютъ игрою актеровъ, то лишь попутно; не имѣютъ ни времени, ни мѣста для разработки вопросовъ сценическаго искусства. Тридцать—сорокъ лѣтъ тому назадъ, лучшіе театральные критики съ Жюлемъ Жаненомъ, какъ ихъ старѣйшиной, придавали частосвоимъ фельетонамъ литературно-риторической колоритъ; пользовались пьесами для всякаго рода отступленій, мѣняя роль критика искусства на роль бойкаго хроникера, желающаго блистать своимъ умомъ, эрудиціей, вкусомъ и остроуміемъ. Только изрѣдка дѣлали они какую-нибудь знаменитость парижскихъ театровъ предметомъ особеннаго интереса. Такъ Жюль Жаненъ оставилъ цѣлую книгу о Рашели. Но и въ этой книгѣ вы не найдете детальной оцѣнки игры знаменитой артистки, которая бы удовлетворяла васъ, давала бы вамъ вполне точныя опредѣленія ея натуры, ея выразительныхъ средствъ, достоинствъ и недостатковъ—оттого что критикъ не углублялся въ вопросы сценическаго искусства, а довольствовался литературно-дилетанской оцѣнкой. Сверстниками Жюля Жанена были такіе даровитые и блестящіе писатели, какъ Теофиль Готье и Поль де-Сенъ-Викторъ. Послѣ Готье осталось множество рецензій, собранныхъ еще при его жизни, въ нѣсколькихъ томахъ. Они представляютъ собою лѣтопись парижскихъ театровъ, но гораздо болѣе литературную, чѣмъ сценическую. Готье любилъ говорить снисходительно объ актерѣхъ и актрисахъ, и его отзывы, часто прекрасно написанные, въ смыслѣ стили, не идутъ дальше общихъ мѣстъ и характеристикъ, иногда яркихъ и одушевленныхъ, но недостаточно специальныхъ. У Сенъ-Виктора даже и пьесы бывали только предлогомъ къ всевозможнымъ отступленіямъ, и въ его фельетонахъ безпрестанно попадались длиннѣйшіе описательные эпизоды и тирады краснорѣчія.

Съ 60-хъ годовъ во главѣ парижскихъ критиковъ сталъ Франсискъ Сарсэ и добился этого мѣста большою любовью къ сценѣ, неутомимостью работы, интересомъ къ развитію таланта въ молодыхъ артистахъ. Сарсэ до сихъ поръ пользуется авторитетомъ и въ публикѣ, и за кулисами парижскихъ театровъ. Онъ, не стѣсняясь, говоритъ правду актерамъ и актрисамъ, и даже знаменитостямъ; охотно даетъ совѣты, любитъ помогать начинающимъ своимъ сочувствіемъ и одобреніемъ, когда видитъ въ нихъ талантъ. Какъ лекторъ, онъ долгіе годы бесѣдуетъ съ парижскою публикою о произведеніяхъ драматической литературы. Изъ-подъ его пера выходили и отдѣльные небольшіе этюды о выдающихся артистахъ „Французской комедіи“ и другихъ лучшихъ театровъ Парижа. Но срочная еженедѣльная и ежедневная работа журналиста не позволяла ему привести въ систему свои многолѣтнія наблюденія надъ искусствомъ актера. Вѣроятно онъ и кончитъ свое поприще рецензента, не выпустивъ въ свѣтъ серьезной книги о сценическомъ искусствѣ, гдѣ были бы приведены въ порядокъ его наблюденія и выводы. Въ лицѣ Сарсэ, театральная критика сдѣлалась очень популярной и вліятельной; но онъ держится до сихъ поръ нѣкоторыхъ рутинныхъ взглядовъ; онъ—*сторонникъ условности*, слишкомъ много обращаетъ вниманія на вкусы и привычки самой публики. Такая критика не разовьетъ самостоятельности въ актерѣ; скорѣе пріучитъ его къ печальнымъ сдѣлкамъ съ устарѣлыми мнѣніями прессы и съ случайными настроеніями театральной залы.

Въ послѣднія 20 лѣтъ въ парижской критикѣ стали раздаваться другіе молодые и смѣлые голоса, съ Эмилемъ Золя во главѣ. Сборники болѣе свѣжихъ художественныхъ принциповъ ведутъ войну, главнымъ образомъ, противъ условности и фальши театральныхъ поставщиковъ—драматурговъ, успѣвшихъ овладѣть интересомъ публики; протесты раздаются и въ области чисто сценической критики, и новаторы не пренебрегаютъ спеціальнымъ изученіемъ дѣла, но это все—таки же журналисты, т. е. писатели, берущіеся за обязанности рецензента слишкомъ легко. Недостатокъ спеціальной подготовки, сказывающійся въ поверхностной оцѣнкѣ исполненія, выкупается только обиліемъ парижскихъ органовъ печати. Актеръ найдетъ въ нѣсколькихъ десяткахъ рецензій *среднюю пропорціональную* отзывомъ и убѣдится въ общности впечатлѣнія, получаемого отъ его игры. Въ порядочной газетѣ тонъ рецензій рѣдко бываетъ рѣзкій, безпощадный, скорѣе противоположнаго свойства. Зная большое вліяніе прессы на публику, актеры врядъ ли и желали бы встрѣчать въ печати болѣе подробное изученіе ихъ игры. Рядомъ съ критикою большихъ

журналовъ, откровенная реклама занимаетъ почти всѣ мелкіе театральные листки. Эта промышленная сценическая пресса настолько продажна и проникнута духомъ кумовства и беззастѣнчивыхъ спекуляцій, что только крайне болѣзненное тщеславіе актеровъ можетъ пользоваться ею и вступать съ нею въ счеты.

Въ другихъ странахъ западной Европы, въ Германіи, въ Англіи, въ Итали дѣло стоитъ не лучше, чѣмъ во Франціи, гдѣ все-таки же театральная критика вбираетъ въ себя очень много бойкихъ литературныхъ силъ. Въ жизни Парижа театры играютъ первенствующую роль, какой они не имѣютъ ни въ Берлинѣ, ни въ Вѣнѣ, ни въ Лондонѣ, ни въ итальянскихъ большихъ городахъ. Нѣмцы болѣе склонны къ основательному изученію искусства актера, но условія ежедневной прессы и въ Австріи, и въ Германіи почти такіе-же, и рецензенту нѣтъ опять ни времени, ни мѣста дѣлать игру актеровъ предметомъ особеннаго изученія. Въ Англіи, въ Америкѣ репортерство и слѣпные критическіе отчеты — въ самомъ большомъ ходу. Въ Итали подкупъ и реклама едва-ли не безцеремоннѣе, чѣмъ гдѣ-либо на материкѣ Европы.

Мы видимъ, стало быть, что сценическая критика на западѣ болѣе количественная, чѣмъ качественная. Актеры знаютъ хорошо эту печать; на словахъ желаютъ, чтобы ихъ судьи были болѣе подготовлены и серьезнѣе занимались ими, но съ каждымъ десятилѣтіемъ дѣлаются сами все самолюбивѣе и тщеславнѣе, все сильнѣе заискиваютъ въ прессѣ, преувеличиваютъ значеніе печатныхъ отзывовъ, готовы на всевозможныя уступки, унижающія достоинство артиста. Вообще-же можно сказать, что на западѣ сценическіе артисты выказываютъ нѣсколько больше умственной дисциплины; благодарятъ за всякое дѣльное замѣчаніе; признаютъ въ прессѣ силу, съ которой надо считаться.

Въ Россіи театральная критика имѣетъ также свою исторію. И у насъ артисты относятся къ сценическимъ рецензентамъ съ тою тревожностью, какую мы замѣчаемъ всюду, гдѣ сталкивается самолюбіе исполнителя съ оцѣнкою людей, считающихъ себя призванными къ судейской роли. И у насъ вы услышите возгласы актеровъ о «жалкомъ» состояніи театральной критики и обращенія къ прошедшему, когда были «настоящіе» цѣпители талантовъ и мастерства. Но эти возгласы, если ихъ проверитъ, окажутся далеко не серьезными. Сценическая критика весьма мало разрабатывалась у насъ, какъ *спеціальная область эстетики. Если на западѣ литература по искусству актера, въ видѣ отдѣльныхъ монографій и изслѣдованій, не особенно богата, то у насъ она почти не существовала вплоть до второй половины текущаго столѣтія.* Любители сцены, изъ свѣтскихъ

людей и писателей, помѣщали отчеты о театральныхъ представленіяхъ въ журналахъ и газетахъ, печатали свои воспоминанія, вели въ продолженіи долгихъ лѣтъ хронику столичныхъ театровъ; но во всѣхъ этихъ отчетахъ, замѣткахъ и характеристикахъ мы не видимъ особенной, спеціальной подготовки, — хотя еще съ тридцатыхъ годовъ, въ театральныхъ и общелитературныхъ журналахъ начинаютъ основательнѣе заниматься *исторіей театра*, давать менѣе дилетанскіе разборы игры, печатать біографическіе этюды о знаменитыхъ русскихъ актерахъ и актрисахъ, сошедшихъ со сцены. И все-таки — у русской театральной критики никогда не было того «золотаго вѣка», о какомъ любятъ вздыхать на сценѣ. Не менѣе, чѣмъ именемъ Лессинга, злоупотребляютъ у насъ именемъ *Вѣлинскаго*, указывая на подавляющую разницу между этимъ даровитымъ и чуткимъ создателемъ русской критики и теперешними газетными рецензентами. Вѣлинскій, дѣйствительно, горячо любилъ театръ, имѣлъ много художественнаго чутья, способенъ былъ пылкой самоотвержено поддерживать всякое крупное дарованіе. *Но по искусству актера имъ написано сравнительно мало.* Если исключить его знаменитыя статьи о Мочаловѣ, въ роли Гамлета, и нѣкоторые другіе отчеты о спектакляхъ Московскаго *Малого театра*, съ участіемъ Щепкина, то въ остальномъ, что онъ писалъ о сценѣ, найдется весьма немного не только общихъ замѣчаній объ искусствѣ актера, но и сколько-нибудь точныхъ опредѣленій таланта и манеры играть у тѣхъ актеровъ и актрисъ, о которыхъ онъ писалъ. Онъ гораздо болѣе долженъ былъ заниматься пьесами, разбирать текущій репертуаръ; онъ говорилъ часто о ничтожныхъ произведеніяхъ, большею частью переведенныхъ и передѣланныхъ, и то въ первой половинѣ своей карьеры; впоследствии онъ предался почти исключительно критической работѣ надъ всѣмъ, что появлялось въ тогдашней художественной литературѣ и журналахъ, и гораздо рѣже возвращался къ театру. Позднѣе, къ концу 50-хъ годовъ, другой критикъ сдѣлался поборникомъ интересовъ русской національной сцены. Это былъ *Аполлонъ Григорьевъ* — человекъ съ большой литературной пачитанностью, самъ переводчикъ Шекспира и, по времени, одинъ изъ первыхъ поклонниковъ Островскаго. Онъ принадлежалъ къ кружку тогдашняго *молодаго* «Москвитянина», выступалъ пылкимъ истолкователемъ комедій и драмъ Островскаго, поддерживалъ своими сочувственными отзывами молодыхъ исполнителей, нашедшихъ въ произведеніяхъ нашей національной драматургіи богатый матеріалъ для созданія цѣлаго ряда бытовыхъ лицъ. Аполловъ Григорьевъ перенесъ и въ Петербургъ свою критическую пропаганду. Онъ не довольствовался

сухими и банальными отзывами, похвалами и порицаніями, а старался привести талачъ актеровъ въ связь съ духомъ того театра, за который самъ ратовалъ; смѣло выступалъ противъ всѣхъ, кто недостаточно цѣнилъ театръ Островскаго и его исполнителей. Но и онъ не оставилъ почти ничего руководящаго, въ смыслѣ теоріи театральнаго искусства; и въ его оцѣнкахъ игры, рядомъ съ вѣрными отзывами, вы найдете много пристрастій и увлеченій, объясняемыхъ его литературно-паціональными взглядами.

До 60-хъ годовъ, наша сценическая критика не получала еще характера спѣшной газетной работы, какъ это сдѣлалось съ развитіемъ ежедневной прессы. Прежнія ежемѣсячныя и еженедѣльные обозрѣнія, гдѣ можно было болѣе спокойно и съ большимъ просторомъ говорить и о пьесахъ, и объ исполнителяхъ — замѣнились краткими отчетами, которые стали появляться на другой же день послѣ спектакля.

Съ тѣхъ поръ уровень сценической критики сталъ, замѣтно, падать, и въ рецензенты поступали не рѣдко люди безъ всякой спеціальной подготовки; даже съ очень скуднымъ обще-литературнымъ образованіемъ. Но такъ какъ газеты дѣлались все вліятельнѣе, полагая увлеченіямъ публики и ея дурнымъ вкусамъ, то и на сцепѣ къ отзывамъ газетъ стали относиться все тревожнѣе и тревожнѣе; въ одно и то же время: или отказывали большинству рецензентовъ въ правѣ судить артистовъ, или придавали слишкомъ важное значеніе каждой замѣткѣ, каждой выходкѣ репортера, питая свое тщеславіе избитыми похвалами, вдаваясь все сильнѣе въ страсть къ рекламѣ.

Нынѣшніе актеры и актрисы, добивающіеся успѣха, во что бы то ни стало, часто не знаютъ, какъ имъ быть: то они видятъ, что отзывы прессы (иногда, одинъ какой-нибудь отчетъ) производятъ давленіе на публику и вызываютъ толки, портящіе репутацію артисту; или-же театральная зала чувствуетъ и ведетъ себя по своему, увлекается пьесою и игрою, не обращая вниманія на неблагоприятные отзывы критики. И то и другое бываетъ довольно часто. У насъ этотъ разладъ объясняется податливостью нашей публики на увлеченія, на оваціи. Въ нашихъ театральныхъ залахъ, даже въ столичныхъ, привилегированныхъ театрахъ, даже на первыхъ представленіяхъ, нѣтъ постоянного прочнаго ядра изъ зрителей, представляющаго собою самую развитую интеллигенцію или меньшинство, которое руководило бы мнѣніями залы. Нерѣдко случается, что сухой или прямо неодобрительный тонъ рецензіи идетъ въ разрѣзъ съ настроеніемъ публики. Вообще-же, можно сказать, что въ Россіи пресса, по своимъ приемамъ, гораздо менѣе культурна, чѣмъ на за-

падѣ; создала себѣ привычку говорить пренебрежительно; имѣетъ, какъ нынче выражаются, «фыркающій» тонъ. Очень рѣдко рецензентъ потрудится разобрать игру спокойно, въ объективномъ тонѣ, съ тѣмъ благожелательствомъ, котораго артистъ въ правѣ требовать отъ чловѣка, преданнаго интересамъ театра. Въ большинствѣ отчетовъ, вы найдете извѣстные клише, общія формулы одобренія или неодобренія. И вмѣстѣ съ тѣмъ, актерами въ отдѣльности, упоминаемъ ихъ именъ, выдаваніемъ имъ хорошихъ и дурныхъ отмѣтокъ занимаются слишкомъ много, гораздо больше, чѣмъ на примѣръ, въ парижской прессѣ, гдѣ объ исполненіи говорятъ, очень часто, вскользь и огуломъ, за исключеніемъ тѣхъ критиковъ, которые никогда не хотятъ никого обидѣть, упоминаютъ и о третьестепенныхъ исполнителяхъ; въ особенности, исполнительницахъ.

Рядомъ съ этимъ, мы видимъ, что у насъ до послѣдняго времени, почти не появлялось обстоятельныхъ этюдовъ о самыхъ выдающихся актерахъ и актрисахъ, оцѣнокъ *всей* ихъ дѣятельности, съ болѣе подробнымъ опредѣленіемъ тѣхъ качествъ, которыми они выдвинулись и приобрѣли прочное обаяніе на публику. Вотъ почему будущему историку русскаго театра, даже въ столицахъ, трудно будетъ возстановлять настоящую артистическую физіономію исполнителей, бывшихъ, въ свое время, украшеніемъ лучшихъ сценъ.

Наша сценическая обиходная критика, слѣдующая за репертуаромъ и игрою, изо дня въ день, не замѣчая того, или, быть можетъ, не желая замѣчать, дѣлается главной пособницей театральной залы, слишкомъ скоро санкционируетъ званіе любимицъ и любимцевъ, безъ которыхъ русская публика не можетъ обойтись. Репутаціи составляются у насъ, вообще, быстро, сравнительно съ западомъ; за то и проходятъ быстрѣе, чѣмъ тамъ. И вы рѣдко видите то, чтобы рецензентъ смѣло выступалъ противъ установившейся въ публикѣ репутаціи актера или актрисы, а съ другой стороны, молодому артисту надо непременно добиться приѣма театральной залы, чтобы на него и пресса обратила вниманіе. Чрезвычайно рѣдко бываетъ на оборотъ, т. е. что критика первая распознаетъ дарованіе въ томъ исполнителѣ, котораго въ труппѣ и въ залѣ держатъ въ черномъ тѣлѣ.

Не надо однако забывать, что въ русскую театральную прессу почти не закрались еще тѣ печальныя *повадки*, которыя мы замѣчаемъ на западѣ. Въ лучшихъ нашихъ газетныхъ органахъ критика дѣйствуетъ не всегда безпристрастно, по темпераменту и въ силу извѣстной тенденціозности, но все-таки же искренне. У насъ (за исключеніемъ, быть можетъ, нѣкоторыхъ органовъ мелкой прессы), вы не

чувствуете того кумовства, какимъ проникнуть на западъ театральный міръ въ томъ, что касается печати. Многое, па что въ Парижѣ, въ Вѣнѣ, въ Берлипѣ и въ крупныхъ итальянскихъ городахъ всѣ смотрятъ снисходительно, у насъ считается непорядочнымъ, прямо безчестнымъ. Даже сценическія знаменитости, являющіяся къ намъ съ готовой репутаціей, не находятъ въ нашей прессѣ тѣхъ замашекъ, къ какимъ онѣ привыкли у себя дома. Пока весь нашъ журнализмъ не испортится нравственно, у сценическихъ артистовъ все-таки будетъ больше гарантій въ томъ, что отзывы прессы, дѣйствительно, выражаютъ собою мнѣнія рецензентовъ; а не навязаны имъ какими-либо внѣшними и неблагоприятными соображеніями.

Если бы артисты сами могли судить себя построже, они увидали бы, что имъ не достаётъ свободнаго и самостоятельнаго отношенія къ той самой сценической прессѣ, съ которою они часто враждуютъ; они не стали бы такъ гоняться за похвальными замѣтками, не пренебрегая никакимъ ничтожнымъ репортеромъ, только-бы почаще говорилось объ нихъ въ печати.

Имъ самимъ надо выработать себѣ болѣе серьезную потребность въ дѣльной сценической критикѣ. Большинство ихъ ищетъ въ рецензіяхъ совсѣмъ не указаній и не глубокаго анализа тѣхъ характеровъ, которые они воспроизводятъ на сценѣ, а пріятнаго щекотанія своего самолюбія. Кто-же изъ нихъ — способенъ выслушать правду и дѣйствительно цѣнить всякое дѣльное указаніе, тотъ навѣрно съумѣетъ выбрать для себя все полезное, что является въ печати. Артисты, конечно, имѣютъ право желать, чтобы рецензентами дѣлались люди болѣе компетентные. Они въ правѣ желать и того, чтобы наша сценическая критика и въ отзывахъ о репертуарѣ, и въ оцѣнкахъ игры актеровъ выказывала больше послѣдовательности, руководилась прочными принципами; чтобы рецензенты не злоупотребляли своимъ субъективнымъ настроеніемъ, не отдавали бы такъ часто дань тенденціозности и партійному духу. Когда у насъ, на лучшихъ сценахъ идутъ пьесы, такъ называемаго «классическаго» репертуара, — всемірноизвѣстныя произведенія европейской литературы, — артисты наши находятъ мало поддержки въ театральной критикѣ. Большинство рецензентовъ не даетъ себѣ труда поработать надъ тѣми задачами, которыя предстоятъ актеру, играющему то или инсе крупное лицо; или же артиста сбиваютъ досужими комментаріями; а когда переносятъ свое

увлеченіе съ пьесы на игру исполнителя, то дѣлаются слишкомъ щедры на похвалы, находятъ въ игрѣ такія совершенства, о какихъ не подозрѣвали сами исполнители.

Наши актеры могутъ претендовать и на увлеченіе нѣкоторыми заѣзжими заграничными артистами. Случалось не разъ, въ Петербургѣ и въ Москвѣ, что какой-нибудь, въ сущности второстепенный актеръ, болѣе ловкій, чѣмъ даровитый, становится предметомъ поклоненія, которое длится весь сезонъ; иногда повторяется и при вторичномъ пріѣздѣ гастролера. Объясняется это отчасти тѣмъ, что у рецензентовъ мало критеріевъ для оцѣнки, что они недостаточно видали, на своемъ вѣку, первоклассной игры; почему — сплошь и рядомъ, перепускаютъ мѣру похвалъ.

Борьба между актеромъ и театральною критикою будетъ всегда продолжаться. Борьба эта помогаетъ движенію театра впередъ. Но каждый артистъ вправѣ спросить: какъ же разсудить дѣло; чего держаться сценическому исполнителю, какого мѣрила: служить своему главному повелителю, часто тирану — театральной публикѣ — или же дорожить мнѣніями меньшинства, представляющаго собою высшій художественный трибуналъ?

Вся исторія искусства, во всѣхъ его областяхъ, показываетъ намъ, что увлеченія толпы будутъ происходить всегда въ театральныхъ залахъ, на художественныхъ выставкахъ; гдѣ бы ни было. Но какова бы ни была репутація артиста, она нуждается все-таки *въ подтвержденіи, въ ратификаціи людей стоящихъ выше по своему развитію, чѣмъ толпа.* Эти люди только и въ состояніи разъяснить потомству: чѣмъ артистъ дѣйствовалъ на театральную залу, въ какой мѣрѣ поднимался онъ надъ уровнемъ своихъ сверстниковъ, какъ поималъ то или другое лицо въ самыхъ высокихъ произведеніяхъ драматической поэзіи. Когда у меньшинства, исполняющаго обязанности судей, подготовка къ своему специальному дѣлу окажется на высотѣ задачи, тогда никакой сценической артистъ не вправѣ будетъ протестовать, даже противъ суроваго приговора; глубже вдумается въ тѣ требованія, которыя ему предъявляютъ; смиритъ свое актерское «я» и познаетъ ту истину, что *въ данный моментъ, въ образованной странѣ, руководители общественнаго мнѣнія не могутъ и не должны, по своему развитію, стоять ниже тѣхъ, кого они судятъ.*

П. Боборыкинъ.

Черноморъ.

РАЗСКАЗЪ.

I.

Лѣтъ десять назадъ театралы города N-ска съ большимъ интересомъ ждали постановки драмы «За монастырской стѣпой». Въ этомъ спектаклѣ въ первый разъ выступала Манечка Павловская, молодая дѣвушка, только что кончившая курсъ въ мѣстной гимназiи. Дочь актера, она родилась и выросла въ театральной средѣ и съ дѣтства мечтала о сценѣ. Въ этотъ годъ въ N-скiй театръ на роли grandes dames была приглашена извѣстная провинціальная актриса Бородина, приходившаяся теткой Павловской, и подъ ея то руководствомъ Маня и выступила на сцену.

Театръ былъ полонъ. У Мани было очень много подругъ, и вообще знакомыхъ, которые и собрались смотрѣть молодую дебютантку. Высокая, стройная брюнетка, съ милымъ, дѣтски-наивнымъ выраженiемъ лица, Маня была очень симпатична вообще и произвела на всѣхъ очень прiятное впечатлѣнiе. Выбранная роль подходила къ ней и молодую дебютантку приняли очень хорошо. Относительно игры театралы сошлись на одномъ, что Маня чрезвычайно симпатична, а объ остальномъ сказать ничего еще нельзя.

Хорошо знакомый съ Маней и ея теткой Вѣрой Павловной Бородиной, я на другой-же день поѣхалъ поздравить молодую дебютантку.

— Голубчикъ, Василiй Николаевичъ, скажите правду: очень я была плоха?—спросила она меня.

— Еслибъ были плохи—вамъ бы не аплодировали и не вызывали.

— Нѣтъ, я правду хочу знать.

— По совѣсти скажу, — для дебюта очень не дурно.

Въ комнату вошла Бородина.

— Ну, успокоилась? — ласково улыбаясь хо-

рошенькой племянницѣ, сказала Вѣра Павловна. — Повѣрь, что я не буду тебѣ льстить, — я тоже ей сказала, что и вы, Василiй Николаевичъ.

— Такъ значить мое поступленiе на сцену дѣло рѣшенное? Ты больше не будешь меня отговаривать, тетя?

— Отговаривать я тебя, конечно, не буду, но я все-таки остаюсь при прежнемъ мнѣнiи.

Бородина была очень опытная и умная актриса. Играя больше двадцати пяти лѣтъ на провинціальныхъ сценахъ, она пользовалась репутацiей хорошей драматической актрисы и сумѣла во время перейти съ первыхъ драматическихъ ролей на роли grandes dames. Родная сестра матери Мани, она сильно любила молодую дѣвушку и въ этотъ годъ приняла ангажементъ въ N-скѣ исключительно съ цѣлью провести подъ своимъ крылышкомъ молодую дебютантку.

— Почему вы, Вѣра Павловна, не хотѣли, чтобъ Марья Ивановна поступила на сцену?

— Во-первыхъ я хотѣла, чтобъ она кончила образованiе, а во-вторыхъ — подросла немного.

— Тетя, что это такое?

— А то, моя дѣвочка, что ты еще совсѣмъ ребенокъ, не смотря на свои девятнадцать лѣтъ.

— Тетя, ты забываешь, что я почти родилась и выросла за кулисами.

— И все-таки осталась дѣвочкой. У тебя слишкомъ мягкiй характеръ и полное незнанiе жизни.

— Это все придетъ — заступился я за мою молоденькую прiятельницу. У Марьи Ивановны отличные задатки.

— Этого слишкомъ мало.

— У ней много любви къ сценѣ, желанiе работать и нѣкоторая подготовка.

— Это все не то. У нея нѣтъ характера — а безъ того нельзя быть актрисой. Даже, по моему, талантъ дѣло второстепенное.

— Не понимаю...

— Очень просто. Если жизнь вообще борьба, то жизнь актрисы — жестокая война со всѣми и противъ всѣхъ, и, главное, съ собой. Обратила на себя вниманіе публики актриса, да если еще на бѣду, хорошенькая, начинается какая-то травля. Ее развращаютъ, портятъ съ перваго дня тысячами соблазновъ: деньги, лесть, интрига — все пускается въ ходъ. А закулисная жизнь? Вѣдь это такой омутъ, въ которомъ погибла масса громадныхъ талантовъ. Говорятъ: служеніе святому искусству. Очень оно нужно публикѣ. Мы только представляемъ собой одно изъ сильно возбуждающихъ средствъ для ея притупленныхъ нервъ.

— Положимъ, это отчасти горькая правда, но у артистокъ есть свои высокія наслажденія, которыя недоступны для другихъ.

— То натуры избранныя, огромные таланты, которые страстно любятъ одно искусство. Онѣ выше окружающей пошлости и грязи; а мы, актрисы средней руки, должны тратить умъ и способности не на работу надъ изученіемъ образцовъ великаго искусства, а на интриги и на защиту себя. Мы не должны имѣть сердца, нашъ властелинъ — публика, не позволяетъ намъ его имѣть. Полюбила актриса — летятъ въ нея комья грязи; нѣтъ любовниковъ — обвиненіе въ кокетствѣ, въ ловлѣ мужа. Нужно много силы воли и выдержки, чтобъ завоевать себѣ право на существованіе. Дорого достаются намъ наши успѣхи, а потому-то я и не совѣтовала Манѣ выступать на этотъ тернистый путь.

— Тетя, голубушка, — горячо заговорила Маня — все это я знаю; знаю, что ты вывела — я не даромъ росла за кулисами. Я возьму за образецъ тебя и меня не затянетъ тина. Я хочу и съумѣю сдѣлаться порядочной актрисой и добьюсь этого.

— Посмотрите — сказалъ я Вѣрѣ Павловнѣ, любясь красивымъ лицомъ и сверкающими глазками молодой дѣвушки — ну развѣ она не эффектна въ эту минуту?

— Милый ты мой ребенокъ — цѣлуя Маню, заговорила Вѣра Павловна — это въ тебѣ говорить молодой задоръ. У тебя мягкое, золотое сердце а это вещь лишняя за кулисами. Дай Богъ, чтобы я ошибалась, но два, три года на сценѣ сломятъ тебя.

— Этотъ сезонъ я буду играть съ тобой, а потомъ сама одна справлюсь. Антрепренеръ предлагаетъ отличныя условія, публика своя, всѣ знакомые.

— Имѣй еще въ виду, что твои же подруги будутъ относиться иначе къ актрисѣ Павловской, чѣмъ относились къ Манѣ.

— Не можетъ быть. Ну положимъ, ты окажешься права, увижу я, что не годна для сцены, я брошу ея и выйду замужъ, какъ ты мнѣ совѣтуешь.

— Но знай, что тебя вѣчно будетъ тянуть на сцену. Кто разъ попробовалъ этого наркотическаго питья, тотъ его не скоро позабудетъ.

II.

Маня поступила на сцену. Красивая внѣшность и симпатичность Мани подкунала публику, ее принимали хорошо. Для начинающей она играла очень недурно, но, присмотрѣвшись, къ концу сезона, театралы рѣшили, что выдающейся актрисой Маня не будетъ. Были жаръ, искренность даже, но не было той искорки, которая сказывается въ талантѣ. Изъ нея могла выработаться одна изъ тѣхъ провинціальныхъ актрисъ, которыя пользуются успѣхомъ и благосклонностью публики, играя по извѣстному шаблону или подражая какой-нибудь знаменитости, но чего-нибудь своего, оригинальнаго, самобытнаго онѣ не даютъ никогда. Главный ея недостатокъ былъ произношеніе, она какъ-то по-дѣтски мягко выговаривала букву л, а это въ патетическихъ мѣстахъ иногда невольно засгавляло улыбаться. Роли Маня знала всегда, играла обдуманно, но перейти за извѣстныя границы была не въ состояніи.

Между публикой и молодой актрисой установились довольно странныя отношенія. На нея смотрѣли какъ на молоденькую, хорошенькую любительницу, а не на актрису, причемъ относились къ ней симпатично, и поощряли всегда. Маня это чувствовала и очень серьезно огорчалась.

— Хоть-бы ошिकाки когда-нибудь!

— Вы кажется единственная въ мірѣ актриса, которая желаетъ этого, — говорилъ я, съ улыбкой смотря на огорченное лицо молодой дѣвушки.

— Право, эта снисходительность обидна. Я помню, какъ при жизни отца меня выпускали читать стихи передъ публикой и какъ меня принимали тогда, такъ принимаютъ и теперь; точно ребенка.

— Подождите — выростите, пошутилъ я. Маня разсердилась.

Къ концу сезона у Мани завелось много поклонниковъ. Благодаря ли природному такту, или совѣтамъ Бородиной, самое присутствіе которой въ труппѣ охраняло Маню отъ закулисныхъ интригъ, но она держалась съ тактомъ, притомъ и поклонники были народъ порядочный, и ихъ ухаживаніе за Маней не носило того оскорбительнаго характера, который въ большинствѣ случаевъ сказывается въ отношеніяхъ къ актрисѣ. Изъ всѣхъ поклонниковъ молодой актрисы самымъ постояннымъ былъ нѣкто Костецкій, ухаживавшій за Маней еще до ея поступленія на сцену. Это былъ человѣкъ лѣтъ тридцати, юристъ по профессіи, служившій по судебному вѣдомству. Пользуясь репутацией знающаго и дѣльнаго человѣка, онъ дер-

жался всегда особнякомъ и, вслѣдствіе-ли этого или вообще сухости характера, его не любили; мнѣ, какъ и другимъ, онъ вообще не особенно нравился, хотя я и не могъ объяснить себѣ почему. Маня относилась къ нему очень внимательно и симпатично, видно было, что этотъ красивый и серьезный человѣкъ имѣлъ на нее сильное вліяніе. Бородина смотрѣла на это ухаживаніе серьезно и даже помогала Костецкому.

Послѣ зимняго сезона труппа обыкновенно уѣзжала въ сосѣдній губернской городъ и играла тамъ цѣлое лѣто. Маня уѣхала вмѣстѣ съ труппой туда и къ зимѣ вернулась снова въ N-скъ. Бородиной въ этотъ годъ въ труппѣ уже не было. Игра Мани стала отчетливѣе, выдержаннѣе, но впечатлѣніе производила такое-же, какъ и въ первый годъ. Въ половинѣ зимы я уѣхалъ изъ N-ска и, вернувшись весной, въ числѣ первыхъ новостей услышалъ, что Маня оставляетъ сцену и выходитъ замужъ за Костецкаго.

— Нашла кого выбрать,—досадливо замѣтилъ рассказавшій мнѣ это мой знакомый — Костецкій тяжелый человѣкъ и съ нимъ не трудно умереть со скуки.

— Правда, что васъ можно поздравить? спросилъ я дня черезъ два у Мани.

— Правда—отвѣтила она, смущено улыбаясь.

— И сцену оставляете?

— Да—вздохнула она—тетя была права... Положеніе актрисы ужасно.

— Вотъ какъ! Почему?

Спрашивая, я зналъ, что въ послѣднюю зиму Манѣ пришлось испытать закулисныя интриги и назойливое ухаживаніе одного адвоката. Это былъ въ высшей степени увлекающійся человѣкъ, любезности и безтактныя выходки котораго компрометировали Маню. Обрѣзывать и оборвать его она не сумѣла, начались сплетни, перешедшія изъ-за кулисъ и въ общество.

— Еще-бы не ужасно! отвѣчала она, краснѣя—всякій можетъ оскорбить. Богъ съ ней и со сценой.

— По старому знакомству, простите нескромный вопросъ—вы полюбили?

— Да, онъ мнѣ нравится.

— И скоро свадьба?

— Черезъ два мѣсяца. Тетя раньше прѣхать не можетъ.

— А что пишетъ Вѣра Павловна?

— Совѣтуетъ выходить...

Въ эту минуту къ намъ подошелъ Костецкій.

— Я сейчасъ поздравлялъ Марью Ивановну, позвольте поздравить и васъ.

— Очень благодаренъ—отвѣтилъ онъ, пожимая мнѣ руку.

— И такъ вы отнимаете у насъ такую симпатичную актрису?

— Марья Ивановна успѣла уже достаточно поплатиться за свое увлеченіе сценическими лаврами—съ ироніей и сухо замѣтилъ онъ.

Я ушелъ.

— Этакій идолъ—говорилъ мнѣ мной знакомый—онъ и теперь ужъ ей слова ни съ кѣмъ не дастъ сказать.

— Они здѣсь будутъ жить?

— Нѣтъ, въ M-скѣ, Костецкій переходитъ туда на службу.

Черезъ недѣлю послѣ прощальнаго спектакля Маня уѣхала въ M-скъ, гдѣ и обвѣнчалась.

III.

Года черезъ два, зимой, мнѣ пришлось быть въ M-скѣ. Разсчитывая прожить здѣсь мѣсяца два, я возобновилъ старыя знакомства, начавъ съ Бѣловыхъ. Это были очень милые и симпатичные люди, года за три назадъ переѣхавшіе изъ N-ска въ M-скъ. Я просидѣлъ у нихъ часа два, рассказывая и спрашивая обобщихъ знакомыхъ.

— А гдѣ живутъ Костецкіе?—спросилъ я на прощаніе.

— А вы хотите къ нимъ ѣхать?—спросила меня въ свою очередь Варвара Николаевна Бѣлова.

— Да. Я старый знакомый Марьи Ивановны. Васъ какъ будто это удивляетъ?

— Нѣтъ не то—насмѣшливо улыбнулась Варвара Николаевна.—Даромъ съѣздите—васъ не примутъ.

— Не примутъ? Почему?

— Костецкій держитъ свою жену подъ семью замками и кромѣ почтенныхъ старичковъ не принимаетъ никого.

— Можетъ-ли быть! Да что же это такое?

— Его прозвали Черноморомъ. Мнѣ ужасно жаль ее, бѣдняжку. Она премилая.

— Да съ чего это онъ? Ее ужъ меньше всего можно назвать кокеткой.

— Да, вотъ, подите. Всѣ вѣдь мужчины варвары,—добавила она, ласково смотря на мужа.

— Ну я все-таки попробую, можетъ-быть для прѣзжаго сдѣлаютъ исключеніе.

— Не думаю.

Бѣлова оказалась права. Отворившая мнѣ сердитаго вида женщина сказала, что барина нѣтъ дома, а барыня нездорова. Дня черезъ четырея повторилъ визитъ, отвѣтъ былъ тотъ-же, а когда я заѣхалъ въ третій разъ, такъ мнѣ прямо сказали, что не принимаютъ. Послѣ третьяго визита Костецкій завезъ мнѣ свою карточку, не спросивъ даже—дома-ли я.

На вечерѣ у Бѣловыхъ, представляя меня своимъ знакомымъ, Варвара Николаевна говорила:—Рекомендую—заѣзжій рыцарь, напрасно старающійся проникнуть въ заколдованный замокъ Черномора.

— Не огорчайтесь—сказалъ мнѣ одинъ судебный слѣдователь—со мной было тоже самое.

Прошли ведѣли двѣ. Зайдя какъ-то разъ въ одинъ изъ магазиповъ, я неожиданно встрѣтился съ Маней.

— Здравствуйте—обрадовалась мнѣ она и сейчасъ-же, смутясь и краснѣя, прибавила:—я ужасно вповата передъ вами все никакъ не могу васъ принять ..

Всмотрѣвшись внимательнѣе, я удивился той пережвѣ, которая проявила съ Маней. Похудѣвшая, блѣдная, съ отпечаткомъ какого-то затаеннаго испуга на лицѣ, она едва напомянула того жизнерадостнаго ребенка, какимъ была прежде.

— Какъ вы измѣнились,—вырвалось у меня. Нездоровится все... да в маленькая все взорается... Какъ-же вы поживаете, что дѣлается у насъ въ N—скѣ?

— Все по старому. Расскажите-ка лучше какъ вы поживаете?

— Я—хорошо... я счастлива—точно стараюсь меня увѣрить въ этомъ, говорила Маня.—Только вотъ здоровье плохое стало..

— Что же вы не лѣчветесь?

— Я лѣчусь...

Продолжать разговоръ въ магазинѣ долбе было неудобно, мы вышли на улицу.

— Пойдемте къ намъ,—здѣсь не далеко—сказала Маня.

— Удобно-ли это?

— Пойдемте пожалуйста. Мнѣ ужасно софѣство, что вы три раза не застали меня. Но вѣдь вы добренькій, не разсердитесь. Мужъ у меня немножко нелюдимъ и вѣчно занятъ. Зайдите, я такъ давно ничего не слыхала объ N—скѣ.

«Не выговорить же меня этотъ панъ» подумалъ я и пошелъ съ Маней.

— Здѣсь распустили слухи, что Фелнксъ ужасный ревнивецъ—это неправда. Онъ вѣчно занятъ, а выѣзжать одной не хочется, впрочемъ мы бываемъ... я у насъ тоже...—рассказывала Маня дорогой, волнуясь и краснѣя.

Она мнѣ напомянула въ эту минуту ребенка, который, ушибаясь очень больно, увѣряетъ мать, что это ничего, что ему совсѣмъ даже и не больно.

— И такъ вы счастливы и довольны?

— Очень. Вы представить не можете, какъ Фелнксъ меня любитъ!

— Не черезъ-чуръ-ли?

— Да нѣтъ же, я вамъ говорю, это все сплетни, что онъ ревнивъ... Хотя въ первое время послѣ вашей свадьбы этотъ противный Ванскій, помните—тотъ адвокатъ, который за мной ухаживалъ въ N—скѣ,—былъ здѣсь и постоянно надождалъ мнѣ своимъ ухаживаньемъ... Ну, конечно, Фелнксу это было неспрїятно, мы и перестали выѣзжать тогда...

— Отчего васъ не видать въ театрѣ?..

— Да все какъ-то не удается,—опять смутилась Маня.

Квартира Костецкихъ сразу произвела на меня какое-то подавляющее впечатлѣніе. Несмотря на свѣтлый, зимній день и красивую, приличную обстановку, комнаты выглядели не уютными и мрачными. Маленькія окна, обледѣвшія до верха, плохо пропускали свѣтъ; въ комнатахъ чувствовалась сырость и дуло въ ноги.

— Приготовь пожалуйста поскорѣе кофе, Васильевна,—вѣрнѣе просила, чѣмъ распорядилась Маня, обратившись къ отворившей памъ дверь, сердитаго вида женщицѣ.—Баринъ дома?—спросила она.

— Нѣтъ,—какъ-то буркнула въ отвѣтъ Васильевна, уходя изъ комнаты.

Извѣстіе, что мужа нѣтъ дома, оживило Маню. Она стала развязнѣе и засыпала меня вопросами объ N—скихъ знакомыхъ.

— Послушайте, а у васъ не тепло,—замѣтилъ я, чувствуя, что моп ноги зябнуть болѣе п болѣе.

— Да, у насъ скверная квартира, печь плохія. Особенно холодно въ этой комнатѣ—смущенно отвѣтила Маня. Я понялъ, что она стѣснялась пригласить меня въ другую комнату.

— А какъ поживаетъ Надя Свѣтлова?—спрашивала она про одну подругу, недавно вышедшую замужъ.

— Отлично. Вотъ ужъ именно парочка. Обдо страсти любятъ театръ и разъ пять играли зимой на любительскихъ спектакляхъ.

— Вотъ счастливица Надя!—искренпо вырвалось у ней.

— А помните какъ она вамъ завидовала, когда вы играли?

— Да, да... славное было время... Мы съ Надей были очень дружны.

— А здѣсь вы не играли ни разу на любительскихъ?

— Ахъ, нѣтъ... Что вы!

— Почему?

— Фелнксъ Ивановичъ не хочетъ. Выйдя замужъ, я дала ему слово никогда не играть ва сценѣ.

— Удивительно—опъ былъ большой театраль.

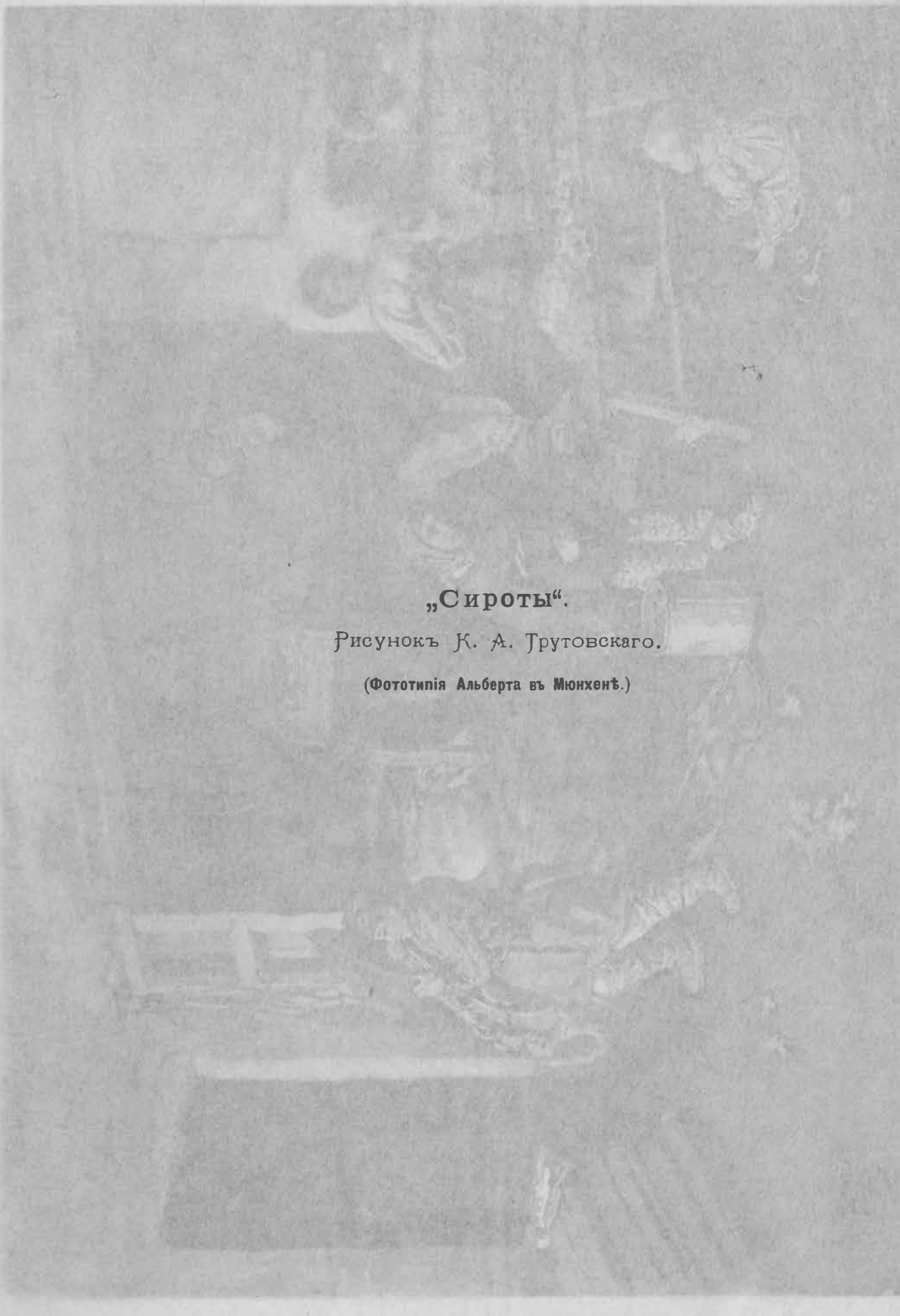
— Напротивъ: онъ терпѣть не можетъ театра, онъ и въ N—скѣ бывалъ только исключительно для меня.

— Это очень жалко. А сознайтесь, вѣдь тянетъ поиграть?

— Конечно... Ипой разъ забудешься одна и пачнемъ читать прежнія роли... Такъ бы вотъ и сыграла... Да, тетя была права—лучше было не начинать...

И молодая жевщина глубоко и тяжело вздохнула.

„Сироты“.

Рисунокъ К. А. Трутовскаго.

(Фототипія Альберта въ Мюнхенѣ.)

to Simoncini
1889

— Вы-бы въ театрѣ бывали почаще.

— Ахъ нѣтъ—хуже. Прошлыя двѣ зныи еще ничего, а нынче и во снѣ все видишь, что играешь. Ужасно мнѣ нравится роль Дикарки, такъ-бы и сыграла.

— Сыграйте на любительскомъ.

— Да я же вамъ говорю: нечего и думать. Феликсъ Ивановичъ сердится, когда я заговорю о театрѣ или читаю вслухъ дома свои роли.

— Это ужъ совсѣмъ странно!

— Онъ и ревнуетъ меня только исключительно къ театру. Довольно самой ничтожной мелочи, напоминающей о театрѣ, чтобъ лишить его хорошаго расположенія духа. Онъ никакъ не можетъ забыть и примириться съ тѣмъ, что я была актрисой.

Молодая женщина говорила торопливо и волнуясь. Видимо она обрадовалась случаю высказаться...

— Досаднѣ всего, что онъ въ самыхъ простыхъ моихъ словахъ, въ каждомъ проявленіи чувства—видитъ игру,—ему кажется, что я разыгрываю всегда роль... Это ужасно тяжело...

При послѣднихъ словахъ голосъ молодой женщины дрогнулъ и на глазахъ блеснула слеза.

— Тяжело вамъ?

— Да, голубчикъ... А между тѣмъ онъ хорошій, добрый, любить меня до безумія, но эта несчастная подозрительность мучитъ и его и меня.

Въ передней раздался звонокъ, и въ комнату вошелъ Костецкій. Онъ пристально и подозрительно посмотрѣлъ на насъ и, пробормотавъ «мое почтеніе», довольно сухо поздоровался со мной.

— Я кажется помѣшалъ?—съ насмѣшливой улыбкой сказалъ онъ, садясь въ кресло.—Вѣроятно разговоръ шелъ о лаврахъ, которыя поживала Марья Ивановна во время своей сценической карьеры.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ я, желая дать время Манѣ справиться съ собой,—я рассказывалъ Марьѣ Ивановнѣ о житіи бытѣ нашихъ общихъ знакомыхъ.

— Изъ театрального міра, конечно?

— Тоже нѣтъ. Главнымъ образомъ мы говорили о Надеждѣ Ивановнѣ Свѣтловой. Вы ее знаете?

— Ахъ это та востроносенькая барышня, которая также страдала сценической. Она кажется вышла замужъ за актера?..

— Нѣтъ... ея мужъ купецъ.

— Странно.

Наступило неловкое молчаніе.

— Давно вы получали письма отъ Вѣры Павловны? Она кажется въ Харьковѣ играетъ эту зиму?

— Да,—оживилась Маня—она очень довольна. Какъ ее тамъ принимаютъ, цвѣты, подарки.

— Вполнѣ понимаю. Такой актрисы, какъ она, мы скоро увидимъ.

— А Марья Ивановна? Развѣ она вамъ не говорила, что хочетъ ѣхать гастролировать въ самыхъ сильныхъ трагическихъ роляхъ?—саркастически замѣтилъ Костецкій, уходя въ другую комнату.

— Вотъ видите—какъ-то по-дѣтски жалобно выговорила Маня,—опять разсердился! Теперь цѣлую недѣлю только и будетъ разговоровъ... стапетъ подписываться, что я великая актриса, что не сыграть-ли мнѣ леди-Макбетъ...

— Простите, голубушка, это я виноватъ.

— Вы непрічемъ... Это вѣдь чуть не каждый день! И зачѣмъ только, Господи, я поступала на сцену!

Въ ея голосѣ дрогнули слезы.

Я всталъ и сталъ прощаться.

— Вы еще не скоро уѣдете?—спросила Маня, быстро отирая глаза.

— Недѣли черезъ двѣ.

— Заѣзжайте проститься...

Въ эту минуту Костецкій вышелъ изъ другой комнаты.

— Навѣщайте пожалуйста Марью Ивановну,—съ преувеличенной любезностью прощался онъ со мной.—Она въ послѣднее время работаетъ надъ ролью Федры и могла-бы прочесть вамъ свои монологи.

— Грѣхъ падо мной такъ издѣваться, Феликсъ!—не выдержала Маня и расплакалась.

— Неправда-ли, она очень патетична!—вскричалъ Костецкій.

Мнѣ ужасно хотѣлось обругать этого самодовольнаго, безсердечнаго человѣка. Крѣпко пожавъ руку плачущей Манѣ, я съ тяжелымъ чувствомъ вышелъ отъ Костецкихъ.

— Вотъ она гдѣ семейная-то драма—думалъ я. Ну что толкнуло такого милаго ребенка, какъ Маня, въ объятія Черномора? Вѣдь между ними нѣтъ ничего общаго. Юристъ, чиновникъ, сухой и самолюбивый и она? Кто виноватъ? Обыкновенно говорятъ, сама выжила... Въ томъ-то и бѣда, что у женщины—сердце, потребность любить, а отнестись критически въ состояніи не многія... Поженятся люди и окажется черезъ годъ, что они совсѣмъ не то, за кого принимали другъ друга. И начнется сѣренькая, безцвѣтная, однообразно-скучная семейная жизнь.

— Что съ вами?—прервалъ мои размышленія чей-то голосъ. Это оказался нѣкто Егоровъ, мой знакомый. Васъ должно быть что-то сильно взволновало, если вы на площади губернскаго города М—ска громко возглашаете такіе афоризмы. Самое лучшее въ наше время ничего не думать—отвѣчу я другимъ афоризмомъ и поведу васъ къ себѣ обѣдать, а потомъ будемъ играть въ карты до клуба.—Я согласился.

Дня черезъ два въ городѣ уже рассказы-вали, что мы разодрались съ Костецкимъ. Одинъ знакомый, встрѣтись со мной, замѣтилъ:

— Что же вы не завернете къ намъ? Или вы боитесь, что васъ такъ-же примутъ какъ Костецкій?

— Жаль, что вы не переломали ему ребра—говорилъ другой.

Напрасно я увѣрялъ, что все это сплетня, слушатели дѣлали видъ, что вѣрятъ, но внутренно остались при убѣжденіи, что скандалъ все-таки былъ. Черезъ нѣсколько дней уже рассказывали, что я давно влюбленъ въ Костецкую и предлагалъ ей теперь бросить мужа, ѣхать со мной въ Таганрогъ и тамъ поступить на сцену. Почему именно въ Таганрогъ, я такъ и не могъ добиться.

Должно быть слишкомъ ужъ скучна наша жизнь, если единственнымъ средствомъ для оживленія общества служить или вышучиванье кого-нибудь, или грубая карриатура или сплетня.

Разъ утромъ за мной прислали отъ Бѣловыхъ.

— Что прикажете, Варвара Николаевна?—спросилъ я, здороваясь съ ней.

— А вотъ прочтите, отвѣчала она, подавая мнѣ записку.

«Милая Варвара Николаевна, будьте такъ добры передайте Василию Николаевичу, что я напрасно беспокоила его, прося захватить передъ отъѣздомъ за посылкой, которую я просила его доставить въ Н—скъ, я ее уже отправила сама.

М. Костецкая».

— Что означаетъ сей сонъ?—насмѣшливо улыбаясь, спросила меня Варвара Николаевна.

Я догадался.

— Бѣдняжка боится, что выйдетъ какая-нибудь исторія, если я еще разъ буду у нихъ. Вѣроятно эти глупыя сплетни дошли до Костецкаго.

— Итакъ, заколдованный замокъ навсегда закрытъ для васъ, бѣдный рыцарь!

— Возмутительнѣе всего эти сплетни! Вашъ М—скъ это какая-то фабрика сплетенъ.

— А у васъ, въ Н—скѣ, развѣ не то же?

— Скажите мнѣ, Варвара Николаевна, отчего это наша семейная жизнь устроивается такъ глупо? Ну вотъ взять Костецкихъ: по любви женились, а вышло чертъ знаетъ что. Онъ ревнуетъ ее даже не къ людямъ, а къ театру. Взять васъ съ мужемъ, съумѣли-же вы устроиться счастливо; но почему это только рѣдкое исключеніе?

— Бракъ—лоттерея, намъ выпалъ счастливый билетъ, вотъ и все.

— Да отчего этихъ билетовъ такъ мало?

— Не знаю, мой другъ. Мнѣ кажется, что если мы счастливы съ мужемъ, такъ главнымъ образомъ потому что не стараемся подчинять

другъ друга. Вы, мужчины, настолько эгоисты, что непременно хотите подчинить себѣ даже психическій міръ женщины, а не только ея самою. У насъ съ мужемъ этого нѣтъ. При томъ родились мы оба и выросли при нормальныхъ условіяхъ. А это очень много значить. Впрочемъ вы ужъ очень пессимистично смотрите: удачныхъ браковъ больше, чѣмъ вы думаете.

— Не правда. Положимъ есть пословица: стерпится—слюбится! А когда стерпится, женщина—человѣкъ превратится въ милую дамочку, малознающую няньку, и, въ рѣдкихъ случаяхъ, кухарку за повара.

— Ну, попали на свой конекъ—перебила меня Варвара Николаевна.

— Вашъ М—скъ такъ мнѣ опротивѣлъ, что я завтра-же удираю. Если увидите Костецкую, передайте, что я ужасно огорченъ всей этой дурацкой исторіей.

На другой-же день я уѣхалъ.

IV.

Прошли три года. Въ жаркій лѣтній день, я и мой пріятель, Андрей Николаевичъ Бороздинъ, сидѣли послѣ обѣда на балконѣ деревяннаго домика въ одномъ изъ золотопромышленныхъ округовъ Оренбургской губерніи и лѣниво перекидывались словами. Судьба забросила меня въ этотъ край и я очень обрадовался, узнавъ, что верстахъ въ двадцати отъ той деревеньки, гдѣ я поселился, живетъ Андрей Николаевичъ. Онъ былъ главнымъ довѣреннымъ и небольшимъ участникомъ въ золотыхъ пріискахъ одной большой компаніи.

Бороздинъ былъ человѣкъ лѣтъ подлѣ сорокъ, вдумчивый, симпатичный, съ огромнымъ запасомъ опытности и знанія жизни.

— Вамъ что-то не по себѣ сегодня, Андрей Николаевичъ,—спросилъ я, замѣтивъ, что мой хозяинъ, очень словоохотливый вообще, молча куритъ сигару.

— Да. Натолкнулся опять на одно печальное явленіе жизни.

— Что такое?

— Кумысники теперь наѣхали сюда, такъ вотъ... Удивительный право народъ доктора, посылаютъ прямо умирать... Знаете, ужасно тяжело видѣть, какъ угасаетъ голодая жизнь. Особенно грустно, когда вспомнишь, что лѣтъ пять шесть назадъ зналъ ее въ полномъ разцвѣтѣ молодости и красоты.

— Такъ это барыня?

— Да. Вотъ черезъ часикъ жаръ схлынетъ, мы и поѣдемъ къ ней. Она одна теперь, я каждый день навѣщаю...

— Она замужемъ?

— Да. Мужъ уѣхалъ не надолго. Я ее поимѣтилъ въ домикѣ у озера, знаете?

— Да. Тамъ хорошо.

Часа через полтора намъ подали верховыхъ лошадей и мы бойкой рысью направились къ блестящему вдали на солнцѣ, какъ серебряное блюдо, озеру.

— А это ничего, что вы везете меня къ ней?

— Нѣтъ, она рада каждому. Только предупреждаю—вынесете грустное впечатлѣніе.

Саженьхъ въ десяти отъ воды стоялъ хорошенкѣй домикъ, а невдалекѣ, на зеленой лужайкѣ была раскинута щегольская палатка Андрея Николаевича. Бороздинъ вошелъ первый, я остановился у входа.

— Здравствуйте, Марья Ивановна—говорилъ Бороздинъ, здороваясь,—а я сегодня не одинъ—привезъ къ вамъ моего пріятеля, рекомендую.

Я вошелъ въ палатку и остолбенѣлъ отъ неожиданности. Въ блѣдной, худой женщинѣ, протянувшей мнѣ руку, я узналъ Маню Костецкую.

— Голубчикъ, какъ я рада!—оживленно вскричала она, подымаясь съ кушетки.—Неужели я такъ измѣнилась, что вы меня не узнаете?

Я быстро оправился и объяснилъ, что Бороздинъ не сказалъ мнѣ, съ кѣмъ меня хочетъ познакомить.

— Мы старые, старые знакомые, Андрей Николаевичъ.

— Тѣмъ лучше. Теперь мы вдвоемъ съ нимъ будемъ вамъ надождать.

— Вы такой милый, Андрей Николаевичъ, такой милый—такъ заботитесь обо мнѣ. Право и хворать не скучно, имѣя вблизи старыхъ друзей.

— Ну какъ-же вы сегодня себя чувствуете Марья Ивановна?—спросилъ Бороздинъ.

— Ничего, лучше. Да еще-бы здѣсь не поправиться. Вотъ только бы кашель прошелъ... Да я увѣрена, что черезъ мѣсяцъ я буду почти здорова.

Минутное оживленіе кончилось и молодая женщина, утомленная, опустила на подушку и закашлялась...

— Силъ мало... устаю... А какъ устану... кашель... Что я очень измѣнилась?—спросила она меня.

— Нѣтъ, конечно похудѣли немного, блѣднѣе прежняго, и только...

— Говорятъ у меня чахотка.

— Какая у васъ чахотка,—возразилъ Бороздинъ—просто малокровіе. Нашъ кумысъ чудеса дѣлаетъ.

— Да, я всего недѣлю пью, а ужъ начинаю чувствовать себя лучше. Отъ однихъ видовъ и воздуха можно выздороветь. Посмотрите какая здѣсь предѣсть—я налюбоваться не могу.

И блестяшіе лихорадочнымъ огнемъ глаза съ любовью взглянули на окружающее. Широко раскинулась зеленая, покрытая цвѣтами

степь. На десятки верстъ кругомъ цѣлое море зеленой травы и пестрыхъ цвѣтовъ. Вдали, на горизонтѣ, тянулись хмурые горы южнаго Урала, покрытыя синеватой дымкой. Направо сверкало озеро, а за нимъ опять ширь и просторъ уходящей на сотни верстъ степи. Вѣтерокъ доносилъ прохладу и легко дышалось здоровымъ воздухомъ, насыщеннымъ ароматомъ степныхъ цвѣтовъ.

А среди этой могучей, полной жизни и силъ, смѣющейся природы, на низкой кушеткѣ лежала блѣдная, какъ воскъ, съ лихорадочнымъ румянцемъ на щекахъ, блѣдная Маня и задумчиво смотрѣла на дальніе контуры горъ.

— Хорошо—проговорила она слабымъ голосомъ.—Надо, надо поправляться скорѣй. Вы знаете, Василій Николаевичъ,—быстро и оживленно заговорила она—осенью я поступаю опять на сцену. Мужъ согласился и я совершенно счастлива! Какой онъ добрый, мой Феликсъ!

— А гдѣ онъ?

— Уѣхалъ въ М-скъ не на долго, а потомъ на цѣлое лѣто сюда и дочурку мою привезетъ.

— Вамъ скучно безъ него?

— Немного. Я сама уговорила мужа уѣхать—у него очень серьезное дѣло. А мнѣ здѣсь такъ хорошо, такъ удобно, благодаря Андрею Николаевичу. Такъ вотъ какъ, вы опять меня увидите на сценѣ... Право, если я умру, такъ развѣ отъ нетерпѣнія. Я много работала, мой другъ, послѣдніе годы, отлично подготовила нѣсколько ролей. Я хочу дебютировать въ Оффелии... У меня есть голосъ. Какъ вы думаете, у меня выйдетъ?

„Онъ въ гробѣ лежалъ съ непокрытымъ лицомъ.“

„Съ непокрытымъ, открытымъ лицомъ.“—пропѣла она тихимъ голосомъ.

У насъ съ Бороздинымъ навернулись слезы на глаза.

— Барыня голубушка—пѣть нельзя,—сказала пожилая женщина, входя въ палатку.—Вотъ выпейте лучше кумыса.

— Ты ужъ опять съ кумысомъ, Егоровна.—сказала она, съ неудовольствіемъ выпивая чашку.

— Не нравится онъ вамъ?

— Противный, а все-таки надо пить. Какъ вы думаете—въ началѣ зимы я въ состояніи буду играть на сценѣ?

— Несомнѣнно.

— Тетя была права—заговорила она снова тихимъ голосомъ,—тянетъ... Такъ и тянетъ... и страшно, и весело... Василій Николаевичъ, вѣдь у меня есть талантъ? Не большой, какъ у тети, куда, а такъ искорка, есть вѣдь?

— Конечно... У васъ очень хорошо выходили нѣкоторыя роли.

— Неправда-ли?.. Ахъ, какъ-бы мнѣ хотѣ-

лось сыграть Офелію... Право ужасно надоѣло хворать. Другой годъ все хуже и хуже... Такъ вы не обманываете меня, что моя болѣзнь не чахотка?—спрашивала она, пристально смотря на Бороздина.

— Да нѣтъ-же...

— Умирать не хочется... Вѣдь мнѣ двадцать четыре года... Дѣвочка у меня... А сцена?.. Вѣдь это такое наслажденіе... Нѣтъ, я не хочу умирать...

И склоняясь на подушку она задремала. Егоровна покрыла больную пледомъ и мы тихо вышли изъ палатки.

— Не нужно-ли вамъ чего, Егоровна?—спрашивалъ Бороздинъ.

— Нѣтъ, батюшка, ничего не нужно... А только-бы надо послать депешу къ Феликсу Ивановичу, чтобы ѣхалъ скорѣе, не ровень часъ...

— Данеужели она такъ слаба?—вскричалъ я.

— Долго не натянется.

Черезъ часъ больная проснулась, въ воздухѣ чувствовалась свѣжесть и Маню перенесли въ домъ. Мы просидѣли часовъ до десяти, занимая ее своими разказами.

— Сидѣлка права—она долго не проживетъ—замѣтилъ мнѣ Бороздинъ—я сегодня-же пошлю телеграмму Черномору. А какъ мнѣ не пришло въ голову, что вы съ ней старые знакомые?

— Ну а Черноморъ что? Знаетъ о ея положеніи?

— Конечно знаетъ. Долженъ на дняхъ пріѣхать.

— Вы его знали раньше?

— Очень мало. Только по репутаціи Черномора... Вотъ сгубла то ни за-что ни про-что молодая жизнь!

— Проклятый Черноморъ!

— Глупѣе всего то, что онъ любитъ ее до безумія.

— Хороша любовь.

— Охъ, батюшка! Всѣ мы, мужчины, хороши. Нашъ эгоизмъ, наше самодовольство всему причиною. Думаемъ, что если ужъ любимъ женщину, такъ она и должна быть счастлива... Нѣтъ въ насъ тонкаго пониманія особенностей женской природы, умѣнья угадать ея завѣтныя мечты. Въ этомъ и причина семейныхъ драмъ.

На другой день я цѣлое утро провелъ съ больной. Ей было хуже.

Мнѣ было нужно ѣхать домой, я сталъ прощаться.

— Дня черезъ три пріѣду.

— Такъ долго? Голубчикъ, пріѣзжайте завтра—какъ-то дѣтски просительно прошептала она, смотря на меня своими темными глазами. Въ глубинѣ этихъ глазъ было что-то такое невыразимо грустное, что у меня сжалось сердце.

— Завтра-же пріѣду, — сказалъ я, цѣлуя ея руку.

Осмотрѣвъ дома наскоро работы и сдѣлавъ распоряженія на цѣлую недѣлю, я на другой-же день къ обѣду вернулся къ Бороздину.

— Ну, что больная?

— Скверно. Сейчасъ проводилъ доктора, говорить: плоха.

— Что-же вы его не удержали?

— Завтра пріѣдетъ, а сегодня ему надо быть на вскрытіи.

Увидавъ меня, Маня очень обрадовалась. Она лежала на балконѣ домика.

— Въ палаткѣ душно,—говорила она,—а здѣсь кругомъ все видно... Спасибо что пріѣхали.

— Ну а вы какъ?

— Сегодня лучше.

— Я внимательно посмотрѣлъ на ея лицо: тотъ же зловѣщій румянецъ алѣлъ на щекахъ, въ темныхъ глазахъ свѣтилось тоже загадочное, испугавшее меня, выраженіе.

— Мнѣ сегодня совсѣмъ хорошио. Я отлично спала и видѣла чудный сонъ: мнѣ снилось, что я играю на громадной сценѣ какую-то драму. Тысячи зрителей... Драма тяжелая, что то въ родѣ „Свѣтскихъ ширмъ“—героиня умираетъ... Я умирала, а мнѣ было такъ легко, хорошо и какъ-то особенно грустно, я плакала и со мною плакали всѣ, вся публика плакала...

— А у меня для васъ сюрпризъ, Марья Ивановна—сказалъ Бороздинъ, входя на балконъ—телеграмма отъ Феликса Ивановича.

Маня торопливо прочла телеграмму.

— Онъ вчера выѣхалъ... Союю везетъ. Ахъ какъ это хорошо! Когда они пріѣдутъ, Андрей Николаевичъ?

— Завтра къ вечеру должны быть.

— Дѣвчурку свою увижу; какая она у меня славная, Василий Николаевичъ!

Полученное извѣстіе чрезвычайно оживило Маню. Теперь ея нельзя было узнать. Мы съ Бороздинымъ просидѣли у ней до обѣда.

— Смотрите, пріѣзжайте скорѣе. Какъ отобѣдаете, такъ и пріѣзжайте—сказала она, прощаясь съ нами.

— Ну, слава Богу, что Костецкій пріѣдетъ завтра,—сказалъ мнѣ Бороздинъ.

— А что?

— Да не нравится мнѣ она. При чахоткѣ, говорятъ, за нѣсколько часовъ ничего нельзя узнать.

Мы наскоро объѣхали работы, пообѣдали, и снова отправились къ больной. Маня спала.

— Завтра Феликеть-то Иванычъ пріѣдетъ?—спросила насъ Егоровна.

— Завтра, а что?

— Ну, слава Богу...

Часовъ въ шесть Маня проснулась, на террасу подали самоваръ и мы стали пить чай.

— Вы не повѣрите, какъ мнѣ хорошо стало—говорила Маня—если-бъ не слабость, взяла-бы и побѣжала... Василій Николаевичъ, нарвите мнѣ вотъ этихъ синенькихъ и красненькихъ цвѣтовъ.

Я спустился съ терассы и набралъ цѣлый букетъ.

— Это вы мнѣ даете въ задатокъ того букета, который поднесете, когда я сѣиграю Офелію. Вы вѣдь пріѣдете меня смотрѣть? И вы, Андрей Николаевичъ?

— Конечно, пріѣдемъ.

— А вѣдь у Офеліи кажется водяныя цвѣты... Василій Николаевичъ, будьте миленькій, достаньте съ озера кувшинчиковъ и водяныхъ лилій... Впрочемъ, какая я глухая, какъ вы ихъ достанете.

— Очень просто. Тутъ есть лодка.

Черезъ четверть часа я принесть и водяныхъ цвѣтовъ.

— Какая прелесть. Надо сдѣлать вѣнокъ.

И перебирая блѣдными и худыми пальчиками цвѣты, Маня стала плести вѣнокъ.

— Какіе вы оба добрые—говорила она—балуете меня. Говорятъ, мужчины эгоисты, неправда... Вотъ Феликсъ мой... согласился же чтобъ я играла... Конечно, позволь онъ мнѣ раньше играть, я бы, можетъ быть, и не расхворалась такъ... Послушайте... Въ этомъ-же вѣдь нѣтъ ничего дурнаго. Играть на сценѣ. Это-же наконецъ искусство?

— Высокое искусство.

— Ну да. Онъ это понялъ только теперь, отчего-же не раньше?

— Предвзятое мнѣніе.

— Ахъ эти предвзятыя мнѣнія. Какъ они коверкаютъ жизнь—вскричалъ Бороздинъ.

— Больно коверкаютъ,—добавила Маня и задумчиво посмотрѣла вдаль...

— Хорошо-то какъ!

Было часовъ восемь, солнце опускалось и его косые лучи золотыми полосками ложились на гладь озера. Откуда-то издалека доносился однообразно унылый мотивъ киргизской пѣсни.

— Не сыро-ли вамъ?

— Что вы, теперь только и дышать... и я не уйду пока не закатится солнце. А вотъ и вѣнокъ готовъ.

И она, приподнявшись на кушеткѣ, надѣла его на свою головку.

— Егоровна, дай зеркало.

Принесли зеркало. Маня нѣсколько минутъ смотрѣла на себя.

— Неправда-ли, совсѣмъ Офелія?—какъ-то загадочно улыбунулась она.

Я взглянулъ на Бороздина и одна и та же мысль, что конецъ близко, мелькнула у насъ въ головѣ. Мы оба посмотрѣли на Маню. Прислонясь головкой къ подушкѣ, блѣдная, вся въ бѣломъ, съ вѣнкомъ изъ этихъ незатѣйливыхъ водяныхъ цвѣтовъ на черныхъ волосахъ, Маня напомнила мнѣ картину, когда Офелія плыветъ по рѣкѣ.

— «Моего-ль вы знали друга?»... тихо, тихо пѣла она, смотря на заволакивающуюся синеватой дымкой даль.

— Какъ хорошо... Вотъ и солнышко начинаетъ закатываться. Закатится—мѣсяцъ будетъ свѣтить—мечтательно шептала она. Дыханіе Мани становилось прерывистѣе.

Мы молчали.

— Вчера я проснулась—мѣсяцъ свѣтилъ... Ахъ еслибъ и сегодня видѣть такой же сонъ!.. Громадная зала, свѣтъ, публика... А я, я читаю свой монологъ... Всѣ молчать... Вотъ и букетъ.. Цвѣты, дождь цвѣтовъ... Это букетъ мнѣ отъ публики.

И бѣдняжка протянула ручку съ моимъ букетомъ.

— Сейчасъ закатится солнце—шептала она,—какъ хорошо...

Солнце медленно закатилось, далекія вершины горъ тонули въ розовомъ туманѣ. Чуть-чуть доносился звукъ киргизской пѣсни.

— Какъ тихо... Публика молчитъ... Поютъ... А, это могильщикъ поетъ... Опять все тихо... Темнѣетъ... Лампы тушатъ... Спектакль кончился. Сейчасъ вызывать будутъ, надо идти... И Маня обвела насъ долгимъ, полнымъ неизъяснимаго выраженія, радостнымъ, свѣтлымъ взоромъ; взглянула на безпредѣльную степь, дальнія горы, глубоко вздохнула и опустилась на кушетку. Алая струйка крови показалась на губахъ и медленно скатилась на подушку.

Драма кончилась.

— Отстрадалась,—произнесла крестясь Егоровна и, тихо рыдая, закрыла глаза Манѣ.

Отвернувшись, чтобъ не смотрѣть другъ на друга, мы плакали какъ дѣти. Торжественная тишина царила кругомъ. Точно самая природа задумалась на мгновеніе надъ этой печальной картиной; молчала зеленая степь, молчали хмурыя горы и только послѣдніе отблески заката бросали свои розовые лучи на блѣдное лицо, на эту головку въ вѣнкѣ изъ водяныхъ лилій, точно прощаясь съ бѣдной Маней!

Н. Казанцевъ.

Современное обозрѣніе.

ПЕТЕРБУРГЪ.

Неустойчивость въ дѣлѣ управленія драматическаго театра. — Минувшій сезонъ и будущій. — Драматическіе курсы. — Весенніе дебюты. — Г-жа Потоцкая. — Уходъ г-жи Томсонъ. — Болѣзнь г-на Варламова.

Русскій драматическій театръ въ Петербургѣ, несомнѣнно, переживаетъ такъ называемое переходное время. — Неустойчивость, неопредѣленность, вѣчное исканіе чего то лучшаго, стремленіе выйти изъ даннаго положенія, — вотъ отличительныя черты минувшаго сезона. — «Новизна смѣняетъ новизну» — газетныя слухи, въ перегонку одинъ за другимъ, сообщаютъ — то о смѣщеніи г. Медвѣдева, то о назначеніи начальникомъ репертуарной части г. Молчанова, то о томъ, что г. Крыловъ назначенъ главнымъ режиссеромъ драматической сцены. Давно уже не писалось столько вздора и нелѣпостей объ управленіи драматической труппой, какъ въ минувшемъ сезонѣ. Трудно себѣ предста-

вить откуда газеты почерпаютъ свои свѣдѣнія. Сегодня серьезно сообщается о томъ, что все остается по прежнему, завтра пишутъ о коренной реформѣ. — Но такъ какъ дыма безъ огня не бываетъ, — то и въ данномъ случаѣ, газетныя противорѣчія явились лишь отзвукомъ тѣхъ противорѣчій и шатавій, которыя составляютъ отличительную черту настоящаго состоянія петербургской драматической сцены. — Эта неустойчивость чувствуется во всемъ: въ составленіи репертуара, въ средетовкѣ, въ ансамблѣ, въ самомъ тонѣ исполненія. Артисты словно отправляютъ какую обязанность, а не предаются томудѣлу, которое составляетъ ихъ жизнь и основу ихъ существованія. Режиссерское управленіе тоже работаетъ ровно настолько, насколько стоитъ работать, чтобы оправдать свою дѣятельность передъ начальствомъ. Оживленія, любви къ дѣлу, не чувствуется ни въ комъ. Устарѣлый составъ труппы не обновляется новыми силами, — ихъ

не ищутъ;—поэтому артисты, на склонѣ пятого десятилѣтія, нерѣдко играютъ роли, которыя должны были бы быть достояніемъ совсѣмъ юныхъ силъ. Поэтому артистъ съ сильнымъ драматическимъ подъемомъ, какъ г. Варламовъ, является комикомъ, а г. Сазоновъ—артистъ съ несомнѣннымъ прирожденнымъ комизмомъ, играетъ драматическія роли.—Распредѣленіе ролей въ «Горѣ отъ ума» и «Ревизорѣ» до сихъ поръ еще заставляетъ желать многого,—а ужь это ли не пьесы, составляющія основу репертуара!

Оглядываясь на истекшій сезонъ, можно остановиться на трехъ значительныхъ постановкахъ: «Плодовъ просвѣщенія», «Гамлета» и «Новаго дѣла».—Первая пьеса, несмотря на убійственную перетасовку исполнителей, все-же имѣла успѣхъ крупный, рѣзко выдающійся.—Послѣ перваго представленія «Гамлета» думали, что онъ немедленно канетъ въ Лету, а на дѣлѣ оказалось, что онъ сдѣлалъ около двадцати сборовъ.—«Новое дѣло» держалось на репертуарѣ, благодаря весьма старательному отношенію артистовъ и той сыгранности, которая такъ рѣдко замѣчается у насъ въ Петербургской труппѣ. Кромѣ этихъ трехъ постановокъ, ничего крупнаго въ режиссерскомъ отношеніи сдѣлано не было,—такъ какъ нельзя же постановку «Рабочей слободки» отнести къ серьезной режиссерской работѣ.

Но и въ «Плодахъ просвѣщенія» и въ «Гамлетѣ», помимо вѣчныхъ передачъ ролей, режиссерская сторона въ значительной мѣрѣ хромала. Всѣ усилія администраціи были цѣликомъ направлены на декорации и костюмы,—срепетовка же, и яркая, выпуклая передача текста, съ осмысленнымъ движеніемъ массъ—совершенно отсутствовали. Особенно ярко сказалось это при возобновленіи «Василисы Мелентевой», гдѣ есть превосходная картина въ Грановитой палатѣ, совершенно пропавшая на сценѣ. А между тѣмъ декорации той же палаты—это своего рода *chev-d'oeuvre*.

Погоня за внѣшними эффектами, составляющая самое больное мѣсто современнаго театральнаго дѣла, является у насъ даже не обезьянничаньемъ мейнингенцевъ, у которыхъ всегда есть извѣстное настроеніе въ движеніи массовыхъ группъ, а извѣстный тонъ, извѣстный характеръ каждаго дѣйствующаго лица намѣченъ опредѣленно и ясно.—Мы съ великимъ сожалѣніемъ можемъ сказать, что на Петербургской сценѣ у насъ нѣтъ ни одной пьесы, постановкой которой мы могли бы похвалиться. Есть прекрасно поставленные оперы и балеты, но нѣтъ ни одной драматической пьесы, поставленной такъ, чтобы можно было сыграть ее хотя бы въ Вѣнѣ на выставкѣ.

Поэтому Вѣнская выставка явилась для насъ своего рода складомъ буфафорскихъ и декора-

ціонныхъ произведеній—и только. Среди артистовъ являлась даже частная инициатива поѣхать въ Вѣну и сыграть тамъ нѣсколько пьесъ собственными средствами. Но планъ этотъ почему то неудался. Быть можетъ, впрочемъ, къ лучшему, потому что нельзя же ѣхать за границу показывать тамъ «Женитьбу Бѣлугина» и «Надо разводиться», да еще враскоряченными.

Будущій сезонъ обѣщаетъ мало измѣненій въ веденіи дѣла. Остается все по старому. Изъ серьезныхъ постановокъ можно отмѣтить только трагедію «Ромео и Джульетта», которая пойдетъ въ переводѣ г. Грекова. Да и относительно этой пьесы—едва-ли можно быть вполне увѣреннымъ, что она будетъ поставлена несомнѣнно. Слухи о постановкѣ «Снѣгурочки» тоже что-то мало вѣроятны. Въ Александринскомъ театрѣ даже оркестръ слишкомъ не полонъ для музыки г. Чайковского, написанной къ этой сказкѣ.—Шиллеръ, Мольеръ, Гётэ, Бомаршэ, Гольдони—все это забыто окончательно. Комедіи Шекспира не идутъ совсѣмъ. Словомъ, труппа ни къ чему серьезному не готовится, ничѣмъ не заинтересована, и теперь разѣхалась по провинціи.

Вліяніе театральнаго комитета почти совершенно не сказалось въ минувшемъ сезонѣ. Продолжали давать пьесы принятыя дирекціей до открытія комитета.—Содѣйствіе комитета по очисткѣ репертуара отъ плевелъ явилось эфемернымъ. Въ то время, когда онъ съ неумолимой строгостью браковалъ цѣлые ряды пьесъ, на сценѣ шла «Ворона въ навалиныхъ перьяхъ»—и запружала репертуаръ. Въ будущемъ году, вѣроятно, дѣятельность комитета скажется гораздо осязательнѣе.

Выпускъ учениковъ и ученицъ изъ театральнаго курсовъ оказался совершенно неудачнымъ. Испытанія происходили въ Михайловскомъ театрѣ въ посту. Въ экзаменаціонный день театръ принималъ совершенно своеобразный видъ: первый рядъ креселъ снимали, и вмѣсто него выстраивали рядъ экзаменаціонныхъ столовъ, за которыми засѣдалъ училищный Совѣтъ. Зала была переполнена родственниками и знакомыми экзаменующихся.—Аплодисменты и всякіе знаки одобренія были воспрещены. Крайней нелогичностью являлось присутствіе рецензентовъ, которые на другой день спѣшили дать въ газетахъ отчетъ объ испытаніи. При тѣхъ дешевыхъ лаврахъ и быстрыхъ осужденіяхъ, къ которымъ такъ привыкли представители прессы, похвалы и неодобренія раздавались съ чрезвычайной легкостью и только путали своими противорѣчіями и экзаменаторовъ, и экзаменующихся. Результаты школьнаго образованія далеко не блестящи и если сравнить петербургскіе курсы съ московскими, то разница получится весьма значительная. Насколько въ

Москвѣ замѣтно серьезное направленіе, настолько въ Петербургѣ все поверхностно и декоративно.

Ходятъ слухи о переформированіи петербургскихъ курсовъ. Доброе дѣло! Казнѣ слишкомъ дорого обходится воспитаніе молодыхъ актеровъ, а результаты—плачевныя. Кто стремится на сцену, тотъ и въ Москвѣ найдетъ себя учителя. Да и московскія традиціи Малаго театра, какъ ни говори, все-же гораздо устойчивѣе и полезнѣе молодымъ актерамъ, чѣмъ распушенность нашей александринской сцены.

Циркулируютъ слухи, и весьма упорно, что вмѣсто драматическихъ курсовъ будутъ оперныя, гдѣ будутъ спеціально готовить голоса для третьихъ партій и для хоровъ, которыми до сихъ поръ не достааетъ музыкальнаго образованія. Если Москва будетъ выпускать драматическихъ дѣятелей, а Петербургъ—оперныхъ, такое раздѣленіе труда придется только одобрить.

Не знаю слѣдуетъ-ли говорить о дебютахъ и дебютанткахъ, которые играли весной на сценѣ Александринскаго театра и не были приняты въ число артистовъ труппы.—Приняты только г-жа Струсь, да г-жа Потоцкая, не безызвѣстная Москвѣ по театру г. Корша. Последняя артистка выступила въ своей лучшей роли, наиболѣе подходящей къ ея силамъ—въ роли жены профессора въ „Медовомъ мѣсяцѣ“ г. Соловьева.—Будущій сезонъ покажетъ, насколько окажется полезнымъ это пріобрѣтеніе,—но и теперь можно сказать, что напрасно готовятъ г-жу Потоцкую въ преемницы г-жи Савиной: замѣнить нашу премьершу можетъ только талантъ равный ей.

Наконецъ слѣдуетъ отмѣтить уходъ со сцены г-жи Томсонъ. Появленіе этой артистки на горизонтѣ петербургскаго театральнаго небосклона болѣе чѣмъ странно. Она играла осенью совершенно больная Нюту въ „Цѣпяхъ“ и три раза Офелію въ Гамлетѣ, и была встрѣчена прессой недружелюбно.—Затѣмъ полгода она была при смерти. Поздней весной, передъ самымъ закрытіемъ театровъ, она три раза сыграла Варю въ комедіи кн. Сумбатова „Листья шелестятъ“—и вызвала такія единодушныя одобренія прессы, какихъ начинающія артистки и не запоминаютъ. Стали появляться ея портреты, характеристики и пр.—Затѣмъ, по невѣдомымъ причинамъ она оставила сцену. Газеты заявили, что доктора предписали ей провести зиму на югѣ.—Что г-жа Томсонъ талантливѣе и нужнѣе для сцены большинства нашихъ артистокъ,—это внѣ сомнѣній, какъ внѣ сомнѣній и то, что на каждомъ провинціальномъ театрѣ она займетъ первенствующее мѣсто. Молодость артистки—(она чуть-ли не самая молодая изъ артистокъ на свое амплу) даетъ надежду на значительное развитіе ея таланта въ будущемъ.

Весною Петербургъ былъ встревоженъ болѣзью г-на Варламова. Талантливый артистъ заболѣлъ весьма серьезно. Во время болѣзни какъ нельзя полнѣе выказалась та любовь, которой онъ пользуется въ Петербургѣ: опасеніе за его здоровіе собирало ежедневно у его квартиры чуть не сотни интересовавшихся ходомъ болѣзни. Наконецъ, къ концу мая опасность миновала, и доктора назначили ему заграничное леченіе. Будемъ надѣяться, что къ будущему сезону г. Варламовъ съ обновленными силами возвратится къ намъ.

Г.

Лѣтніе концерты.

Ни холодъ, ни пронзительный вѣтеръ и дождь не могутъ заставить петербуржцевъ отказаться отъ посѣщеній многочисленныхъ увеселительныхъ мѣстъ, открывшихъ свои двери, по календарю, въ обычное время, и еще менѣе помѣшаетъ наслаждаться музыкой. А послѣднюю у насъ любятъ, и даже въ лѣтнее время предпочитаютъ другимъ развлеченіямъ, въ особенности-же, если представляется къ тому еще случай послушать серьезную музыку. Благодаря этой все болѣе и болѣе возрастающей любви, программы двухъ нашихъ лучшихъ оркестровъ, Павловскаго и Акваріума, почти ежедневно заключаютъ въ себя не только краткія произведенія лучшихъ музыкантовъ, но цѣлыя симфоніи и даже мессы! На исполненіе послѣднихъ, при участіи хора Архангельскаго, рѣшился впервые Н. В. Галкинъ, новый дирижеръ оркестра Павловскаго вокзала. Оркестръ Русскаго Музыкальнаго Общества, уже достаточно сыгравшійся, значительно облегчаетъ задачу новому капельмейстеру, которому, впрочемъ, нельзя отказать ни въ оригинальности передачи хорошо всѣмъ извѣстныхъ вещей, ни въ умѣннн составлять интересныя программы.

Вслѣдствіе упорной и продолжительной болѣзни любимца нашей публики, г. Энгеля, оркестръ его, играющій въ Акваріумѣ, временно управляется различными лицами, что не только отражается на выборѣ вещей, но и на самомъ исполненіи. Члены оркестра позволяютъ себѣ уже слишкомъ спустя рукава относиться къ дѣлу, что дошло до того, что г-жа Матерна, знаменитая въ Германіи исполнительница вагнеровскихъ оперъ, должна была отказаться отъ своего намѣренія спѣть нѣсколько вещей изъ «Нибелунговъ». Это, однако, не помѣшало ей успѣху; благодаря дѣйствительно превосходной передачѣ и безупречной вѣрности, съ которой пѣвица интонируетъ самыя трудныя музыкальныя фразы, невольно забываешь о томъ, что г-жа Матерна пріѣхала къ намъ уже на склонѣ своей артистической карьеры, а также и ту несоотвѣтствующую

обстановку, въ которой ей пришлось впервые выступить передъ нашей избалованной публикой. Г-жѣ Матерна мѣсто не въ Акваріумѣ, а въ залѣ Дворянскаго Собранія, въ концертѣ Музыкальнаго Общества.

Въ Акваріумѣ же начались также и представленія оперной труппы подъ управленіемъ г. Васильева, бывшаго артиста русской оперы. Употребленный имъ пріемъ для составленія хорошаго ансамбля, которымъ это предпріятіе отличается отъ подобныхъ другихъ, былъ весьма простъ и еще болѣе практиченъ: онъ пригласилъ артистовъ изъ числа каникулярныхъ; что-жъ удивительнаго, что при такихъ условіяхъ даже такая трудная опера, какъ «Евгеній Онѣгинъ», идетъ гладко и дѣлаетъ хорошіе сборы.

П. П.

Частныя петербургскія сцены.

Со времени моего послѣдняго письма, фізіономія загородныхъ театровъ успѣла сравнительно опредѣлиться. Въ самомъ городѣ по прежнему удачно ведетъ дѣло г-жа Линская-Неметти, разнаобразно репертуаръ постановкой такихъ оперъ, какъ Кармэнъ, и привлекаетъ новыя силы. вмѣсто Доры Бенати, успѣвшей нѣсколько прискучить столичной публикѣ, не признающей ни голоса, ни таланта — безъ красоты, приглашена прошлогодняя любимица, г-жа Люсь, парижанка, обладательница хорошаго голоса и прелестной наружности. Въ Акваріумѣ воцарилась русская частная опера, но, благодаря дороговизнѣ мѣсть особенно привлекаетъ публику. На Крестовскомъ островѣ, подъ режиссерствомъ г. Аграмова, даются драматическіе спектакли. Въ труппѣ есть хорошія силы, какъ напр. гг. Шуваловъ, Гаринъ, Бураковский, г-жа Стрובה-Сокольская, Шаровьева и др., но обиліе развлеченій, сравнительная отдаленность Крестовскаго театра, а также спѣшность постановки мѣшаетъ опытному режиссеру завоевать вниманіе публики. Репертуаръ — смѣшанный: „Заяцъ“, „Ничіе духомъ“, „Сестра Тереза“, „Въ старые годы“, все это пьесы, хорошо знакомыя и, конечно, успѣвшія понадоѣсть за зиму на клубныхъ сценахъ, а новое — ни разучивать, ни рѣпетировать нѣтъ времени. Конкуренція и необходимость „завоевывать“ публику чѣмъ-либо особеннымъ, — ставить антрепренеровъ въ крайне тѣгостное положеніе, и наблюдатель видитъ очень печальную гоньбу за обывательскимъ рублемъ, который надо схватить во что бы то ни стало. Одна изъ такихъ лѣтвихъ антрепризъ уже окончила свое существованіе. Мы говоримъ о театрѣ въ Озеркахъ, гдѣ г-жа Глѣбова (однофамилица М. М. Глѣбовой) начала съ классическаго репертуара, ставя „Гамлета“, „Ромео и Джульету“, „Уриеля Акосту“ и др., съ „гастролеромъ“ г. Россовымъ, а потомъ — не устояла передъ фарсомъ, который охватилъ петербургскія частныя сцены. Г. Россовъ имѣлъ успѣхъ только въ „Гамлетѣ“. Это очень молодой и очень неопытный артистъ, всюду вносящій чисто болѣзненную нервность. Его жесты, произвольныя движенія, позы и походка, все поражаетъ зрителя, и когда г. Россовъ играетъ „Гамлета“, публика думаетъ, что артистъ подчеркиваетъ съ намѣреніемъ болѣзненность „Гамлета“, что таково его толкованіе характера датскаго принца. Но когда тѣ-же

пріемы повторяются при исполненіи роли Акосты и титанъ мысли превращается въ капризнаго ребенка, а Ромео въ драматическихъ моментахъ начинаетъ топтать ногами — зритель пахочитъ, что эта патологичность игры антихудожественна. Намъ очень жаль, что г. Россовъ выступаетъ въ классическихъ пьесахъ, не обладавъ достаточнымъ опытомъ и знаніемъ сцены, такъ какъ молодой артистъ имѣетъ богатые задатки, красивую внѣшность и очень симпатичный голосъ. При серьезной работѣ, подъ руководствомъ знающаго режиссера, г. Россовъ добился-бы права дѣйствительно сдѣлаться гастролеромъ... Неудачные спектакли въ Озеркахъ, съ участіемъ г. Россова и довольно неважной труппы (среди которой выдѣлялись молодая артистка г-жа Григорьева (псевдонимъ) и г. Муравьевъ-Свирскій) давались при пустой залѣ и теперь г-жѣ Глѣбовой приходится платить актерамъ крупныя веустойки. Къ чести антрепренерши, скажемъ, что никто изъ артистовъ не пострадалъ отъ ея краха. Всѣ артисты получили и жалованье и веустойки. Театръ „Озерки“ переходитъ въ руки г. Платонова, антрепренера Эрмитажа, (бывшей Ливадіи), который счумѣлъ въ теченіе одного мѣсяца прекрасно поставить свое дѣло въ матеріальномъ отношеніи. Не взирая на погоду, садъ и театръ полны публики. Въ закрытомъ театрѣ идутъ конечно „Заяцъ“, „Въ бѣгахъ“, „Ни минуты покоя“, „Кандидатъ въ городскіе головы“ г. Крылова, „Оболтусы-Вѣтрогоны“, а на открытой сценѣ: Кортезъ, Роллафъ, Филиппо и т. п. звѣздочки шансонетки. Такъ какъ г. Платоновъ заботится не только о развлеченіи публики, но и самъ держитъ ресторанъ, то викакіе театральные убытки ему не страшны, а конкурировать съ нимъ не можетъ даже Аркадія, со всемірнымъ Гинцбургомъ. Развлеченій въ Эрмитажѣ такъ много и они такъ разнообразны, что съ 8 ч. до 3-хъ ночи публика не расходится. Въ результатъ: недоборъ въ театрѣ съ избыткомъ покрывается кулінарною частью. Относительно постановки спектаклей въ Эрмитажѣ надо сказать, что пьесы хорошо сретованы и идутъ гладко, живо, бойко. Гг. Вязовскій, Жуковскій, Пальмъ, Московскій и Двинскій пользуются успѣхомъ, а г. Жуковскій сдѣлался даже любимцемъ публики. Изъ дамскаго персонала, довольно слабого въ общемъ, выдѣляется даровитая артистка г-жа Линовская. Она играетъ разнообразныя роли, но всегда хорошо и умно. Пѣтъ сомнѣнія, что въ театральной скачкѣ настоящаго сезона побѣда останется за г. Платоновымъ, успѣшемъ уловить вкусъ публики. Если у него пѣтъ въ запасѣ втораго „Зайца“, онъ даетъ новые куплеты г. Пальма на зобу дня; временно изслкло остроуміе кулетиста — готовъ дебютъ новаго артиста или артистки, словомъ, вѣчное оживленіе, съ примѣсью рекламы... Гораздо скромнѣе ведетъ себя повал антреприза въ Лѣсномъ клубѣ. Г-жа Бахтіарова ставитъ пьесы, руководствуясь личнымъ вкусомъ, и, пока что, не старается *поблажать капризамъ* публики. Кромѣ пьесы „Душа потемки“, тамъ шли „Темный боръ“, „Волки и овцы“, „Въ цвѣтахъ“, „Забубенная головушка“, „Кручина“ и т. д. Хорошо сретованныя, безъ благосклоннаго участія любителей, пьесы идутъ дружно. Изъ женскаго персонала выдаются и имѣютъ большой успѣхъ г-жи Бахтіарова, Эльмина и Вольскал, изъ мужскаго: гг. Карамазовъ, Ливановъ и Ратовъ. Въ началѣ сезона публика блистала своимъ отсутствіемъ, но теперь довольно охотно посѣщаетъ театръ Лѣснаго клуба, хотя и тамъ существуетъ конкуренція. Г. Антиповъ, прошлогодній антрепренеръ Лѣснаго театра, устроилъ открытую сцену въ Беклешевскомъ саду и два раза въ недѣлю даетъ спектакли, состоящіе изъ 3-хъ и 4-хъ актовъ.

псьеь. Благодаря дешевизнѣ (30 к. за входъ) и очень педурнымъ спламъ, г. Антиповъ привлекаетъ въ свой садъ довольно много публики, а на дѣтскіе праздники съѣзжаются даже изъ города. Примѣръ Лѣснаго, гдѣ уживаются два конкуррента, соблазнилъ другое дачное мѣстечко, Стрѣльну. Тамъ два театра, оба большіе, оба хорошіе, оба задающіеся похвальными дѣлами поднять вкусъ публики. Первый (по времени открытія) театръ г. Степанова, второй,—г. Базарова. Въ первомъ — роскошная обстановка, оркестръ музыки въ саду, тащовальные вечера по субботамъ и центральность положенія, но публики мало. Дачникъ не любитъ платить дорого за лѣтніе спектакли. Въ театрѣ г. Базарова мѣста значительно дешевле, а сыгравшаяся за зиму труппа пользуется любовью публики и театръ посѣщается. Для открытія поставлено было „На законномъ основаніи“. Большой успѣхъ выпалъ на долю г-жъ Онѣгипоной и Гайдиной, гг. Левскаго и Базарова. Въ іюлѣ и августѣ обѣщаны гастроли, гг. Дарскаго и Невскаго. Первый выступитъ въ „Уріель Аоста“, а г. Невскій, (псевдонимъ) въ Карабановѣ въ „Нищихъ духомъ“ и въ „Забубенной головушкѣ“.

Въ Ораніенбаумѣ, антрепренерствуетъ г. Сос-

новскій, преподаватель драматическаго искусства, дающій возможность своимъ ученикамъ и ученицамъ, исполняя маленькія роли, присматриваться и привыкать къ сценѣ. Этимъ путемъ г. Сосновскій многихъ вывелъ на дорогу и пользуется заслуженною симпатіей, Репертуаръ у г. Сосновскаго тоже смѣшанный: классическій, бытовой и, волей неволей, фарсъ... Нельзя: *просить публики* и падо повеселить ее, несущую въ кассу театра трудовые рубли. Послѣднія два спектакля, „Мужъ запемпитости“ и „Ивановъ“, представляли особый интересъ, благодаря появленію *трагикъ* г. Дарскаго въ салонныхъ пьесахъ. Г. Дарскій оказался вполне приличнымъ „Ивановымъ“ и „Мужемъ знаменитости“, но привычка къ приподнятому тону и къ классическимъ позамъ; лишила его исполненіе простоты.

Очень симпатично начало свою дѣятельность Товарищество провинціальныхъ артистовъ съ г-жей Кутузовой и г. Карамазовымъ во главѣ. Товарищество основалось въ небольшомъ театрѣ въ Коломягахъ и для першаго спектакля поставило „Кручину“ г. Шпажинскаго. Публики набралось полная зала и какъ пьесой, такъ и артистами зрители остались довольны.

Ск.

Марія Морицовна Абрамова.

ВОСПОМИНАНІЯ.

I.

Первые дни сентября мѣсяца, такъ называемое «бабье лѣто». Я только вернулся съ охоты, когда узналъ, что въ нашъ провинціальный городъ пріѣхала Абрамова въ качествѣ первой драматической актрисы. У насъ были общіе знакомые, и я отправился къ ней съ визитомъ. Раньше я видѣлъ ее раза два мелькомъ, а потомъ уже зпалъ по газетамъ, какъ антрепренера Шеллапутинскаго театра въ Москвѣ. Во всякомъ случаѣ—человѣкъ интересный. Она на первый разъ помѣстилась въ меблированныхъ комнатахъ, противъ театра. Какой-то нелѣпый каменный флигель, вдвинутый между старыми деревянными пристройками. Поднимаюсь по нелѣпо крутой лѣстницѣ во второй этажъ. Марія Морицовна занимала двѣ большихъ комнаты, выходившихъ окнами на проспектъ. Встрѣчаю знакомаго маленькаго актера, который остался на второй сезонъ. Выходитъ Марія Морицовна. Она въ черномъ дорожномъ костюмѣ. На меня почему-то произвелъ пріятное впечатлѣніе именно этотъ простой дорожный костюмъ.

— Очень, очень рада познакомиться съ вами... просто и душевно встрѣтила она меня.— Я васъ давно знаю, конечно, по вашимъ произведеніямъ.

«Мои произведенія»—мое больное мѣсто, и я никогда не знаю, что отвѣчать въ такихъ случаяхъ. Первое впечатлѣніе отъ Маріи Мо-

рицовны получилось совсѣмъ не то, къ какому я былъ подготовленъ. Она мнѣ не показалась красавицей, а затѣмъ въ ней не было ничего такого, что присвоено по штату даже маленькимъ знаменитостямъ: не ломается, не представляетъ изъ себя ничего, а просто такая, какая есть въ дѣйствительности. Есть такіе особенные люди, которые при первой встрѣчѣ производятъ такое впечатлѣніе, какъ будто знаешь ихъ хорошо и давно. Именно, подъ такимъ впечатлѣніемъ я откровенно замѣтилъ:

— Я могу только удивляться, Марія Морицовна, что вы забрались въ нашу глушь... Думаю, что это печальная ошибка и что вы не выживете у насъ даже одного сезона.

— Я постоянно служила въ провинціи, а затѣмъ у меня есть кое-какія дѣла, именно здѣсь. .

Она даже вздохнула и какая-то большая улыбка освѣтила это чудное молодое лицо, полное такой чарующей внутренней красоты. Это было одно изъ тѣхъ удивительныхъ лицъ, въ которыя нужно было вглядѣться и которыя, чѣмъ больше вы въ нихъ вглядываетесь, тѣмъ больше вамъ нравятся. Меня поразила красота выраженія и та дорогая простота, которая сказывалась въ каждомъ движеніи.

Между прочимъ, я рассказывалъ о своемъ захолюствѣ, о провинціальной публикѣ, развращенной опереткой, вообще о скукѣ и пустотѣ захолустнаго существованія.

— Все это такъ, но, вѣдь, мнѣ не придется ничего видѣть, кромѣ своего театра, — отвѣтила Марія Морицовна. — Утромъ репетиція, вечеромъ спектакль... Рада мѣсту. Я, вообще, нигдѣ не бываю и сижу всегда дома...

— И такъ постоянно?

— Да. Привычка...

Я замѣтилъ, что вообще, когда разговоръ заходилъ о театрѣ, Марія Морицовна вся точно съезживалась, какъ *timosa rodica*, и объяснялъ это тяжелыми воспоминаніями о своемъ погибшемъ театрѣ. О послѣднемъ, конечно, не было ни слова: зачѣмъ было бередить свѣжую рану... Изъ разговора съ Маріей Морицовой я убѣдился, что съ другими актрисами она имѣетъ мало общаго, какъ женщина образованная, интересы которой не ограничиваются исключительно театральной сферой. Мы говорили о литературѣ, писателяхъ, послѣднихъ книжкахъ новыхъ журналовъ, и я еще разъ убѣдился, что имѣю дѣло съ серьезно образованнымъ человѣкомъ, много думавшимъ и пережившимъ.

Въ первый разъ я увидѣлъ Марію Морицовну въ «Нищіе духомъ», — она играла Кондорову. Какъ теперь помню этотъ спектакль. Скажу опять, что я шелъ въ театръ съ нѣкоторымъ предубѣжденіемъ, которое питаю вообще къ гастролерамъ. Видалъ я ихъ на своемъ вѣку достаточно и хорошо знаю, чего стоятъ стереотипныя газетныя рецензіи. Марія Морицовна, хотя и не была патентованной знаменитостью, но о ней внали и въ нашемъ захоlustѣ. Въ первомъ-же дѣйствіи, когда я увидѣлъ Кондорову, всѣ сомнѣнія разсѣялись. На сценѣ Марія Морицовна была замѣчательной красавицей. Это была, дѣйствительно, красота поражающая, колоритная, эффектная... Каждое движеніе, каждый жестъ, взглядъ — была красота и красота увѣренная, спокойная, полная самой собой. И все гармонировало одно съ другимъ.

Во второмъ дѣйствіи Кондорова является только въ концѣ, чтобы объясниться съ отцомъ Алекина. Когда она встрѣчаетъ мать, осыпавшую ее упреками, то отвѣчаетъ всего одной фразой:

— Я сказала бы вамъ, но вы... вы его мать. Я васъ прощаю...

Эта вспыхнувшая гордость несправедливо обиженной, любящей женщины, эта весенняя гроза молодого чувства, это поднявшаяся во весь ростъ сознание своего человѣческаго достоинства — все это было такъ хорошо, и какъ-то не хочется вѣрить, что этого уже нѣтъ.

— Я не люблю эту роль, — объясняла мнѣ Марія Морицовна въ слѣдующій антрактъ. — Въ результатѣ — глупая баба...

— А ваши любимыя роли?

— Сильныя драматическія: Василиса Мелентьева, Медея, Маргарита Готье, Андриена Лекувреръ, наконецъ, наша Татьяна Рѣпина... Вообще, пріятно играть умныя роли, тѣмъ болѣе, что нашъ женскій репертуаръ отличается такой бѣдностью и все вертится на одномъ чувствѣ...

Этотъ первый спектакль чрезвычайно меня заинтересовалъ, но дальше, къ сожалѣнію, пошли издѣлія нашихъ современныхъ драматурговъ, изъ большинства которыхъ не въ силахъ что-нибудь сдѣлать самый могучій талантъ. Для чего такія вещи пишутся, для чего онѣ ставятся — неразрѣшимый вопросъ, а между тѣмъ первая драматическая актриса должна перемалывать эту дребедень. И еще удивляются, что публика не ходитъ въ театръ... Нужно, напротивъ, удивляться еще тому, что она все таки

идетъ. Не Богъ знаетъ какая важная пьеса «Нищіе духомъ», но развѣ ее можно сравнить съ нынѣшнимъ репертуаромъ, начиная съ того, что она даетъ матеріалъ талантливому артисту, изъ котораго онъ можетъ уже самъ создать роль, какъ Марія Морицовна играла Кондорову.

II.

Публика знаетъ артиста только на сценѣ, поскольку онъ забавляетъ ее или заставляетъ плакать и вообще переживать въ яркихъ образахъ многое такое, что не всегда доступно среднему обывателю. Въ этомъ заключается причина театральныхъ успѣховъ, симпатій публики и, наконецъ, славы. Публика любитъ артиста, осыпаетъ его подарками, устраиваетъ

ему оваціи и все-таки не знаетъ его. Вѣдь за артистомъ стоитъ живой человѣкъ, который снимаетъ театральныя костюмы, смываетъ гримъ и превращается въ такого-же человѣка, какъ всѣ мы. Тутъ конецъ театральной иллюзіи, и сѣренькая жизнь вступаетъ въ свои права. Артистъ артистомъ, а человѣкъ человѣкомъ. Меня особенно интересовала Марія Морицовна въ этомъ послѣднемъ отношеніи, какъ человѣкъ исключительный.

Въ теченіе осени она жила въ меблированныхъ комнатахъ, что ее ужасно стѣсняло.

— Впервые, это ужасно мнѣ надоѣло, а ввторыхъ это удовольствіе не по моимъ средствамъ... откровенно признавалась она. — Вы только представьте себѣ, что я съ шестнадцати лѣтъ кочую изъ одного города въ другой, и всѣ эти *chambres garnis* вызываютъ во мнѣ органическое отвращеніе. Каждая женщина въ концѣ концовъ ищетъ своего угла, гдѣ она могла бы чувствовать себя совсѣмъ дома...

Такой идеаль былъ скоро отысканъ. Марія Морицовна заняла въ одной глухой улицѣ маленькую квартирку въ три комнаты, за которую платила десять рублей въ мѣсяцъ. Ея единственная горничная, исправлявшая должности швеи и камеристки, должна была сдѣлаться и кухаркой. Марія Морицовна была совершенно счастлива и съ восторгомъ показывала мнѣ свой маленькій уголокъ, меблированный съ большою скромностью.

— Лучшаго я ничего не желаю, — объясняла она. — Какъ я счастлива, если бы вы знали... Нѣтъ здѣсь проклятаго трактирнаго корридора, по которому вѣчно ходятъ, а я не выношу шума, не хлопаютъ двери, вообще, я чувствую себя у себя дома. Это такое счастье, которое, какъ всякое счастье, оцѣнивается вполне только тогда, когда его нѣтъ... Вамъ можетъ показаться все это ребячествомъ, но я просто влюблена вотъ въ эту конурку. Здѣсь моя гостиная, и столовая, и кабинетъ, а тамъ уборная и спальня. Прелесть, комнатки такія маленькія, уютныя, тепленькія. Для меня доставляетъ большое удовольствіе самой топить печь... Огонь такъ весело горитъ, смотришь на него и уносишься мыслями... Пока я въ театрѣ, у меня одна мысль: ахъ скорѣе бы домой.

Это не было пустымъ наборомъ словъ, продолженіемъ какой-нибудь слезливой мелодрамы, а была сама дѣйствительность. Марія Морицовна до конца сезона прожила здѣсь, никуда не выѣзжала и вообще нигдѣ не показывалась. Общества она не любила, особенно провинціального, предпочитая ему чтеніе. У нея было одно удовольствіе — быстрая ѣзда.

— Какъ-то такъ хорошо думается въ это время, — объясняла она. — Я огласна была бы

ѣхать такъ безъ конца... Это совершенно особенное настроеніе, и такъ спокойно на душѣ. Смотришь и не видишь, и ничто тебя не мучитъ, не тревожитъ, не беспокоитъ...

День Маріи Морицовны распредѣлялся такимъ образомъ: утромъ она поднималась очень рано, часовъ въ шесть, и въ это время учила роль, затѣмъ, часовъ въ одиннадцать отправлялась на репетицію, послѣ репетиціи обѣдъ, катанье, чай и въ шесть часовъ опять въ театръ. И такъ изо дня въ день, потому что ей приходилось играть шесть разъ въ недѣлю. Свободнаго времени не оставалось, а знакомые могли видѣть ее только урывками. Да и знакомыхъ было всего человѣкъ пять-шесть.

— Извѣстно, кто знакомится съ актрисами и съ какой цѣлью, — не разъ говорила Марія Морицовна съ горькой улыбкой. — И это вездѣ одно и то же...

Къ особенностямъ Маріи Морицовны принадлежало и то, что она тщательно избѣгала своего театрального міра, что служило поводомъ къ массѣ недоразумѣній и мелкихъ непріятностей.

Марія Морицовна была очень рѣшительный и вполне самостоятельный человѣкъ и все, что она дѣлала, отличалось этими качествами. Припоминаю какъ сейчасъ, что она не уѣзжала въ театръ безъ маленькаго карманнаго никелированного револьвера, который всегда лежалъ у нея въ уборной вмѣстѣ съ принадлежностями грима и косметиками. Она часто скучала, предаваясь тяжелому раздумью. Нервы были взвинчены до послѣдней степени, такъ что она, когда ложилась спать, прятала свои дамскіе часы въ другой комнатѣ, куда — нибудь подъ подушку. Слухъ у нея тоже былъ поразительный, и не рѣдко случалось, что она совершенно новую роль проводила подъ суфлера. Это послѣднее и понятно, потому что ей приходилось играть такую массу глупыхъ и неинтересныхъ ролей.

Дурное настроеніе удерживалось иногда по нѣскольку дней, и на Марію Морицовну въ такія минуты больно было смотрѣть. Она обыкновенно молчала, забившись въ уголокъ и укутавшись въ мягкій оренбургскій платокъ. Никакихъ развлеченій она не выносила и обыкновенно просила оставить ее въ покоѣ, пока все пройдетъ. Разъ она захандрила на нѣсколько дней и даже совсѣмъ слегла въ постель. Завертываю навѣстити больную и нахожу ее къ своему удивленію въ прекраснѣйшемъ настроеніи. Она только что познакомилась съ двумя студентами, проживавшими въ захолустьи, была совсѣмъ счастлива, что могла отвести съ ними душу. И студентики попались такіе славные, серьезные. Вѣсѣда о разныхъ серьезныхъ предметахъ затянулась за полночь,

и Марія Морицовна принимала въ нихъ самое горячее участіе.

— Знаете, это напомнило мнѣ мою раннюю молодость, — говорила она со вздохомъ на слѣдующій день. — Развѣ я когда-нибудь думала сдѣлаться актрисой. Никогда... У меня серьезный умъ, и никто не подумаетъ, что моя самая завѣтная мечта поселиться навсегда въ деревнѣ, чтобы самой вести всякую бабью крестьянскую работу. Я и косить умѣю, и жать, и холсты ткать... Такъ и будетъ. Знаете, я отдыхаю душой, когда слушаю эти горячіе молодые споры... Вѣдь все это такое чистое, хорошее, честное, и всѣ мы живемъ такъ далеко отъ этого чистаго, хорошаго и честнаго. Понимаете: тутъ настоящее, а остальное пустяки...

Студентики изрѣдка появлялись въ маленькомъ домикѣ, а съ ними вмѣстѣ приходила жена одного изъ нихъ, окончившая фельдшерскіе курсы. Марія Морицовна не знала, какъ лучше принять дорогихъ гостей, и сама нѣсколько разъ ѣздила къ нимъ по субботамъ, когда не должна была идти въ театръ.

— Вѣдь я поступала въ Казани на фельдшерскіе курсы, — рассказывала Марія Морицовна. — Но меня напугала одна операція... Я, вообще, не могу выносить крови. Можетъ быть было бы лучше, еслибы изъ меня вышла хорошая акушерка...

III.

Работать Маріи Морицовнѣ приходилось ужасно много: шесть спектаклей въ недѣлю. Изъ нихъ иногда двѣ новыхъ пьесы подъ-рядъ. Конечно, все шло съ одной репетиціи. Артисты едва-едва успѣвали запомнить свои «мѣста» и „выходы“. Развѣ, при такихъ условіяхъ, могла идти рѣчь объ искусствѣ, о художественномъ исполненіи, объ артистическихъ тонкостяхъ? Отдыхомъ служили для Маріи Морицовны ея любимыя роли, но ихъ приходилось играть сравнительно рѣдко.

— Послушайте, такъ можно и съ ума сойти, — говорилъ я, познакомившись съ театральной работой.

— Привычка... Въ теченіе десяти лѣтъ у меня, кажется, не было и двухъ недѣль свободныхъ. Я работала и лѣто, и весну, и осень... Конечно, бываетъ трудно, но является привычка почтовой лошади. Скъверно одно, что превращаешься въ ремесленника, усвоиваешь шаблонные приемы и начинаешь повторять самое себя... убивается оригинальность

Конечно, судить о талантѣ Маріи Морицовны можно было только по короннымъ ролямъ ея репертуара. Первой такой ея ролью въ сезонѣ была „Чародѣйка“. Я ждалъ ее съ нетерпѣніемъ. Говоря откровенно, мнѣ не понравился первый выходъ чародѣйки, рассчитанный авторомъ на эффектъ. Можетъ быть не доставало необходи-

мой обстановки, толпы, хора, можетъ быть сама артистка была не въ настроеніи, наконецъ, но выходъ прошелъ безъ хлопка, и эта холодность публики могла имѣть свое вліяніе. Первые дѣйствія прошли довольно вяло, и Марія Морицовна вошла въ роль только въ третьемъ. Я всегда волнуюсь за артистовъ въ такихъ отвѣтственныхъ роляхъ, но тутъ сразу успокоился: артистка, наконецъ, взяла свое, и съ каждой новой сценой успѣхъ ея росъ. Особенно эффектной вышла сцена, когда Настасья хочетъ задушить себя своей косой. А затѣмъ все остальное прошло уже полнымъ ходомъ, такъ что весь театръ замеръ. Помню, я смотрѣлъ изъ ложи бельэтажа, и меня просто поразила картина смерти Настасьи, лежавшей на сценѣ съ остановившимися открытыми глазами. Это остановившееся лицо, застывшіе глаза и ужасъ смерти сейчасъ стоятъ предо мной...

Нужно было видѣть Марію Морицовну въ день такого спектакля. Ее охватывало лихорадочное волненіе съ утра и постепенно росло. Обыкновенно она въ такія минуты молчала, и о настроеніи можно было судить только по выраженію лица и нервнымъ движеніямъ. Это волненіе достигало самой высшей точки предъ поднятіемъ перваго занавѣса и первымъ выходомъ, а затѣмъ сразу падало.

— Трудно выходить въ первый разъ, а тамъ уже все забываешь, — объясняла сама Марія Морицовна. — Собственно говоря, я уже ничего не вижу, что дѣлается дальше...

Нервное напряженіе проходило такимъ образомъ черезъ весь спектакль. Я отлично его понимаю, и мнѣ дѣлалось больно за артистку: такіе экстазы стоили дорого и выкупались сейчасъ же упадкомъ силъ, нервной усталостью и тяжелой хандрой. Я помню, какъ въ антрактахъ послѣ сильныхъ сценъ Марія Морицовна нѣсколько времени сидѣла съ закрытыми глазами, точно собираясь съ силами. А этихъ силъ было много, и такихъ хорошихъ силъ... Искренность тона, задушевность каждаго слова, чарующій голосъ, красивыя своей внутренней полнотой движенія — все было хорошо, потому что Марія Морицовна играла вся, и каждый жестъ у нея служилъ дополненіемъ слова, выраженіемъ лица, всей фигуры.

Лучшей ролью въ репертуарѣ Маріи Морицовны я считаю Василису Мелентьеву. Именно въ этой роли артистка показывала себя во весь ростъ. Правда, сама по себѣ роль сильна и, говоря театральнымъ жаргономъ, выигрышная. Василиса сама по себѣ не симпатична, она отталкиваетъ зрителя, а сочувствіе на сторонѣ несчастной царицы Анны. Это подводный камень роли, и Марія Морицовна обходила его въ пятомъ актѣ съ замѣчательнымъ искусствомъ.

Правда, она не всегда ровно вела всю роль, не всегда могла справиться съ собственнымъ

настроениемъ, но за то она всегда отлично понимала свою роль и умѣла передать ее яркимъ живымъ образомъ. Нужно замѣтить, что она вела всякую роль самостоятельно и никого изъ знаменитостей не копировала. Прибавьте къ этому, что ей приходилось играть почти одной, потому что другіе съ грѣхомъ пополамъ отыскивали свои мѣста и даже путали реплики. Большая разница, когда приходится исполнять роль въ сыгравшейся труппѣ, при полномъ ансамблѣ, или только въ одну свою голову, какъ приходилось ей. Наконецъ, артисту необходима понимающая, развитая публика, которая могла бы его оцѣнить, и вниманіе которой поддерживаетъ его силы, — а какая публика въ нашей провинціи?..

Больше всего я боялся за Марію Морицовну въ Медеѣ, которую она ставила въ свой бенедиксъ, т.-е. боялся за собственное впечатлѣніе. Кто искренне любитъ театръ, тому нечего объяснять этого чувства. Но она вышла и здѣсь побѣдительницей, показавъ другую сторону своего таланта. Эта была большая фигура съ цѣлымъ міросозерцаніемъ, властная и цѣльная. Мнѣ даже какъ-то страшно писать вотъ эти слова, которыя напоминаютъ опавшія осеннія листья — развѣ есть такія слова, которыми было бы можно хотя приблизительно выразить все то, что было пережито и пережито, благодаря игрѣ артистки! Все это умерло вмѣстѣ съ ней... Живетъ книга, картина, статуя, мелодія, а самый талантливый артистъ умираетъ весь.

— Отвѣта не будетъ, — какъ говорить, кажется, Маргарита Готье.

Да, грустная судьба, неумолимая и безжалостная... Помню, какъ Марія Морицовна говорила предсмертныя слова Андриены Лекуверрь:

— Театръ... мое сердце не будетъ биться отъ волненій успѣха! А какъ я любила искусство, ученіе... и ничего отъ меня не останется... ничего, кромѣ воспоминанія... и то вспомнить одни друзья... Прощай, Морицъ, прощай, мой другъ!..

Въ этихъ словахъ, конечно, есть много правды, но къ счастью къ нимъ можно добавить то, что, не оставляя, такъ сказать, вещественныхъ памятниковъ своей дѣятельности, артистъ все-таки вноситъ очень много въ культуру, въ развитіе массъ, просто въ ежедневный обиходъ самаго обыкновеннаго средняго человѣка. Театръ является могучимъ проводникомъ лучшихъ чувствъ, неумирующихъ идей и той правды, которая должна стоять, какъ свѣтильникъ на горѣ. Въ этомъ отношеніи миссія истиннаго артиста грандіозна, и его дѣятельность, безъ сомнѣнія, оставляетъ послѣ себя широкій слѣдъ. Кто высчитываетъ, измѣривъ и свѣситъ тѣ восторги, слезы и хорошія здоровыя смѣхъ, которые вызываются талантливой игрой... Помню хорошо по-

слѣдную завѣтную мечту Маріи Морицовой о народномъ театрѣ.

— Онъ будетъ, этотъ народный театръ, — убѣжденно повторяла она. — И если стоитъ работать, то только для него... Мое послѣднее желаніе основать именно такой театръ. Я убѣждена, что онъ пойдетъ прекрасно, и я съ удовольствіемъ-бы положила на него всѣ свои силы...

Этой мечтѣ не суждено было сбыться, но ее осуществленіе только вопросъ времени.

IV.

Намъ остается теперь сказать о Маріи Морицовой, какъ о человѣкѣ. Въ этомъ отношеніи Марія Морицовна заслуживаетъ особеннаго вниманія. Умная, красивая, талантливая, у себя дома она являлась очень милой, простой и скромной женщиной. Она, какъ мы уже сказали, избѣгала большаго общества и всему на свѣтѣ предпочитала свой маленькій уголокъ. Всѣ, кто имѣлъ сюда доступъ, а такихъ близкихъ людей было очень немного — видѣли именно ту настоящую Марію Морицовну, которая для публики не существовала и только эти немногіе воплѣтили ее, какъ хорошую женщину.

Родилась Марія Морицовна въ Перми, въ 1865 году. Ея мать русская, а отецъ — венгерскій офицеръ, имѣвшій въ Перми фотографію. Дѣла у него шли сначала отлично, и вся семья пользовалась большими средствами. Маленькая Маруся была любимицей отца. Ей все было позволено, и она выросла избалованнымъ любимымъ ребенкомъ. Десяти лѣтъ она поступила въ Пермскую женскую гимназію и почти все время шла первой ученицей. Курса она однако не кончила, а изъ послѣдняго класса перешла въ Казань, кажется, на фельдшерскіе курсы. Изъ своего дѣтства она рассказывала мнѣ характерный анекдотъ, который рисуетъ ее лучше всего. Въ первыхъ классахъ гимназіи любимымъ преподавателемъ былъ «батюшка», о. Савва. Разъ онъ рассказывалъ евангельскую притчу о богатомъ юношѣ, который роздалъ все свое имѣніе нищимъ. Дѣло было зимой. Возвращаясь подъ впечатлѣніемъ этого рассказа домой, маленькая Маруся встрѣчаетъ на дорогѣ нищенку, одѣтую въ лохмотья. Сначала она подала ей какую-то мелочь, оставшуюся отъ денегъ «на завтракъ», но потомъ вспомнила евангельскую притчу, сняла съ себя новенькую шубку, отдала ее нищенкѣ, а сама вернулась домой въ морозъ въ одной гимназической «формѣ». Этотъ случай ярко характеризуетъ отзывчивую, самостоятельную натуру, неотдѣлявшую слова отъ дѣла. Эта черта сохранилась въ характерѣ Маріи Морицовой навсегда и прошла красной нитью чрезъ всю ея жизнь: ей никогда и ничего не было жаль, если только это нужно было на доброе дѣло.

Поступленіе на сцену для Маріи Морицовой совпало съ броженіемъ молодыхъ нетронутыхъ силъ. Нужно знать жизнь маленькихъ захолустныхъ городовъ, какъ Пермь, чтобы оцѣнить то обаяніе, которое производитъ здѣсь одно магическое слово: театръ. Настоящая сѣренькая жизнь блѣднѣетъ, тушется предъ этимъ блестящимъ призракомъ какой-то иной жизни, кипучей и захватывающей, полной успѣховъ, наслажденій и цвѣтовъ. Нѣтъ такой провинціальной дѣвушки, которая не мечтала бы о театрѣ: вѣдь одна сцена даетъ женщинѣ все, что только можно взять у жизни. А Марія Морицовна была одарена всѣмъ, чтобы сдѣлаться артисткой... Въ первый разъ она дебютировала въ Перми, кажется, въ антрепризу талантливаго артиста Гусева. Но этотъ послѣдній, какъ передавала мнѣ Марія Морицовна, не нашель въ ней таланта и даже, кажется, не совѣтоваль повторять этого опыта. Но роковой шагъ былъ уже сдѣланъ, и дальше пошла десятилѣтняя каторга. Первый неуспѣхъ смѣнился быстрымъ завоеваніемъ симпатій публики. Марія Морицовна сразу выдвинулась изъ ряда посредственностей, и успѣхъ росъ съ каждымъ годомъ. Она играла въ Казани, Симбирскѣ, Саратовѣ, Оренбургѣ, Рыбинскѣ, Таганрогѣ, Маріуполѣ, Москвѣ, Петербургѣ, Нижнемъ, Минскѣ и т. д. Въ сезонъ 1889—90 года она имѣла свою собственную антрепризу въ Москвѣ, когда сняла Шеланутинскій театръ. Дѣло пошло прекрасно, но потомъ все погубило, благодаря внутренней неурядицѣ. Театральное хозяйство требуетъ болѣе жесткихъ рукъ... Въ послѣднее время Марія Морицовна выступала въ Петербургѣ, именно въ Панаевскомъ театрѣ, а затѣмъ принимала участіе въ лѣтнихъ спектакляхъ въ Павловскѣ, въ Озеркахъ и Лѣсномъ. На зимній сезонъ ⁹¹/₉₂ года она получила ангажементы въ Кіевѣ, Тифлиси, Ревелѣ и Гельсингфорсѣ, но по болѣзни не могла уже работать и осталась на зиму въ Петербургѣ, гдѣ вращалась въ тѣсномъ литературномъ кружкѣ.

— Отчего вы не попробуете дебютировать на Императорской сценѣ? нѣсколько разъ спрашивали ее знакомые.

— Когда мнѣ будетъ сорокъ лѣтъ, тогда попробую попасть въ ingenue, — отшучивалась каждый разъ Марія Морицовна. — Время еще не ушло...

Разъ мы ѣхали зимой мимо Александринскаго театра, Марія Морицовна улыбнулась и замѣтила:

— Еслибы у меня было какихъ-нибудь пять тысячъ, чтобы купить себѣ маленькій клочекъ земли, то я сейчасъ дала бы подписку обѣими руками, что на двадцать верстъ не подойду ни къ какому театру...

— Вы, конечно, шутите...

— Нѣтъ, совершенно вѣрно.

— А народный театръ?

— Это другое дѣло, а я говорю про театры, какъ они есть сейчасъ.

Въ Петербургѣ Марія Морицовна жила при самой скромной обстановкѣ и буквально нигдѣ не показывалась. Она была счастлива, что могла наконецъ вести тотъ образъ жизни, который всего больше былъ ей по душѣ, а главное, что она могла наконецъ хотя на время избавиться отъ ненавистной ей театральной службы. Я ни разу не замѣтилъ, чтобы она хоть мелькомъ вспомнила о сценѣ. У нея были и другіе интересы и другіе люди. Мнѣ часто приходилось наблюдать ее, и я только могъ удивляться этому театральному переутомленію.

Какъ человѣкъ образованный, Марія Морицовна рѣзко выдѣлялась изъ своей театральной среды. Она много читала, а главное интересовалась и серьезными книгами, и серьезными людьми. Въ своемъ литературномъ кружкѣ она меньше всего походила на актрису. И здѣсь, благодаря своему уму, она сдѣлалась общей любимицей. Сама она когда то писала стихи, которые печатала въ разныхъ провинціальныхъ изданіяхъ, а затѣмъ послѣ нея остались неоконченные рассказы. Вообще, она могла-бы выдвинуться на любомъ поприщѣ. Но близкіе люди любили въ ней главнымъ образомъ хорошаго человѣка, отзывчиваго и самостоятельнаго.

— Меня просто удивляетъ цѣльность этой натуры, — говорилъ про нее одинъ старый литераторъ. — Все у нея выходитъ крупно и колоритно... А главное, вѣдь все свое!.. Ни малѣйшаго слѣда разлагающей театральной среды... Если мы остаемся честными людьми, то въ большинствѣ случаевъ это зависитъ отъ обстановки, въ которой мы воспитываемся, учимся, работаемъ и живемъ. Наше «хорошее» просто ходячая монета, а у Маріи Морицевны все свое.. И все это такое чуткое, кровное, дорогое. Всѣ ея вкусы, привычки, симпатіи таковы. Когда я смотрю на нее, мнѣ невольно приходится на умъ сравненіе: есть булыжникъ и есть драгоценные камни, твердые, блестящіе, яркіе... Именно такимъ драгоценнымъ камнемъ представляется мнѣ Марія Морицовна среди остальныхъ сѣрыхъ людей.

Умерла Марія Морицовна послѣ непродолжительной, но тяжелой болѣзни, умерла совершенно неожиданно: въ три дня все было кончено... Впрочемъ, она готовилась къ смерти, угнетаемая тяжелыми предчувствіями. Повидимому, жизнь ей улыбалась, впереди было свѣтлое будущее, и эти мрачныя мысли совсѣмъ не гармонировали съ общимъ настроеніемъ.

— Я не боюсь смерти, — нѣсколько разъ говорила Марія Морицовна въ грустномъ раздумьи: — но умру съ страстной жаждой жизни...

Изъ близкихъ людей никто не ожидалъ такой

быстрой развязки. 19 марта Марія Морицовна захворала, а 22 въ восемь часовъ вечера умерла, окруженная своими друзьями. Замѣчательно, что и самая смерть пощадила эту дивную красоту... Насъ душили слезы, и въ тоже время мы не могли оторвать глазъ отъ чуднаго лица... Какая чистота линий, какая гармонія, какая классическая простота... Нить жизни порвалась, какъ высоко натянутая струна, а лицо еще жило каждой своей линіей, какъ живетъ одна вѣчная красота. Вѣчный миръ осѣнилъ эту из-

мученную душу, добрую, отзывчивую, любящую и чистую...

Хоронили покойную наканунѣ Благовѣщенія. Былъ яркій солнечный день... За гробомъ шли нѣсколько женщинъ-врачей и кучка писателей. Со слезами опущенъ былъ гробъ въ преждевременную могилу... Прости, дорогой другъ, память о тебѣ не умретъ, пока будетъ биться въ груди сердце!

Другъ.

Обозрѣніе провинціальныхъ театровъ.

Города: Архангельскъ, Астрахань, Бердянскъ, Бобруйскъ, Вильна, Вологда, Воронежъ, Евпаторія, Екатеринодаръ, Екатеринославъ, Елизаветградъ, Житомиръ, Казань, Керчь, Кишиневъ, Ковно, Кременчугъ, Курскъ, Липецкъ, Лубны, Мариуполь, Мелитополь, Минскъ, Моршанскъ, Николаевъ, Новочеркасскъ, Нѣжинъ, Одесса, Петрозаводскъ, Полтава, Прилуки, Ревель, Ромны, Ростовъ на Дону, Самара, Саратовъ, Севастополь, Сергіевскъ, Симбирскъ, Симферополь, Таганрогъ, Харьковъ, Ялта и Феодосія. **Труппы и товарищества:** постоянныя—и. Бабикова, Баскакова, Брянской-Ковровой, Галицкаго, Горина-Горянова и Унковскаго, Грекова, Грицай, Деркача и Манько, Жуковскаго, Кадникова, Кропивницкаго, Делева-Вучетича, Ланова, Любова, Милославскаго, Мирова-Бедюхъ, Пономаренко, Райскаго, Садовскаго, Саксаганскаго и Шумана; **гастрольныя**—и. Горовой, Глѣбовой, Васильевой, Давыдова, Любимова и Перлова, Медвѣдева, Парадиза, Савиной, Саратовское, Соловцова, Форкатти и Черкасова.

Гастролеры въ провинціи.—Некрологъ В. И. Родона и М. И. Бабикова.—Провинціальные рецензенты.—Новый видъ театральной рекламы.

Лѣтній сезонъ въ большинствѣ крупныхъ театральныхъ центровъ въ провинціи проходитъ иногда значительно разнообразнѣе и оживленнѣе, чѣмъ зимній сезонъ. Въ этомъ отношеніи провинція представляетъ совершенную противоположность столицамъ, гдѣ театральная дѣятельность на лѣто обыкновенно затихаетъ, замѣняясь садовыми театрами увеселительнаго характера. Разнообразіе и оживленіе вносятся лѣтомъ въ театральную жизнь провинціи, главнымъ образомъ, гастролями отдѣльныхъ артистовъ или цѣлыхъ труппъ. Провинціаламъ удается при этомъ познакомиться со многими первостепенными талантами, въ томъ числѣ и съ выдающимися артистами Императорскихъ сценъ.

Артистическія путешествія артистовъ Импе-

раторскихъ театровъ не разъ вызывали въ печати и особенно въ средѣ провинціальныхъ артистовъ нареканія и упреки. Сущность этихъ упрековъ сводится къ тому, что такія артистическія путешествія подрываютъ дѣла провинціальныхъ труппъ, заставляють публику холоднѣе относиться къ своимъ мѣстнымъ артистическимъ силамъ. Нашему журналу приходилось высказываться по этому вопросу и мы не станемъ повторять нашихъ взглядовъ на это явленіе, освященное, во всякомъ случаѣ, историческою давностью. Гастроли столичныхъ артистовъ въ провинціи начались еще въ первый періодъ русскаго театра. Напримѣръ, Плавильщиковъ, одинъ изъ актеровъ этого періода, ѣздилъ въ провинцію. Въ послѣдніе пятьдесятъ—шестьдесятъ лѣтъ подобныя поѣздки вошли окончательно въ обиходъ театральной жизни. Щепкинъ, Мочаловъ, Живокини, Самойловъ, Шумскій и цѣлый рядъ другихъ именъ были въ старину хорошо знакомы провинціи. Въ ближайшее къ намъ время

стали входить въ обычай и поѣздки цѣлыми труппами.

Какъ бы ни смотрѣли на лѣтнія путешествія артистовъ Императорскихъ театровъ, они во всякомъ случаѣ могутъ приносить пользу въ смыслѣ поднятія уровня художественныхъ вкусовъ — и въ публикѣ, и въ средѣ провинціальныхъ артистовъ. Это необходимо поставить даже главнымъ условіемъ при подобныхъ артистическихъ путешествіяхъ. Репертуаръ, режиссерская часть, ансамбль — должны удовлетворять самымъ строгимъ требованіямъ и вносить въ провинціальную публику понятія объ истинномъ искусствѣ. Отсюда уже само собою послѣдуетъ необходимость и для провинціальныхъ артистовъ смотрѣть серьезно на свое дѣло и уважать искусство, на которое они часто имѣютъ совершенно особенный и во всякомъ случаѣ далекій отъ уваженія взглядъ, что можетъ быть иллюстрировано фактомъ, случившимся нынѣшнимъ лѣтомъ:

Въ Евпаторіи, по сообщенію крымскихъ газетъ, гастролировалъ г. Ивановъ-Козельскій. Представленіе «Гамлета» собрало полный театр. Вдругъ, въ третьемъ актѣ, г. Ивановъ-Козельскій, къ изумленію публики, приказываетъ во всеуслышаніе: «Андрей, давай занавѣсь!» — и занавѣсь опускается. Публика недоумѣваетъ, волнуется, гонитъ со сцены артиста, volens-nolens замѣнившего г. Иванова-Козельскаго, отправляется даже будто-бы къ гастролеру въ гостиницу и упрасиваетъ его доиграть роль — все тщетно: гастролеръ роли не доигралъ. Причиной скандала было, будто бы, то, что актриса, игравшая съ гастролеромъ, перезабыла реплики и дѣлала паузы. Но это однако не можетъ оправдать той рѣшительности, съ которою гастролеръ произвелъ скандалъ. У провинціальной труппы всегда въ случаѣ внезапнаго наѣзда какого-нибудь прославленнаго гастролера есть оправданіе: спѣшность постановки пьесъ, необходимость сразу подладиться къ гастролеру, необходимость въ нѣсколько дней выучить исключительный репертуаръ гастролера. У этого послѣдняго, знающаго все это напередъ и все-таки производящаго скандалъ, нѣтъ никакихъ оправданій.

Какое впечатлѣніе производятъ подобные случаи на публику, какъ унижаютъ они въ ея глазахъ артистовъ вообще и какое деморализующее вліяніе оказываютъ на остальныхъ дѣятелей театральной среды, — это всякому понятно. Положимъ, такіе факты, какъ рассказанный нами, исключительны, но они даютъ тонъ общему отношенію артистовъ къ искусству и оставляютъ слѣдъ. Такіе гастролеры развитію искусства въ провинціи и усвоенію правильныхъ на него взглядовъ — не помогутъ. Они должны являться настоящими пред-

его послѣдняго слова. Намъ совершенно понятенъ восторгъ юноши — С. Т. Аксакова, впервые увидавшаго въ Плавильщиковѣ, пріѣхавшемъ въ Казань, артиста, совлекшаго съ себя поношенную одежду декламатора и влагавшаго жизнь въ произносимыя на сценѣ тирады. Горячій поклонникъ искусства, до сѣднѣ сохранившій въ него святую вѣру, С. Т. Аксаковъ сразу увидалъ, подѣ вліяніемъ игры Плавильщикова, фальшь своихъ воззрѣній на сценическую игру и, прозрѣвъ, оставался всю жизнь, уже подѣ другими вліяніями, любителемъ и знатокомъ театра.

Но, однако, обратимся къ свѣдѣніямъ о первой половинѣ лѣтняго сезона. Для нѣкоторыхъ театровъ можно уже подвести итоги, напри- мѣръ, для антрепризы г. Грекова въ Одессѣ. Весенній сезонъ драматическая труппа г. Грекова (составъ ея см. № 2 «Дневн. Артиста», корреспонденцію изъ Одессы) начала на Святой недѣлѣ и закончила 15 мая, давъ 32 спектакля. Изъ новыхъ для Одессы пьесъ въ репертуаръ вошли слѣдующія: «Нина», «Уголокъ Москвы», «Жизнь — битва», «То было раннею весной», «Ни минуты покоя», «Жаворонокъ» и «Парижанка». Приблизительно черезъ мѣсяць послѣ начала лѣтняго сезона г. Грековъ обратился въ одесскую городскую управу съ ходатайствомъ, въ которомъ просилъ выдать ему 10 тыс. руб. изъ его залога, а въ обезпеченіе предлагалъ принадлежащее ему театральное имущество. Побудительной причиной для этого ходатайства онъ выставялъ большія затраты наприобрѣтеніе театрального имущества, плохіе сборы вслѣдствіе неурожая, закрытіе экспорта и вообще тяжелый, исключительный годъ. Городская дума отклонила это ходатайство. Такимъ образомъ г. Грекова постигла участь его предшественниковъ по одесской антрепризѣ: терпѣть убытки и обращаться съ ходатайствами въ городскую думу. Носились слухи, что послѣ отказа въ выдачѣ изъ залога 10 тысячъ руб., г. Грековъ заявилъ о желаніи нарушить контрактъ и отказаться отъ антрепризы, но онъ опровергъ эти слухи. Во всякомъ случаѣ цѣлый рядъ краховъ антрепризы образцово и роскошно устроеннаго театра, въ такомъ городѣ, какъ Одесса, заставляетъ призадуматься. Причина этого явленія, намъ кажется, не какая-либо единичная, а сложная, и отыскать ее и точно опредѣлить должно-бы составлять задачу мѣстной прессы. Къ сожалѣнію, одесскія газеты, удѣляющія, вообще говоря, много мѣста театру, не стараются хладнокровно обсудить положеніе театрального вопроса въ Одессѣ и найти изъ него выходъ. Слишкомъ большая доля въ статьяхъ нѣкоторыхъ одесскихъ газетъ о театрѣ отводится взаимнымъ пререканіемъ и желанію во что бы то ни стало отыскать въ веденіи и ходѣ теат-

рального дѣла или однѣ дурныя, или однѣ хорошія стороны.

Послѣ драматической труппы г. Грекова на сценѣ одесскаго городского театра появилась опереточная труппа г. Парадиза. Труппа эта понесла крупную потерю: 8 іюня скончался одинъ изъ главныхъ ея членовъ *Викт. Иван. Родонъ* (внѣ сцены Габель), заболѣвшій внезапно накануне, во время спектакля. Покойный началъ свою артистическую карьеру еще студентомъ Харьковскаго университета и сначала служилъ въ драматическихъ труппахъ, преимущественно на югѣ. Перейдя затѣмъ въ оперетку, Родонъ дебютировалъ въ Москвѣ въ 1876—77 гг. и съ тѣхъ поръ сталъ пользоваться большою извѣстностью въ роляхъ комиковъ-буффъ и какъ исполнитель куплетовъ. Одно время Родонъ выступалъ въ качествѣ антрепренера, снимая для опереточныхъ спектаклей театръ въ д. Шелопутина, въ Москвѣ; антреприза его была неудачна. Послѣдній зимній сезонъ Родонъ служилъ въ театрѣ Парадизъ. Смерть застигла его еще сравнительно не старого: ему было немного больше 45 лѣтъ. Какъ талантливый актеръ, умный и развитой человекъ, добрый и честный, Родонъ оставилъ по себѣ въ театральной средѣ свѣтлую память.

Отмѣчаемъ также другую замѣтную потерю, которую понесла провинціальная сцена: 12-го іюня скончался въ Екатеринодарѣ артистъ *Мих. Ив. Бабиковъ*, состоявшій одно время въ труппѣ московскаго Малаго театра. Бабиковъ умеръ тоже сравнительно молодымъ: онъ родился въ 1848 г. Воспитаніе свое онъ получилъ въ Москвѣ, въ Коммерческомъ училищѣ и затѣмъ въ Школѣ живописи, зодчества и ваенія. Страсть къ сценѣ сдѣлала изъ него актера вмѣсто живописца, хотя онъ не покидалъ и занятій живописью, преимущественно декоративной. Свою артистическую карьеру Бабиковъ началъ въ казанскомъ театрѣ подъ режиссерствомъ П. М. Медвѣдева, а въ Москвѣ впервые появился на сценѣ Пушкинскаго театра. Въ 1883 г. онъ дебютировалъ на сценѣ Малаго театра, былъ принятъ и прослужилъ около 3-хъ лѣтъ. Послѣ ухода съ Императорскаго театра Бабиковъ игралъ снова въ провинціи, держалъ антрепризы въ Ригѣ и Таганрогѣ (послѣдній зимній сезонъ), выступалъ въ Петербургѣ въ качествѣ актера и режиссера на сценахъ клубовъ и Крестовскаго сада. Амплуа Бабикова было разнообразное: онъ игралъ героическія, характерныя и комическія роли

(напр., героевъ въ классическихъ трагедіяхъ и Любима Торцова, Расплюева). Подъ псевдонимомъ Горемыкина покойный написалъ нѣсколько стихотвореній, повѣстей и рассказовъ. Въ нынѣшнемъ лѣтнемъ сезонѣ подъ его управленіемъ играло Товарищество драматическихъ артистовъ въ Екатеринодарѣ.

До труппы г. Парадиза въ одесскомъ Русскомъ театрѣ подвизалась другая опереточная труппа, подъ управленіемъ г. Ланова, кончившая крахомъ. Одинъ изъ ея членовъ, г. Рѣшетниковъ, образовалъ малорусскую труппу и продолжалъ играть сначала въ томъ же Русскомъ театрѣ, а потомъ въ театрѣ Грандъ-Отель. Въ Русскій же театръ предполагало пріѣхать на гастроли Товарищество артистовъ Императорскихъ с.-петербургскихъ театровъ во главѣ съ В. Н. Давыдовымъ. Но г. Парадизъ, отправивъ свою труппу на непродолжительное время въ Кишиневъ и Николаевъ, уступилъ Товариществу городской театръ, гдѣ оно и на-

чало спектакли 10 іюня. Для второго спектакля была поставлена Товариществомъ новая пьеса „Арсеній Гуровъ“. Прежде чѣмъ посѣтитъ Одессу, Товарищество это гастролировало на Кавказѣ. Это одно изъ двухъ Товариществъ артистовъ Императорскихъ театровъ, путешествующихъ въ нынѣшнемъ лѣтнемъ сезонѣ по провинціи. Другимъ является Товарищество, организованное режиссеромъ Александринскаго театра г. *Медвѣдевымъ*, о составѣ котораго мы сообщали уже, также какъ и о составѣ Товарищества г. Давыдова. Товари-

В. И. Родонъ.

щество г. Медвѣдева посѣтило съверъ. Въ Вологдѣ оно уже было, а затѣмъ направилось въ Архангельскъ и Петрозаводскъ. Въ Товариществѣ, съ г-жею *Савиной* во главѣ, участвовали исключительно провинціальныя силы. Оно играла въ Харьковѣ, Кіевѣ, Елизаветградѣ, Екатеринославѣ, Ростовѣ, Полтавѣ, Новочеркасскѣ, Таганрогѣ и Кременчугѣ и вездѣ съ большимъ успѣхомъ. Поѣздка продолжалась съ 25 апрѣля по 8 іюня. Подробныя свѣдѣнія сообщаетъ ниже нашъ харьковскій корреспондентъ.

Изъ другихъ путешествующихъ Товариществъ наиболѣе солидно организованнымъ было Товарищество подъ управленіемъ г. *Соловцова*. Оно уже закончило свою артистическую поѣздку по южнымъ городамъ Россіи, побывавъ въ Харьковѣ, Курскѣ, Кременчугѣ, Елизаветградѣ, Николаевѣ и Кишиневѣ. Дѣла Товарищества были вездѣ удовлетворительныя, исключая Харькова, гдѣ его встрѣтила полная неудача.

Другое Товарищество, подъ управленіемъ г. *Форкати*, играло лишь въ Севастополѣ, но дѣла его, несмотря на стараніе разнообразить репертуаръ въ ущербъ художественности, были болѣе или менѣе слабы. Взятые за 26 спектаклей, по сообщенію „Крым. Вѣстн.“, 6 тыс. руб. нельзя считать удовлетворительной цифрой. Послѣ Севастополя труппа почему-то раздѣхалась и одна часть ея предполагаетъ играть въ Θεодосіи, а другая въ Ялтѣ. Въ Θεодосіи отстроены новый лѣтній театръ г. Новиковымъ. По Крыму же путешествуетъ Товарищество г. *Лелева-Вучетича*, главною силою въ которомъ является г-жа Волгина. Кромѣ нея и распорядителя Товарищества въ составъ труппы входятъ: г-жи Вольская, Каратыгина, Терехова и др., гг. Машковскій, Яковлевъ, Самойловъ, Вербинъ, Соколовъ, Моисеевъ и др. Сборы этого Товарищества были очень незavidны. Въ Ялтѣ за 16 спектаклей Товариществомъ взято лишь 1160 р.

Кромѣ этихъ двухъ Товариществъ путешествуетъ Товарищество, въ которомъ главное участіе принимаетъ г-жа *Горева*. Это Товарищество было въ Житомирѣ, въ Ригѣ и др. городахъ и имѣло успѣхъ ниже средняго. Гастроли этого Товарищества въ Житомирѣ обратили на себя вниманіе публики даже столичной, благодаря необычайно восторженнымъ отзывамъ мѣстнаго рецензента. Мы приведемъ отрывки изъ этихъ рецензій, чтобы познакомить читателей съ однимъ изъ распространенныхъ типовъ провинціального рецензента. О представленіи „Маріи Стюартъ“ съ участіемъ въ главной роли г-жи Горовой критикъ житомирской газеты „Волянь“ начинаетъ такъ: „И снова безсиленно перо!... Въ классической пьесѣ великаго Шиллера Горева классически велика. Въ Маріи Стюартъ Горева такъ хороша, что смотрѣлъ бы на нее не отрываясь, не три, не пять часовъ, а смотрѣлъ-бы, слушалъ— и никогда не насмотрѣлся бы, никогда бы не наслушался! Я увѣренъ, если бы Шиллеръ возсталъ изъ гроба, онъ не пожелалъ бы лучшей исполнительницы для Маріи Стюартъ. Въ этой роли артистка безподобна: все въ ней дивитъ, поражаетъ, чаруетъ зрителя“ и т. д., и т. д. Писать о Медеѣ въ исполненіи г-жи Горовой у рецензента „опускается перо“: „несравненно прекрасна внѣ всякой критики“. Насколько въ этихъ отзывахъ правды, читатель увидитъ изъ помѣщенныхъ ниже сообщеній нашихъ корреспондентовъ изъ Житомира и Риги. Конечно, очень желательно, чтобы въ провинціи не прививался способъ житомирскаго критика опредѣлять игру артистовъ. Мы встрѣчали бы съ большимъ удовольствіемъ рецензіи, въ родѣ тѣхъ, которыя печатались въ „Южномъ Краѣ“ о гастрольяхъ г-жи Савиной въ Харьковѣ и которыя нельзя упрекнуть въ краткости или не-

обстоятельности. Это цѣлыя статьи о каждой роли сыгранной въ Харьковѣ г-жею Савиной, занявшія почетное мѣсто въ газетѣ — непосредственно подъ передовыми статьями. Собственно говоря, харьковскій рецензентъ также восторгается г-жею Савиной, какъ житомирскій г-жею Горовою; разница въ томъ, что у перваго это не только выходитъ грамотно, но и обличаетъ въ авторѣ пониманіе сценическаго искусства. Конечно, и онъ не скупится на похвалы и въ заключеніе даетъ, напримѣръ, такую характеристику г-жи Савиной: у нея, по его выраженію, „прекрасное, самоцвѣтное (?) и разностороннее дарованіе, которое обеспечиваетъ ей право на одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ въ исторіи русскаго театра“.

Въ лѣтнемъ сезонѣ не осталась провинція и безъ оперы. Путешествуютъ двѣ оперныя труппы. Одна подъ управленіемъ г. *Черкасова* объѣхала портовые города Азовскаго и Чернаго морей (Маріуполь, Таганрогъ, Бердянскъ, Керчь, Севастополь), а другая, организованная гг. *Перловымъ* и *Любимовымъ*, послѣ ряда гастролой въ разныхъ городахъ прибыла въ Полтаву и здѣсь потерпѣла несчастье отъ пожара театра. Пожаръ принесъ большой убытокъ, такъ какъ погорѣли декорации, костюмы и проч. Въ этой труппѣ участвуютъ между прочимъ гг. Медвѣдевъ и Тартаковъ.

Постоянныя оперы въ лѣтнемъ сезонѣ организовались въ Астрахани и Вильнѣ. Въ Астрахани оперная труппа сформирована г. Горинымъ-Горяиновымъ, распорядителемъ бывшаго саратовскаго Товарищества и г. Унковскимъ. Въ составъ ея вошло большинство артистовъ бывшей саратовской оперы. Лѣтній театръ, въ которомъ дается опера, построены, по типу дачныхъ театровъ, съ рѣзбою въ русскомъ стилѣ. Сцена, по свѣдѣніямъ «Астрах. Вѣстн.», имѣетъ 40 аршинъ вышины, 23 арш. ширины и 21 арш. глубины. Составлена она изъ щитовъ, удобныхъ для разборки, и имѣетъ нѣсколько проваловъ. Мѣстъ для публики: литерныхъ ложъ 11, номерныхъ — 61, въ партерѣ — 360 мѣстъ, въ амфитеатрѣ — 70, на балконѣ 110 и на галлерей — 160. Полный сборъ по обыкновеннымъ цѣнамъ — 1025 руб., по бенефиснымъ — 1320 р. Общая стоимость театра больше 19 тыс. руб. Мѣстная печать одобряла и составъ, и репертуаръ труппы и сообщала, что дѣла Товарищества идутъ хорошо.

Въ Вильнѣ для лѣтняго театра въ ботаническомъ саду сформирована оперная труппа г. Шуманомъ; главные персонажи ея: г-жи Лысенко, Карри, Кутузова, Конча, Бичурица и др. гг. Брушевскій, Левицкій, Климовъ, Фюреръ, Буховецкій, Ошустовичъ, Самойловъ и др. Труппа эта появится также въ Минскѣ и Ковнѣ. Оперная труппа въ виленскомъ лѣтнемъ театрѣ начала играть 19 мая, а до того вре-

мени тамъ гастролировала малорусская труппа г. Кропивницкаго (см. корреспонденцію въ № 3 «Дневн. Артиста»), побывавшая затѣмъ въ Ковнѣ и Минскѣ.

Кстати, сообщаемъ свѣдѣнія о другихъ малорусскихъ труппахъ. *Г. Саксаганскій* съ своею труппою игралъ въ Ростовѣ и Новочеркасскѣ, *г. Садовскій*—въ Полтавѣ и Екатеринославѣ, *г. Мирозъ-Бедюхъ* въ Астрахани и другихъ городахъ вверхъ по Волгѣ. Къ труппѣ *г. Деркача* присоединились г-жа Боярская и г. Манько, причѣмъ управленіе труппою раздѣлено между гг. Деркачемъ и Манько; труппа эта играла въ Ростовѣ, въ театрѣ Любова, и въ Харьковѣ въ театрѣ Коммерческаго Клуба. Народилась было новая малорусская труппа, на основаніяхъ антрепризы; главою ея явился *г. Райскій*, но въ самоѣ-же началѣ антрепренеръ оставилъ труппу на произволъ судьбы. Часть артистовъ этой труппы составили Товарищество подъ распорядительствомъ *г. Пономаренко* и играли въ Лубнахъ, затѣмъ передвигаются въ Прилуки, гдѣ сооружаютъ на свой счетъ временный театръ и закончатъ лѣтній сезонъ въ Ромнахъ. Въ Лубнахъ Товарищество имѣло недурныя дѣла. Наконецъ, Товарищество подъ управленіемъ *г. Грица* начало сезонъ въ Екатеринославѣ, посѣтило Мелитополь и Симферополь и теперь находится въ Одессѣ. Во внутренней организаціи малорусскихъ труппъ можно отмѣтить слѣдующія новости. *Г. Манько* является вмѣстѣ съ *г. Деркачемъ* во главѣ труппы; г-жа Боярская вновь выступила въ этой труппѣ въ качествѣ постоянного члена Товарищества; г-жа Затыркевичъ, бывшая долгое время въ труппѣ г. Кропивницкаго, перешла въ труппу г. Садовскаго. Изъ труппы г. Кропивницкаго вышло и еще нѣсколько артистовъ. Замяна однихъ артистовъ другими въ труппахъ съ вполне установленнымъ репертуаромъ и ансамблемъ, какъ-вы молорусскія, конечно, вредно отражается на сборахъ и общемъ ходѣ дѣла. Но мы не можемъ, все-таки, допустить, при какихъ угодно дѣлахъ и сборахъ, необходимости прибѣгать къ такого рода грубой и въ то же время наивной рекламѣ, какую позволило себѣ управленіе труппы г. Кропивницкаго. Передъ тѣмъ какъ должно было въ Минскѣ выступить Товарищество подъ управленіемъ г. Кропивницкаго, въ «Минскомъ Листкѣ» появилось письмо въ редакцію повѣреннаго Товарищества, — письмо изъ числа тѣхъ, какія, признаемся, намъ не приходилось никогда читать. Поводомъ для письма послужили, по словамъ его автора, какіе-то «лживые слухи», но мы не видимъ изъ письма въ чемъ они заключались. И вотъ, опровергая, будто бы, эти слухи, повѣренный Товарищества, ни мало не смущаясь своей ролью, рекомендуетъ свое Товарищество въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ. По его словамъ: «труппа

г. Кропивницкаго представляетъ собою въ настоящее время одну изъ наилучшихъ малорусскихъ труппъ, каковою репутаціею она и пользовалась до сего времени во всѣхъ городахъ Россіи». Всѣ главные персонажи объявляются ихъ повѣреннымъ «извѣстными артистами», но больше всѣхъ достается похвалъ па долю главы труппы. Повѣренный увѣряетъ, что его довѣритель «первый основатель малорусскаго театра, авторъ главнѣйшихъ и лучшихъ пьесъ малорусскаго репертуара, первый и лучшій режиссеръ всѣхъ прочихъ извѣстныхъ малорусскихъ артистовъ и наилучшій артистъ, неимѣющій ограниченнаго амплуа, среди всѣхъ существовавшихъ и существующихъ артистовъ малорусской сцены, снискавшей свою литературную и сценическую дѣятельностью благоволеніе Высочайшихъ особъ и любовь всей интеллигентной Россіи». Приведеннаго достаточно, чтобы оцѣнить по достоинству этотъ фактъ. Мы не возражаемъ по существу самой характеристики труппы и ея членовъ, признаемъ и большіе заслуги и талантъ ея главы. Мы даже готовы думать, что это письмо — какое-нибудь недоразумѣніе, вродѣ излишняго усердія повѣреннаго. Наши провинціальныя театры, вообще говоря, совсѣмъ неизобрѣтательны по части рекламы, и во всякомъ случаѣ не шли дальше составленія болѣе или менѣе крикливыхъ афишъ, и это было, конечно, къ лучшему. То же можно сказать въ частности и о малорусскихъ труппахъ, изъ которыхъ труппа г. Кропивницкаго особенно была всегда чужда рекламы. Неужели въ появленіи подобныхъ писемъ надо видѣть признаки паденія малорусскаго театра, такъ еще недавно возникшаго?!

Въ Минскѣ малороссамъ, игравшимъ въ зимнемъ театрѣ, пришлось конкурировать съ опереткой, основавшеюся въ лѣтнемъ театрѣ. Оперетка вообще считается самою пригодною отраслью сценическаго искусства для лѣтняго сезона. Но нынѣшнимъ лѣтомъ особеннаго обилія опереточныхъ труппъ въ провинціи не замѣчается и перевѣсъ скорѣе на сторонѣ драматическихъ. Изъ опереточныхъ труппъ наиболѣе солидно поставлено Товарищество артистовъ въ Воронежѣ, вводящее въ свой репертуаръ и оперы, даже такія, какъ «Жизнь за Царя». Въ среднемъ за спектакль Товарищество въ маѣ получило валоваго сбора около 300 р. Сравнительно съ прошлымъ годомъ цифра эта больше приблизительно на 100 руб. за спектакль. Въ Саратовѣ оперетка въ театрѣ Очкина подъ управленіемъ г. Милославскаго. Кромѣ оперетокъ предполагается также ставить и легкія оперы.

Отмѣтимъ нѣкоторыя изъ драматическихъ труппъ. Въ Ростовѣ на Дону въ театрѣ г. Любова играетъ сформированная имъ труппа; въ спектакляхъ этой труппы участвовали

въ качествѣ гастролеровъ гг. Киселевскій и Южинъ. Постоянная же труппа состоитъ изъ г-жъ Токаревой, Звѣздичъ-Писаревой, Радиной, Новиковой, Ленской, Добровой, Карнѣевой и др. г-дѣ Любова, Аркунина, Горина, Житова, Крамова, Сабурова и др. Въ Сергіевскѣ, Самарской губ., во время лечебнаго сезона (съ 15 мая по 1 августа) играетъ Товарищество драматическихъ артистовъ: г-жи Тугаринова, Андріанова, Отрадина, гг. Яковлевъ (Л. Ѳ.), Тугариновъ, Печоринъ, Никольскій и др. Въ Моршанскѣ Товарищество подѣ управленіемъ г. Баскакова; въ Липецкѣ, въ саду минеральныхъ водъ Товарищество подѣ режиссерствомъ г. Жуковскаго: г-жи Левина, Казина, Гегеръ-Глазунова, Байкалова и друг., гг. Орловъ-Семашко, Прозоровъ, Жуковский и др. Въ Нѣжинѣ театръ снятъ артисткой г-жей Брянской-Ковровой. Въ Бобруйскѣ съ половины мая начались спектакли Товарищества подѣ управленіемъ г. Кадникова; въ Товарищество входятъ: г-жи Никонова, Дессина, Провчатова, Субботина и др., гг. Львовъ, Линскій, Филоновъ и др. Въ Ревелѣ играетъ труппа при участіи артистки Императорскихъ петербургскихъ театровъ г-жи Васильевой. Въ составъ труппы вошли ученики и ученицы казенныхъ драматическихъ курсовъ, окончившіе въ этомъ году курсъ. Въ 20-хъ числахъ апрѣля здѣсь гостила труппа г-жи Глѣбовой, главными силами въ которой были г-жа Мазуровская и гг. Крамской и Муравьевъ-Свирскій. Спектакли посѣщались публикою очень усердно. Въ Казани въ театрѣ Паваевского сада давала спектакли драматическо-опереточная труппа, въ которой участвуютъ г-жи Піунова-Шмидтгофъ, Гусева, Соколова, Кудрина, гг. Ильковъ, Яновъ, Шмидтгофъ, Бородинъ, Вабощъ-Королевъ и др. Изъ Казани труппа отправилась въ Вятку.

Въ Саратовѣ организовалась для артистическаго путешествія смѣшанная труппа изъ профессиональныхъ артистовъ и любителей-членовъ мѣстнаго Общества любителей изящныхъ искусствъ. Изъ артистовъ въ Товарищество вошли г-жи Шебуева, Невѣрова, Пивоварова, гг. Завьяловъ, Межевой и др. Въ маршрутъ вошли: Самара, Симбирскъ, Казань. Еще не начинались въ Самарѣ спектакли этого Товарищества, какъ уже совѣтъ саратовскаго Общества любителей изящныхъ искусствъ, черезъ своего предсѣдателя, успѣшилъ заявить, что Товарищество это—частное предпріятіе, ничѣмъ не связанное съ Обществомъ любителей изящныхъ искусствъ. На это одинъ изъ членовъ-любителей Товарищества и въ то же время членъ-старшина Общества любителей изящныхъ искусствъ, заявилъ, что совѣтъ совершенно правъ, и при этомъ пояснилъ поводъ, послужившій къ основанію Товарищества. Въ Саратовѣ существуетъ общедоступный театръ Общества любителей

изящныхъ искусствъ. Дѣло это ведется не на средства Общества, а на средства членовъ драматической секціи Общества, завѣдующей театромъ. Доходъ отъ общедоступныхъ спектаклей поступаетъ по окончаніи сезона въ кассу Общества, а убытокъ покрывается изъ личныхъ средствъ членовъ секціи, которые пожелали изыскать какія-нибудь мѣры для образованія опредѣленнаго денежнаго фонда общедоступнаго театра. Одною изъ такихъ мѣръ и явилось артистическое путешествіе. Доходъ отъ этого предпріятія и предполагается употребить на образованіе фонда саратовскаго общедоступнаго театра. Къ сожалѣнію, матеріальныя дѣла врядъли будутъ достигнуты, такъ какъ сборами Товарищества далеко не можетъ похвалиться. Въ Казани, на примѣръ, Товарищество получило: за первый спектакль («Татьяна Рѣпина») 146 р., за второй («Повѣситься или утопиться») около 12 р., за третій («Порывъ»)—около 14 р., за четвертый («Дармоѣдка»)—15 р., за пятый («Вторая молодость»)—10 р., за шестой («Супружеское счастье»)—11 руб.

Но во всякомъ случаѣ эта артистическая поѣздка заслуживаетъ полнаго сочувствія по своимъ благимъ дѣламъ, и жаль лишь, что въ средѣ самого Общества возникли по этому поводу недоразумѣнія, очень обыкновенныя въ любительскихъ Обществахъ, но вѣдѣтъ съ тѣмъ очень вредно вліяющія на всякія хорошія начинанія этихъ Обществъ.

Изъ доставленнаго намъ однимъ изъ членовъ Товарищества малорусской труппы, быв. подѣ управленіемъ г. Старицаго, потомъ перешедшей (съ 1 января 1892 года) подѣ управленіе г. Грицаца, отчета за сезонъ 1891½ года видно, что за время съ 23 апрѣля 1891 года по 16 февраля 1892 года, т.-е. за 10 мѣсяцевъ безъ 7 дней, Товарищество дало всего 205 спектаклей и сдѣлало валоваго сбора 48.557 р. 63 к., среднимъ числомъ на спектакль 237 руб.; наибольшій сборъ 840 р., наименьшій—21 р.

По городамъ, въ которыхъ труппа перебивалась, сборы дѣлились такъ:

въ г. Минскѣ съ 23 апрѣля 1891 г. по 23 мая дано всего за 25 спектаклей взято сборовъ 4,683 р. 95 к.; въ тотъ-же періодъ времени дано 3 спектакля въ г. Бобруйскѣ, взято 286 р. 55 к., а всего 4.970 р. 50 к.

въ г. Тверя съ 28 мая по 13 іюня 10 спектаклей 1115 р.

въ г. Москвѣ въ саду „Эрмитажъ“ (театръ „Антей“), съ 18 іюня по 9 іюля 22 спект. 4.178 р. 85 к. (кромѣ входныхъ въ садъ).

въ г. Орлѣ съ 14 іюля по 16 августа 26 спект. 2.146 р. 23 к.

въ г. Ельцѣ съ 18 августа по 1 сентября 10 спект. 1.245 р. 90 к.

въ г. Воронежѣ съ 3 по 25 сентября 19 спект. 6.906 р. 90 к.

въ г. Острогожскѣ и ст. Каменской (Об. Вой. Донск.) одновременно съ 26 сентября по 3 ноября (въ Острогожскѣ 13 спект. 1.641 р. 85 к. и Каменской 9 спект., 1.134 р. 40 к.) всего 2.776 р. 25 к.

въ г. Екатеринославѣ съ 10 ноября по 22 декабря 39 спект. 11.388 р. 30 к.

въ г. Елисаветградѣ съ 26 декабря по 15 января 16 спект. 5.377 р. 65 к.

въ г. Николаевѣ съ 17 января по 31-е 13 спект. 4.128 р. 35 к.

и въ г. Екатеринославѣ съ 2 по 16 февраля 15 спект. 4.323 р. 70 к.

Лѣтній сезонъ прошлаго года былъ весьма убыточенъ для Товарищества. Въ общемъ пайщики едва получили по 44 $\frac{1}{2}$ коп. на рубль и то принявъ на себя долгъ около 1.500 руб.

Настоящій составъ Товарищества подъ управленіемъ г. Грицай: г-жи Вѣрна, Орликъ, Шостаковская, Клименко, Виламова, Подвысоцкая, Маньковская, Михайловская, Шереметьева, Барвинокъ и др., гг. Грицай, Касиненко, Ванченко, Подвысоцкій, Милославскій, Загорскій, Шатковскій, Кириленко, Шостаковскій, Запорожецъ, Топольскій и др. Режиссеръ г. Касиненко, директоръ и хормейстеръ г. Бортоломейчукъ, Сезонъ группа начала въ г. Екатеринославѣ 6-го апрѣля въ театрѣ Колылова.

Корреспонденціи.

Вологда. (Отъ нашего корреспондента). 10, 11, 12 и 14 мая у насъ гастролировали артисты Императорскаго Александринскаго театра подъ управленіемъ г. Медвѣдева. Составъ Товарищества: г-жи Глинская-Медвѣдева, Ленская, Уварова, Крылова и провинціальная артистка г-жа Головинская и гг. Медвѣдевъ, Новинскій, Шевиченко, Шаповаленко и Усачевъ. Въ спектакляхъ Товарищества принималъ участіе въ качествѣ исполнителя драматургъ Е. П. Карповъ. Репертуаръ: „Бѣдность не порокъ“ и „Надо разводиться“, „Свадьба Кречинскаго“ и „Андрей Степанычъ Бука“, „Гроза“ и „Предложеніе“ и „Въ старые годы“. Болѣе всего впечатлѣнія сдѣлала „Бѣдность не порокъ“, дружно сыгранная всѣми артистами, а въ томъ числѣ и г. Карповымъ, по общимъ отзывамъ, тепло, искренно и обдуманно исполнившимъ роль Мити. Очень хорошъ былъ въ роли Любима Торцова г. Медвѣдевъ. „Свадьба Кречинскаго“ прошла хорошо, безусловно понравился г. Медвѣдевъ въ роли Расплюева. Во всѣхъ пьесахъ публика очень радушно принимала и г. Шевиченко. Изъ Вологды Товарищество съ г. Медвѣдевымъ отправилось въ г. Архангельскъ, гдѣ имъ театръ снятъ на мѣсяць. За четыре спектакля въ Вологдѣ Товарищество выручило около 980 р. и за два спектакля въ г. Устюгѣ, по дорогѣ въ Архангельскъ, около 300 р.

За день до прїѣзда петербургскихъ артистовъ Вологду посѣтилъ пьянистъ г. Рейзенауэръ, который предполагалъ дать въ залѣ Дворянскаго Собранія два концерта; но въ первый концертъ публики собралось немного, а во второй, хотя сборъ былъ около 100 р., г. Рейзенауэръ играть отказался, что вызвало болѣе недовольство; 7-го іюня состоялся концертъ пьянистки г-жи Кнауфъ-Каминской, при участіи баритона Тальзати и пѣвицы Марелли, сборъ былъ порядочный и г-жу Каминскую, а особенно г. Тальзатти, публика принимала радушно.

Мы слышали, что на будущій годъ театръ Набалова уже сдать, и опять за 1.500 р., г-жѣ Свѣнтитской.

Воронежъ. (Отъ нашего корреспондента). Дѣятельность подвизающагося у насъ оперно-опе-

реточнаго Товарищества за май мѣсяць оказалась вполне удачною и въ матеріальномъ и въ художественномъ отношеніяхъ. За 25 спектаклей, даныхъ въ теченіе истекшаго мѣсяца, Товарищество взяло 7.666 р. 19 к., или по 306 р. за спектакль. Оперные спектакли давали сборы значительно больше опереточныхъ; самый большой сборъ дала „Жизнь за Царя“ (743 р.) и самый меньшій—„Красное солнышко“ (96 р.). За уплатой всѣхъ обязательныхъ расходовъ, члены Товарищества получили на марку по 33 коп. Товарищество позаботилось о сокращеніи бюджета, чего въ значительной мѣрѣ и достигло. Первымъ на нужды Товарищества отозвался хозяинъ театра г. Косаревъ, значительно уменьшивъ арендную плату за театр; затѣмъ изъ состава Товарищества вышли нѣсколько лишнихъ членовъ, и, наконецъ, нѣкоторые члены группы, получавшіе определенное жалованье, перешли на марки. Репертуаръ Товарищества за май мѣсяць, кромѣ оперетокъ составляли оперы: „Галька“, „Русалка“, „Трубадуръ“, „Жизнь за Царя“ и „Травиата“, шедшія по два и по три раза. Лучше другихъ изъ этихъ оперъ прошла „Травиата“—Г-жа Иванова (Виолета) и г. Довѣринъ-Кравченко (Альфредъ) имѣли въ ней шумный успѣхъ. Комедіи, которыя тоже изрѣдка ставятъ Товарищество, успѣха не имѣютъ и не посѣщаются публикой, такъ какъ въ составѣ группы, кромѣ г. Ленни и г-жи Воронцовой-Ленни, для комедіи нѣтъ хорошихъ исполнителей. Г-жа Иванова поставила въ свой бенефисъ, много разъ шедшую уже въ Воронежѣ, оперу-феерію Гризара „Адская любовь“, сборъ былъ полный.

Житомиръ. (Отъ нашего корреспондента). Въ апрѣлѣ у насъ играло Московское Товарищество драматическихъ артистовъ, съ Е. Н. Горовой во главѣ, состоявшее изъ г-жъ Аграмовой, Ворониной, Алибиной и др. и гг. Тройницкаго-Вронченко, Аярова, Струйскаго, Чернова, Глумина и друг. Товарищество дало 7 спектаклей: „Медея“, „Адриенна Лекуверреръ“, „Сумасшествіе отъ любви“, „Какъ поживешь, такъ и прослывешь“, „Марія Стюартъ“, „Федра“ и „Орлеанская дѣва“. 7 спектаклей дали около 2 $\frac{1}{2}$ тыс. руб. валоваго сбора, что для житомирцевъ составляетъ очень крупную сумму.

Отъ Товарищества житомирская публика ожидала большаго и разочаровалась. Ансамбля въ исполненіи не было никакого, а поставленная въ бенефисъ г-жи Горовой „Федра“ была исполнена такъ, что даже неизбалованная театральными ансамблями и потому невзыскательная житомирская публика была удивлена: кромѣ исполнителей Федры и Террамена (г. Черновъ), остальные (не смотря на то, что пьеса была оставлена первыми персонажами труппы) не только не играли, но даже плохо читали свои роли подъ суфлера, не говоря уже о неумѣнн читать стихи. Г-жа Горева тоже разочаровала житомирцевъ: мы видѣли слабое исполненіе, исключая отдѣльные моменты въ Андріеннѣ Лекуверреръ, Маргаритѣ Готье и довольно блѣдную игру въ „Медеѣ“, „Сумасшествіе отъ любви“, „Марія Стюартъ“, „Федра“ и „Орлеанской дѣвѣ“.

Вслѣдъ за отъѣздомъ Московскаго Товарищества, артистъ Императорскаго Московскаго Малаго театра г. Горевъ заявилъ желаніе сыграть у насъ, въ Житомирѣ, нѣсколько спектаклей. Драматическое Общество любителей сочло нужнымъ сообщить г. Горову свои опасенія за сборы; но г. Горевъ согласился прїѣхать на условія— $\frac{1}{2}$ отъ чистаго сбора. Общество, конечно, съ удовольствіемъ приняло столь выгодное предложеніе.

По полученіи отъ г. Горева предположеннаго репертуара, Общество лихорадочно принялось за разучиваніе и срепетовку намѣченныхъ пьесъ: „Блуждающіе огни“, „Порывъ“, „Старый Баринъ“, „Въ родственныхъ объятіяхъ“ и „Отелло“, при чемъ, вслѣдствіе малочисленности членовъ-любителей, Обществомъ были приглашены на нѣкоторыя болѣе трудныя роли трое присяжныхъ актеровъ: г-жа Ростовцева и гг. Богдановъ и Никулинъ. Любительскіе спектакли съ г. Горевымъ шли съ 25 мая по 2 іюня. Ассамбля въ спектакль, конечно, не было; но, вѣдь, отъ любителей и трудно требовать его,—тѣмъ болѣе, что для нихъ совершенно непосильный трудъ разучить и поставить въ теченіе мѣсяца 5 пьесъ. Но г. Горевъ оставилъ по себѣ у житомірскихъ театраловъ пріятное воспоминаніе. Прекрасный Холминъ, хорошій Томилинь (особенно въ сценѣ убійства Бедкой) и Изгоевъ (въ особенности въ сценѣ объясненія съ женой въ 3-мъ дѣйствіи),—г. Горевъ особенно сильно впечатлѣніе произвелъ въ „Старомъ Баринѣ“, детально-художественно сыгравъ роль Опольева. Не видывала житомірская публика на здѣшней сценѣ и такого Отелло.

Къ сожалѣнію, опасенія Общества оправдались: сборы были плохи. Отчасти виновато въ этомъ само Общество, сдѣлавшее большую ошибку, назначивъ при завѣдомомъ бездепежи нашей публики возвышенныя цѣны на мѣста.

Кременчугъ. (Отъ нашего корреспондента). Никогда еще лѣтній сезонъ въ Кременчугѣ не былъ такъ богатъ какъ настоящій. Насъ посѣтили уже Товарищество Н. Н. Соловцова, оперное Товарищество съ г.г. Медвѣдевымъ и Тартаковымъ и г-жа Савина со своимъ Товариществомъ. И что удивительнѣе всего—это то, что ни одно не уѣхало изъ Кременчуга, не пожавъ обильной денежной жатвы. Товарищество Н. Н. Соловцова дало у насъ сперва одинъ только спектакль („Преступница“) сопровождавшійся большимъ внѣшнимъ успѣхомъ, затѣмъ вернулось изъ Елисаветграда, чтобы дать еще одинокій спектакль („Вторая молодость“), прошедшій такъ же удачно, какъ и первый. Товарищество сдѣлало бы еще большіе сборы, чѣмъ были (500 руб. и 400 руб.), если бы не неудачный выборъ пьесъ. Прибывшее къ намъ вскорѣ оперное Товарищество, подъ управленіемъ г-на Перлова и режиссерствомъ г-на Любимова, имѣло успѣхъ какъ въ смыслѣ сборовъ, такъ и внѣшняго успѣха. Было дано всего 7 спектаклей: „Фаустъ“, „Евгеній Онѣгинъ“, „Аида“, „Демонъ“, „Жидовка“, „Гугеноты“, и „Галька“ (въ бенефисъ Медвѣдева). Сборы на кругъ достигали 640 руб. Театръ, не смотря на отчаянную жару, отсутствіе вентиляціонныхъ приспособленій въ театрѣ и крайне плохую акустику театральнаго зала, былъ всегда набитъ биткомъ. Не можетъ пожаловаться на сборы и г-жа Савина, взявшая съ Кременчуга за 2 спектакля 1000 руб. Г-жа Савина играла уже въ Кременчугѣ лѣтъ 17 тому назадъ, когда еще здѣсь существовалъ еще деревянный театрикъ.

Курскъ. (Отъ нашего корреспондента). Весенній театральнй сезонъ въ Курскѣ начало Товарищество драматическихъ артистовъ г. Соловцова. Оно пробѣдомъ дало одинъ спектакль, сборъ былъ почти полный.

Въ первыхъ числахъ мая въ Курскъ прибыло Товарищество артистовъ г. Любимова. Абонементъ былъ объявленъ на три спектакля. Курскъ любитъ оперу, и абонементъ былъ разобранъ. Товарищество г. Любимова оказалось изъ зауряд-

ныхъ артистовъ, а хоръ, оркестръ и обстановка ниже средняго и потому только три первыхъ спектакля сборъ былъ полный. Но все-таки Товарищество г. Любимова въ Курскѣ сдѣлало хорошія дѣла. Поставлены были „Фаустъ“, „Демонъ“, „Гугеноты“ и „Жидовка“.

Садъ и театръ курскаго земства арендовало съ 1 мая по 1 сентября Товарищество артистовъ съ г. Галицкимъ во главѣ. Земская управа сдала ему садъ сравнительно за недорогую цѣну, за 800 р., но на приведеніе сада въ порядокъ, на пристройку галереи и декораціи пришлось затратить 400 р. оркестръ нанятъ за 2000 р. за сезонъ, на прочіе расходы исчислено 1520 р. Общество имѣетъ 76 паевъ по 25 р. Въ составъ его кромѣ г. Галицкаго входятъ: г-жи Киселева, Галицкая, Кириллова, Мухаринская, Юрьева, Чистякова, Разумовская, г. Лидинъ, Калачевъ, Кохилевичъ, Переводчиковъ, Спасскій, Вронскій, Шениъ. Пьесы шли: „Лѣсъ“, „Женитьба Блугина“, „Степной богатырь“, „Безъ вины виноватые“, „Зяцъ“, „Блуждающіе огни“, „Вторая молодость“, „Въ бѣгахъ“, „Подъ властью сердца“, „На паяхъ“, „Пчела и трутни“, „На зыбкой почвѣ“, „На всѣ четыре стороны“, „Въ неравной борьбѣ“, „Честь“, „Семья преступника“, „Подъ слѣдствіемъ“, „Свѣтитъ да не грѣетъ“, „Соколы и вороны“. Плохіе сборы дали фарсы: „Зяцъ“, „На паяхъ“ и т. п. За май было дано 19 спектаклей, валоваго сбора, не смотря на оперные спектакли, было 2197 руб. Пайщикамъ досталось на рубль 32 коп. Съ начала іюня сборы улучшились. Публика охотно стала посѣщать театръ и садъ, артисты принимаются хорошо. Въ городскомъ скверѣ, сданномъ городской управой клубу съ тѣмъ, чтобы въ немъ играли оркестры музыки, каждую недѣлю два раза бываютъ гулянья съ платой, но публика на такихъ гуляньяхъ отсутствуетъ.

Новоросійскъ. (Отъ нашего корреспондента). Спектакли лѣтняго сезона у насъ начались 1 мая, труппой драматическихъ артистовъ подъ распорядительствомъ г. Томскаго. Въ составъ Товарищества вошли слѣдующіе артисты и артистки: г-жи Варина, Лавровская-Долинская, Яблочкина, Пальмина, Шперлингъ, Нѣжина и др., г. Кузнецовъ-Ершовъ, Журинь, Ягеловъ, Новскій, Батуринь и друг. Репертуаръ Товарищества состоитъ изъ комедій и водевилей. Публика охотно посѣщаетъ театръ. До сихъ поръ сыграно около 17 спектаклей. Спектакли идутъ гладко, труппа нравится публикѣ, хотя въ труппѣ и замѣненъ пробѣлъ, въ ней нѣтъ актрисы на амплу гравъ-дамъ, а также и любовника, котораго по необходимости замѣняетъ г. Томскій, играющій подрядъ пять лѣтнихъ сезоновъ въ Новоросійскѣ и достаточно уже знакомый мѣстнымъ жителямъ. Пріѣзжіе на купанье мало посѣщаютъ театръ и онъ держится исключительно на мѣстной публикѣ. Изъ артистовъ своею игрою выдѣляются и пользуются симпатіей публики г-жи Варина, Лавровская-Долинская и Яблочкина и г. Кузнецовъ-Ершовъ, Журинь и Ягеловъ.

Рига. (Отъ нашего корреспондента). 16 и 19 мая, въ городскомъ театрѣ были даны „Медея“ и „Марія Стюартъ“ съ г-жею Горевой въ заглавныхъ роляхъ и „съ ея московскимъ ансамблемъ“, какъ было заявлено на афишахъ. Но Ригу ансамблями трудно удивить: послѣдній сезонъ здѣсь играла труппа г. Фаддѣева, очень избаловавшая ими русскую публику; а городскій нѣмецкій театръ только одними ансамблями и существуетъ, такъ какъ сколько-нибудь выдающихся артистическихъ силъ почти нѣтъ въ драматической нѣмецкой труппѣ. Неуди-

вительно поэтому, что „московскій ансамбль“ г-жи Горевой сильно разочаровалъ публику - въ труппѣ не оказалось ни одного порядочнаго актера. Что касается самой гастролерши, то Ригу трудно было удивить зычнымъ голосомъ и напыщенной ложноклассической декламацией, къ которой такъ склонны мѣстные нѣмецкіе актеры. Если г-жа Горева имѣла порядочный успѣхъ въ „Медетъ“, гдѣ можно щегольнуть бурными порывами и крикомъ, то „Марія Стюартъ“ — не имѣла никакого успѣха. Публика оставляла театръ въ явномъ недоумѣніи. Вдобавокъ пьесу урѣзали до того, что она вышла какой-то стряпней по Шиллеру. Мортимеру, Лейстеру вриваются говорить въ теченіе всей передѣлки только по двѣ, по три фразы. Связныя рѣчи говорили только Марія Стюартъ да Елизавета. Это надругательство надъ здравымъ смысломъ и Шиллеромъ „московскій ансамбль“ успѣлъ произвести въ два часа съ небольшимъ.

Рыльскъ, Курск. губ. (Отъ нашего корреспондента). Въ Рыльскѣ съ 1-го мая подвизается Товарищество подъ управленіемъ г-на Мерца. Составъ: г-жи Гринева, Никольская, Сарматова, Чагина, Плещеева; гг. Мерцъ, Федоровъ, Чагинъ, Вронскій, Аверинъ, Лазаревъ, Громовъ, Климовъ, суфлеръ Силинъ.

Спектакли идутъ въ помѣщеніи лѣтняго городского клуба, въ городскомъ саду. Сцена большая, удобная, обставлена хорошо, заль вмѣщаетъ 300 руб. сбора по обыкновеннымъ цѣнамъ, расходъ около 40 р. Въ саду играетъ недурно сформированный струнный оркестръ изъ 14 человекъ. Дѣла Товарищества идутъ хорошо. Публика посѣщаетъ театръ охотно. До сихъ поръ дано 6 спектаклей: „На маневрахъ“, „Оболтусы-Вѣтрогоны“, „Современная барышня“, „Испанскій дворянинъ“, „Листья шелестятъ“, „Дармоѣдка“ и нѣсколько водевилей.

Севастополь (Отъ нашего корреспондента). Весь зимній сезонъ севастопольская публика довольствовалась по части драматическаго искусства артистическимъ Кружкомъ, такъ какъ пріѣзжихъ труппъ въ продолженіи зимняго сезона не было. Въ продолженіи декабря, января и февраля были поставлены: „Жертва за жертву“, „Отлинулось сердечко“, „Въ бѣгахъ“, „Барыня почиваетъ“, „Клубъ холостяковъ“, „Она его ждетъ“, „Цѣль любви и преступлений“, „Мистификація“, „Роковой шагъ“, „Медвѣдь“, „Маруся“, „Прокказы телефона“, „Заяцъ“, „Предложеніе“, „Въ лунную лѣтнюю ночь“, „Въ старые годы“, „Не зная броду не суйся въ воду“, „A Discretion“, „Свѣтитъ да не грѣтъ“, „Не лги“, „Поздній разсвѣтъ“, „Если женщина рѣшила, такъ поставитъ на своемъ“. Съ 14-го апрѣля въ лѣтнемъ театрѣ играетъ Товарищество драматическихъ артистовъ подъ управленіемъ г. Форкатти. Репертуаръ слѣдующій: „Татьяна Рѣпина“, „Новое дѣло“, „Честь“, „Нина“, „Въ неравной борьбѣ“, „Василиса Мелентьева“, „Водоворотъ“, „Вторая молодость“, „Гувернеръ“ и „Цѣпи“. Сборы плохіе.

Симферополь. (Отъ нашего корреспондента). 31-го мая въ лѣтнемъ театрѣ, арендуемомъ г. Новиковымъ, закопчила спектакли малорусская труппа подъ управленіемъ г. Грицая. Дано всего 30 спектаклей, взято на кругъ по 210 руб. Труппа имѣла успѣхъ. Изъ Симферополя малороссы отправились въ г. Одессу.

2-го іюня состоялся первый спектакль Товарищества артистовъ подъ управленіемъ г. Ледева-Вуче-

тича, при участіи г-жи Волгиной. Поставлена была драма въ 4 д. кн. Сумбатова „Мужъ знаменитости“, сборъ 140 р., общій ансамбль удовлетворительный. Изъ выдающихся исполнителей слѣдуетъ отмѣтить: г-жъ Волгиу и Каратыгину и гг. Ледева, Самойлова и Мойсѣева.

Сувалки. (Отъ нашего корреспондента). Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, при гимназіи образовался хоръ и оркестръ исключительно изъ учениковъ гимназіи подъ управленіемъ ихъ преподавателя. Успѣхи въ музыкѣ настолько были замѣтны, что явилась мысль и возможность познать съ ними родителей и семьи гимназистовъ. Эту мысль нужно признать благодѣтельной, потому что устройство публичнаго концерта обрадовало учащихся, ободрило преподавателя, заинтересовало общество. Запятія музыкой — безспорно лучшее заполненіе досуга, развлекающее и освѣжающее молодую голову, рѣдко подвигающуюся отъ книжекъ!... Первый вечеръ 26 февраля 1892 г. состоялъ изъ нѣсколькихъ пьесъ, исполняемыхъ хоромъ и оркестромъ гимназистовъ отдѣльно, изъ національнаго гимна, исполненнаго хоромъ и оркестромъ сообща, изъ исполненія solo нѣсколькихъ пьесъ разными учениками на ролях, скрипкѣ и виолончели, изъ декламированія нѣсколькихъ басенъ Крылова, причемъ „3 мужика“ были прочтены сразу 3 гимназистами.

Талицкій заводъ (Пермской губерніи). (Отъ нашего корреспондента). Потребность въ театрѣ въ провинціи ощущается все болѣе и болѣе. У насъ, на Уралѣ, теперь нѣтъ ни одного мало-мальски значительнаго завода (села), гдѣ бы не было своего маленькаго театра; разумеется, театры эти во всѣхъ отношеніяхъ миниатюрны, но вполне отвѣчаютъ мѣстнымъ потребностямъ. Здѣшній театръ можетъ, до нѣкоторой степени, служить типомъ деревенскихъ театровъ, помѣщается онъ въ наемномъ зданіи, вполнѣ приспособленномъ для спектаклей и рассчитанномъ на 150 человекъ, какъ разъ на столько, па сколько здѣсь есть театральная публика; платится за этотъ домъ 100—110 руб. въ годъ. Любительскій театръ возникъ здѣсь и равнѣ лѣтъ 15 тому назадъ, но о дѣятельности тогдашнихъ любителей остались смутныя воспоминанія. Существующій нѣтъ любительскій Кружокъ организовался въ 1887 году, хозяйственной частью его завѣдуетъ выбранный изъ среды любителей распорядитель, постановкой же пьесъ распоряжается режиссеръ, декорации написаны тоже художникомъ-любителемъ; на первоначальное устройство театра и пріобрѣтеніе необходимаго инвентаря собрано было по подпискѣ до 300 руб. За время существованія Кружка, исключая годъ бездѣйствія, дано 21 спектакль, считая въ томъ числѣ и домашніе, бесплатные; поставлено всего 29 пьесъ; это, конечно, немного, но, такъ какъ любители люди занятые службой и театру могутъ удѣлять лишь немного свободнаго времени, то отъ нихъ большаго и не требуется. На равнодушье публики пожаловаться нельзя, интересъ къ театру въ ней возрастаетъ и она съ рѣдкою исправностью посѣщаетъ всѣ представленія, дающія всегда полный сборъ, не превышающій, впрочемъ, ста рублей. Заѣзжаютъ сюда изрѣдка и странствующие артисты, разказчики, концертанты, шпаголотатели etc., но матеріальнаго успѣха ихъ представленія не имѣютъ: сборы ихъ колеблются обыкновенно между 12—30 руб. Что касается репертуара здѣшняго театра, то надо сказать, что онъ не отличается большимъ разнообразіемъ; солидныхъ пьесъ за все время существованія Кружка поставлено только четыре: „Выгодное предпріятіе“,

„На порогъ въ дѣлу“, „На бойкомъ мѣстѣ“ и „Не въ свои сани не садись“, да нѣсколько мелкихъ комедій; подавляющее же большинство поставленныхъ пьесъ отличается веселымъ характеромъ: это комедіи-шутки и фарсы. Пьесы Островскаго нельзя сказать чтобы разыгрывались плохо; типы нашего знаменитаго драматурга, очевидно, понимались исполнителями. Наибольшимъ, впрочемъ, успѣхомъ пользуются фарсы, въ родѣ „На паяхъ“, „Кто въ лѣсъ, кто по дрова“; подобныя пьесы ставятся по 2, а иногда и по 3 раза. Выборъ пьесъ является для любителей настоящимъ мученьемъ; надо, чтобъ пьеса отвѣчала всѣмъ мѣстнымъ требованіямъ и условіямъ: она должна прійтись по вкусу публикѣ, платящей деньги и имѣющей право быть требовательною; должна быть приличною во всѣхъ отношеніяхъ, такъ какъ публика у насъ щепетлива; должна соотвѣтствовать персоналу и амплу участвующихъ, разнѣру сценъ и наличности бутафорскихъ вещей и костюмовъ и быть подходящею въ декоративномъ отношеніи. Обширными задачами Кружокъ не задается; напр., дѣло благотворительности здѣсь не стоитъ на первомъ планѣ, хотя въ большинствѣ случаевъ сборы и представляются въ пользу разныхъ благотворительныхъ учрежденій, какъ мѣстныхъ такъ и всероссійскихъ. Время отъ времени любители даютъ также дивертисменты изъ вокальныхъ нумеровъ и декламациі. Первые 3 сезона въ театрѣ игралъ порядочный оркестръ мѣстнаго землевладѣльца, состоящій изъ 10 человекъ: нынѣ-же, по необходимости, играютъ опять-таки любители; классическихъ музыкальныхъ произведеній мы, можетъ быть, отъ нихъ и не услышимъ, зато для домашняго обихода они вполне годятся. Послѣ спектаклей иногда устраиваются танцы. Словомъ, театръ служить, до извѣстной степени, связующимъ звеномъ между различными слоями общества, внести въ нѣкоторое разнообразіе въ обыденную жизнь мѣстной интеллигенціи и доставляетъ разумное развлеченіе; про мастеровыхъ и крестьянъ я не говорю,—они мало интересуются театромъ, а „отцы“ и до сихъ поръ считаютъ его дьявольскимъ наводненіемъ; дѣтей можно-бы привлечь въ театръ дешевыми цѣнами, но тѣснота помещенія заставляетъ ограничивать число мѣстъ, такъ называемой, „галлерей“. Про исполненіе пьесъ вообще лучше умолчать. Многіе какъ-бы не вѣрятъ въ возможность пониманія ролей любителями и даже только сносно игры, находя ее не заслуживающею даже критики, а любительскіе Кружки считаютъ синонимомъ чего-то въ высшей степени глупаго и смѣшнаго, но этотъ обидный взглядъ ошибоченъ,—тутъ нѣтъ мѣста ни смѣшному, ни глупому, Любительскій Кружокъ, по необходимости, замѣняетъ здѣсь заправскій театръ, который ни въ какомъ случаѣ не могъ-бы здѣсь существовать, такъ что ужъ пусть будетъ хоть что-нибудь, чѣмъ ничего. Не могу не указать только на рѣдкое между любителями явленіе—заботу о гриммѣ, тщательной срепетовкѣ и на добросовѣстное изученіе ролей, позволяющее суфлерской будѣ во время представленія чуть-ли не безмолвствовать, что обеспечивается большимъ количествомъ репетицій; для достиженія необходимаго ансамбля при исполненіи пьесъ, любители, очевидно, дѣлаютъ все, что отъ нихъ зависитъ. Проводить параллель между игрой любителей и профессиональныхъ артистовъ значило-бы сравнивать неодинаковыя величины, тѣмъ болѣе что въ пріемахъ игры тѣхъ и другихъ есть свои достоинства и свои недостатки. Къ сожалѣнію, персоналъ нашихъ любителей весьма немногочисленъ, женскій—нѣ частности, особенно въ нынѣшній сезонъ, что и является одною изъ главныхъ причинъ, препятствующихъ поста-

новкѣ на здѣшней сценѣ крупныхъ произведеній, а если еще принять въ расчетъ необходимость считаться съ общественнымъ мнѣніемъ, то отъ упрека въ выборѣ преимущественно мелкихъ пьесъ нашихъ гг. любителей можно освободить. Несмотря на незначительность персонала любителей, есть между ними люди съ несомнѣнной искоркой таланта, или, по меньшей мѣрѣ, дарованія, особенно между комическими амплу; къ сожалѣнію, мало только первыхъ любовниковъ.—Нѣкоторые изъ любителей, подвизаясь на сценѣ со двѣ основанія театра, замѣтно совершенствуются въ игрѣ, въ особенности ingenue и grande-dame.—Вообще весь Кружокъ, можно сказать, прогрессируетъ въ искусствѣ. Въ заключеніе остается пожелать Кружку прежде всего живучести, а затѣмъ наилучшаго дальнѣйшаго процвѣтанія, весьма и весьма желательнаго.

Тифлисъ. (Отъ нашего корреспондента). Четвертаго іюня закончились въ нашемъ казенномъ театрѣ спектакли гостившаго у насъ Товарищества драматическихъ артистовъ, съ В. Н. Давыдовымъ во главѣ. Товарищество дало 15 спектаклей, взявъ за нихъ болѣе 8000 рублей, слѣдовательно, по 500 съ лишнимъ рублей на кругъ.

Труппа Товарищества, кромѣ указанныхъ уже въ іюньскомъ выпускѣ „Дневника Артиста“ именъ, заключала въ себѣ еще слѣдующихъ артистовъ: г-жъ Сахарову, Павлову, Соковнику, Лаврентьеву и др., гг. Блажева, Холина, Большакова, Павлова, Новинскаго и др.

Изъ пятнадцати поставленныхъ пьесъ, наибольшій успѣхъ выпалъ на долю: „Горе отъ ума“, „Ревизора“ (дважды поставленнаго), „Свадьбы Кречинскаго“ и „Иванова“.

Безъ особаго усѣха прошли „Арсеній Гуровъ“ и „Вторая молодость“, отчасти благодаря исполненію г. Давыдовымъ несоотвѣствующихъ его дарованію ролей, а затѣмъ и появленію ненользующейся симпатіей Тифлисецъ г-жи Пальчиковой въ главныхъ роляхъ. Бенефисы премьеровъ труппы ознаменовались не только полными сборами, но и массою приношеній, въ видѣ мѣстныхъ ковровъ, серебряныхъ издѣлій и т. д.

Отсюда Товарищество направилось въ Батумъ, гдѣ дало всего 1 спектакль, а затѣмъ въ Одессу.

Гастроли Т-ва г. Давыдова, не смотря на страшную духоту, царящую лѣтомъ въ казенномъ театрѣ, нанесли значительный ущербъ подвизающейся въ „Пушкинскомъ саду“ опереткѣ, управляемой вотъ уже второй годъ г. Самаринымъ-Выховцомъ.

Публика предпочитала наслаждаться дивной игрой г. Давыдова въ душевной залѣ зимняго театра, и лѣтній садовый театръ пустовалъ постоянно.

Между тѣмъ, надо отдать полную справедливость г. Самарину, принимающему нсѣ мѣры для того, чтобы разнообразить свой репертуаръ и возможно лучше обставлять пьесы. Специально для послѣдней цѣли выписанъ имъ изъ Петербурга режиссеръ г. Улихъ, служащій постоянно въ Маломъ театрѣ.

Труппа Пушкинскаго сада, составъ которой я сообщалъ еще въ маѣ, пополнилась въ пастоящее время г-жами Славской (изъ театра Неметта), Ревнаръ (изъ Кіева), гг. Долинскимъ (изъ Петербургскаго Малаго театра) и Семеновымъ-Самарскимъ.

Послѣднія новинки сада: „Адская Любовь“ Гриззара, „Свадьба Оливетты“ Одрана и др. Сборы, послѣ отъѣзда Т-ва г. Давыдова, значительно повысились, хотя все-таки оставляютъ желать лучшаго.

Судьба нашего казеннаго театра въ предстоящій зимній сезонъ уже опредѣлилась. „Артисти-

ческое Общество“ отъ антрепризы его отказалось (въ виду временнаго прекращенія субсиди) и на смѣну Обществу явится Нижегородскій антрепренеръ Дм. Аф. Вѣльскій съ драматической труппою.

Банковскій театръ останется, по всей вѣроятности, въ рукахъ В. Л. Форкатти, который будетъ культивировать оперетку, а Артистическое Общество сосредоточиваетъ свою дѣятельность въ собственномъ клубѣ, гдѣ будетъ ставить цѣлыя оперы. Для этой цѣли уже приглашены артисты и попопчепо съ хоромъ и оркестромъ.

П.

Томскъ. (Отъ нашего корреспондента). Наше драматическое Общество за послѣднее время почти ни чѣмъ не проявляло своей дѣятельности, такъ что въ теченіе всего зимняго сезона 1891—92 г. дало одинъ спектакль. Прежде въ числѣ членовъ Общества было нѣсколько талантливыхъ силъ, спектакли ставились чаще и привлекали болѣе публики. Потомъ было слышно о какихъ-то раздорахъ въ средѣ его и оно почти замолкло. Недавно, однако, Общество снова заявило о своемъ существованіи, и 3 мая дало спектакль съ благотворительной цѣлью. Была поставлена драма г. Рокшанина „Пурывъ“ и прошла въ общемъ для любителей вполне удовлетворительно. Къ сожалѣнію, драматическое Общество какъ-то не умѣетъ привлечь къ себѣ имѣющихся у насъ любителей и пополнить тѣмъ свой составъ. Вообще, надо пожалѣть, что наше драматическое Общество не обладаетъ умѣньемъ къ развитію своей дѣятельности, — что въ средѣ его мало энергичныхъ дѣятелей, которые бы способны были сгруппировать въ немъ всѣ мѣстныя сценическія силы. Разладъ вредитъ каждому дѣлу, и особенно такому, какъ театральное искусство, которое у насъ, въ Томскѣ, можно сказать, находится почти еще въ младенествѣ, такъ какъ любовь къ театру у насъ еще только зарождается въ массѣ...

За томного любителей цирка и разныхъ акробатовъ, дѣлающихъ всегда хорошіе сборы, привлекающая простой народъ еще болѣе раздачею подарковъ, во главѣ которыхъ фигурируютъ коровы, лошади и самовары — по одному предмету на каждомъ представленіи.

На лѣто у насъ будутъ устраиваться постоянныя гулянья въ саду, гдѣ есть небольшой деревянный театръ, съ открытыми мѣстами для зрителей, и въ немъ будутъ даваться легкія комедіи, водевили, отрывки изъ опереттъ, — будутъ выступать рассказчики и проч.

В. С.

Тула. (Отъ нашего корреспондента). Въ настоящее время на сценѣ лѣтняго театра Кремлевскаго сада подвизается „Товарищество русскихъ драматическихъ и опереточныхъ артистовъ“ подъ управленіемъ г. Самарина“. Сезонъ открытъ 14 мая пьесой г. Шпажинскаго „Кручина“ и опереткой Куликова „Русскія пѣсни въ лицахъ“. Составъ труппы слѣдующій: Г-жи Дунаева, Высоцкая, Маевская, Волкова, Николаева, Тихомірова и Никольская, гг. Вишневскій, Самаринъ, Тихоміровъ, Антоновъ, Рыбаковъ, Нелидовъ, Сарматовъ, Шпекеръ, Николаевскій и Островскій. Полный сборъ въ театрѣ около 400 рублей, спектакль-же 14 мая далъ сбору только 58 рублей.

Харьковъ (Отъ нашего корреспондента). Текущій лѣтній сезонъ въ Харьковѣ отличается крайнимъ однообразіемъ и бѣдностью: за исключеніемъ спектаклей малороссійскаго Товарищества подъ управленіемъ гг. Деркача и Манько, даваемыхъ съ 20 мая въ лѣтнемъ театрѣ коммер-

ческаго клуба, никакихъ мало-мальски серьезныхъ развлеченій въ Харьковѣ нѣтъ. Спектакли малороссовъ на этотъ разъ не пользуются ни матеріальнымъ, ни художественнымъ успѣхомъ, благодаря тому, что мѣстная публика видѣла гораздо болѣе удачно сформированныя труппы нежели Товарищество гг. Деркача и Манько; да, наконецъ, и самый репертуаръ, за исключеніемъ трехъ или четырехъ новыхъ пьесъ, хорошо извѣстенъ публикѣ. Изъ новыхъ пьесъ шли слѣдующія: „Кара Божія“, написанная премьершей Товарищества г-жей Боярской, „Зайды голова“, „Цыганка Аза“, „Ридна матирь гірше мачухи“ и др. Одинъ спектакль шелъ при участіи артиста И. О. Горбунова. Въ труппѣ есть только три персонажа, способные нѣкоторымъ образомъ привлечь вниманіе публики: это г-жа Боярская, — артистка на сильно драматическія роли, въ сожалѣнію, не обладающая голосовыми средствами для пѣвучихъ ролей. Затѣмъ г. Манько — даровитый актеръ на комическія и характерныя роли и г. Арцимовичъ недурной теноръ. Все остальное не возвышается надъ уровнемъ золотой посредственности и неудивительно поэтому, что даже завязтые хохломаны относятся къ труппѣ довольно хладнокровно, а это хладнокровіе, разумѣется, въ сильной степени отражается и на сборахъ, которые, даже по праздникамъ, едва превышаютъ половину. Для усиленія интереса къ своимъ спектаклямъ Товарищество пригласило подвизавшуюся въ „Тиволи“ часть хора московскихъ цыганъ Шишкина (?!), но и цыгане, вскружившіе сначала голову мѣстной публикѣ и пользовавшіеся въ началѣ сезона ея особыми симпатіями, сборовъ малороссамъ не дали и даже происходящая теперь въ Харьковѣ Троицкая ярмарка не оживляетъ дѣятельности лѣтняго театра въ коммерческомъ клубѣ.

Харьковская публика, за исключеніемъ трехъ функционирующихъ здѣсь садовыхъ кафе-шантановъ, очень увлекается двумя цирками гг. Чинизелли и Сура.

На ряду съ представленіями въ драматическомъ и оперномъ театрахъ въ Харьковѣ усиленно работаетъ также Общество любителей драматическаго искусства, давая чуть не каждую недѣлю спектакли съ благотворительною цѣлью. Пьесы ставятся зачастую серьезныя (Островскій, Гоголь), для которыхъ требуется и умѣлое исполненіе, чего, къ сожалѣнію, не достаетъ въ средѣ опытныхъ любителей.

Какъ-бы то ни было, любительскіе спектакли стоятъ на самой примитивной точкѣ и открытіе драматическихъ классовъ въ Харьковѣ болѣе чѣмъ желательно. Начало осуществленія подобной школы положила въ нынѣшнемъ сезонѣ бывшая артистка Императорскихъ театровъ и антрепренерша Пушкинскаго театра въ Москвѣ А. А. Бренко. Попытка г-жи Бренко рискованная, но, въ виду пасущей потребности, заслуживаетъ должной похвалы. Какъ пойдетъ въ школѣ преподаваніе — неизвѣстно; насколько привѣтся это дѣло въ Харьковѣ тоже вопросъ открытый, но во всякомъ случаѣ г-жа Бренко не остановилась передъ этимъ и открыла школу въ концѣ октября 1891 г., выработавъ предварительно уставъ и получивъ 18-го октября 1891 года его утвержденіе. Программа и правила школы приблизительно обычныя для драматическихъ школъ. Пока г-жа Бренко преподаетъ первоначальные уроки одна, но съ будущаго учебнаго года будутъ приглашены и другіе учителя-спеціалисты.

8-го іюня Харьковское драматическое Товарищество закончило свою артистическую поѣздку съ

артисткой Императорскихъ театровъ М. Г. Савиной по южнымъ городамъ. Считаемо не лишнимъ познакомить читателей „Артиста“ съ болѣе или менѣе подробными цифровыми итогами дѣятельности Харьковскаго Товарищества въ періодъ времени съ 6 апрѣля по 8-е іюня. Товарищество пачало свои спектакли 6 апрѣля въ Харьковѣ первоначально съ г. Ивановымъ-Козельскимъ, и до прѣзда г-жи Савиной даю 13 спектаклей, за которые выручило 7850 руб. 80 к., т.-е. по 603 р. 14 к. за спектакль. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ (21, 23 и 24-го) Товарищество за три спектакля съ участіемъ г-жи Савиной получило валоваго дохода 3607 р. 50 к., т.-е. среднимъ числомъ по 1202 р. 50 к. за спектакль. Въ Кіевѣ Товарищество за 6 спектаклей (съ 26 апрѣля по 1 мая) получило 6559 р. 60 к., т.-е. по 1093 р. 27 к. за спектакль, въ Екатеринославѣ (съ 3 по 8-е мая) за 6 спектаклей—4281 р. 50 к., т.-е. по 713 р. 58 к. Послѣ Екатеринослава Товарищество снова возвратилось въ Харьковъ, гдѣ даю съ 10 по 15 мая 5 спектаклей, за которые выручило 3591 р. 25 к., т.-е. по 718 р. 25 к. Затѣмъ въ Ростовѣ-на-Дону съ 17 по 25 мая было даю 8 спектаклей, за которые получено—3515 р. 60 к., т.-е. по 439 р. 45 к. за спектакль, въ Новочеркаскѣ за два спектакля (26 и 27 мая) получено—941 р. 75 к. (по 470 р. 88 к. за спектакль), въ Таганрогѣ за одинъ спектакль (28 мая)—513 р. 65 к., въ Полтавѣ за три спектакля (съ 31 мая по 2-е іюня)—2161 р. 25 к., т.-е. по 720 р. 42 к., въ Кременчугѣ за два спектакля (3-го и 4-го іюня)—903 р. 70 к., т.-е. по 451 р. 85 к. и, наконецъ, въ Елизаветградѣ за три спектакля—1647 р. 80 к., т.-е. по 549 р. 27 к. за спектакль. Такимъ образомъ за два мѣсяца Товарищество получило валоваго дохода—35,574 руб. 40 к., причеъ съ участіемъ М. Г. Савиной даю было 39 спектаклей, за которые выручено 27,723 р. 80 к., что среднимъ числомъ выходитъ по 710 р. 66 к. за спектакль. Расходы Товарищества за это время выразились въ суммѣ 28,904 р. 90 к., въ томъ числѣ г-жѣ Савиной уплочено 8620 р. 21 к., г. Иванову-Козельскому—1700 р. М. М. и Л. П. Петипа вмѣстѣ съ г. Соловьевымъ—2500 р., выданъ жалованья артистамъ, не вошедшимъ въ составъ Товарищества—3136 р. 78 к., за аренду театровъ—6731 р. 35 к. и проч. За исключеніемъ всѣхъ расходовъ члены Товарищества получили па марки всего 6669 р. 50 к., которые между ними распределены такимъ образомъ, что всѣ они получили 390³/₄% своего двухмѣсячнаго жалованья.

Репертуаръ состоялъ изъ слѣдующихъ пьесъ: „Невольницы“, „Ольга Ранцева“, „Татьяна Рѣпина“, „Фру-Фру“, „Собака садовника“, „Ваалъ“, „Перчатка“, „Въ неравной борьбѣ“ и др. Персональ труппы М. Г. Савиной составляли: г-жи Свободина-Барышева, Петипа, Виноградова, Лебедева, Тарская, Зорица и др.; гг. Петипа, Агаревъ, Рюминъ, Недѣлинтъ, Гаринъ, Чернышовъ, Чинаровъ, Соловьевъ, Петровъ и др.

На будущій зимній сезонъ составъ Харьковскаго драматическаго Товарищества опредѣлился пока въ такомъ видѣ: Н. М. Вронская, М. И. Велизарій, Л. П. Петипа, Л. А. Александрова-Дубровина, А. А. Соловьевъ, Е. А. Лебедевъ, И. К. Тираспольская, Е. В. Папина, О. В. Владова, Е. И. Шувалова, И. И. Борисовская, А. Д. Тамарова, А. Е. Гарина, А. М. Марченко, О. А. Гондати, В. Н. Холмина, М. М. Петипа, И. А. Шуваловъ, Н. А. Борисовскій, П. Г. Протасовъ, М. Б. Соловьевъ, Е. Н. Червышевъ, Г. Н. Гаринъ, Д. Ф. Константиновъ, Р. З. Чинаровъ, А. В. Ляминъ, И. П. Соловьевъ, А. М. Михайловскій, А. А. Горбановскій, А. А. Петровъ и

А. Ф. Моргуновъ. Вновь вошли въ составъ Товарищества незнакомые Харьковцу—гг. Шуваловъ, Борисовскій и старый любимецъ здѣшней публики, комикъ г. Протасовъ. На сильно-драматическія роли ведутся переговоры съ г-жами Свободиною-Барышевой, Строевой-Сокольской и Саблиной-Дольской.

В. И.

Херсонъ. (Отъ нашего корреспондента). Изъ приведеннаго въ одной изъ послѣднихъ книжекъ журнала („Артистъ“, декабрь 1891 г.) краткаго и сжатаго *curriculum vitae* нашего городского театра, читатель могъ ознакомиться съ тѣмъ довольно плачевнымъ положеніемъ, которое театръ занялъ съ перваго дня своего, правда, еще недолгаго существованія. Между тѣмъ, тѣ препятствія, которыя пришлось преодолѣть наиболѣе интеллигентному кружку нашихъ общественныхъ представителей для осуществленія давно задуманной ими задачи—устройство *городскаго* театра—позволяли надѣяться на то, что, разъ театръ будетъ выстроенъ, онъ не будетъ влачить жалкаго, безцѣльнаго существованія. Сколько трудовъ, энергій и денегъ приходится потратить провинціальному городу, чтобы имѣть затѣмъ возможность гордиться своимъ театромъ, какъ свидѣтелемъ его, города, относительной культуры! Далѣе—денежные ресурсы. Наши провинціальные города вообще, и въ частности Херсонъ никогда не отличались излишкомъ кассовыхъ средствъ. Однако, несмотря на недостатокъ средствъ городской кассы, благодаря энергіи нѣкоторыхъ интеллигентныхъ гласныхъ, горячо отстаивавшихъ высокое значеніе и огромное влияние театра на подліатіе умственнаго и нравственнаго развитія массы, деньги для театра нашлись: заложили городскую землю—единственный городской ресурсъ—и двадцатитысячвй театръ, для Херсона относительно дорогой, очень изящный (послѣ Одесскаго—лучшій на югѣ), красивый и удобный, строившійся продолжительное время (болѣе 2 лѣтъ), былъ, наконецъ, торжественно открытъ 2-го октября 1889 года. Но что намъ далъ за эти 2¹/₂ года театръ? Первый сезонъ онъ еще былъ новинкой—и Херсонцы ухватили г. Лелеву за сезонъ оченъ крупную дань—тридцать тысячью рублей. Второй сезонъ (1890—91 г.) кончился крахомъ антрепризы. Третій сезонъ театръ не имѣлъ постоянного антрепренера. Впродолженіе 3-хъ недѣль играла малорусская труппа г. Саксаганскаго. Послѣдній-же мѣсяцъ сезона (съ 17 января по 16 февраля) извѣстная, правда ограниченная, часть публики вполне удовлетворялась Товариществомъ опереточныхъ артистовъ подъ управленіемъ г. Лианова. Вотъ и все, что намъ дали первыхъ три сезона, если прибавить сюда еще гастроли оперной труппы г. Черепенникова и драматической—съ г-жей Фодотовой во главѣ.

Мѣстный музыкально-драматическій Кружокъ началъ свою дѣятельность на новыхъ началахъ. Кружокъ занимаетъ довольно удобное помѣщеніе, гдѣ устроена небольшая сцена. Зрительный залъ довольно вмѣстителенъ и хорошо отдѣланъ, во не отвѣчаетъ акустическимъ требованіямъ. Первый вечеръ былъ 3 февраля. Драматическимъ отдѣломъ Кружка была поставлена ком. В. Александрова „Лакомый кусочекъ“. Пьеса прошла довольно ровно и оживленно. Оркестромъ были исполнены: увертюра изъ оперы „Норма“ соч. Беллини и увертюра изъ оперы „Донъ Жуанъ“ Моцарта. Послѣднюю пьесу биссировали. Оркестръ исполнилъ свое дѣло прекрасно. Этого нельзя сказать относительно хора, исполнившаго „Пѣснь на новый годъ“ соч. Мевдельсона. Исполненіе было неровное и нестройное.

Второй вечеръ былъ 16 февраля. Драматическимъ отдѣленіемъ были исполнены: „Это мой маленькій капризъ“, „Которая изъ двухъ“ и „Мѣдвѣдь“. Было также и музыкальное отдѣленіе.

2 марта въ городскомъ театрѣ состоялся четвертый концертъ мѣстнаго музыкально-драматическаго Кружка, по слѣдующей программѣ: 1) симфонія Гайдна № 2 (оркестръ), 2) „Lacrimosa“ и „Dies Irae“ изъ „Requiem“ Моцарта (хоръ и оркестръ), 3) Largo Генделя (оркестръ), 4) Молитва изъ „Моисея“ Россини (Ю. А. Потоцкая, Ю. Д. Ангелиди, П. Ф. Маркевичъ, г. NN., хоръ и оркестръ), 5) Sérénade-Improptu Жиле и Flirtation Штека (струнный оркестръ). Концертъ, какъ съ матеріальной стороны, такъ и со стороны исполненія нельзя назвать вполне удачнымъ. Исполнители небрежно отнеслись къ такой серьезной программѣ, и исполненіе было неровное, что было особенно замѣтно въ симфоніи Гайдна и „Requiem“.

Больше всего понравилась публикѣ молитва изъ „Моисея“: она была лучше другаго срететована. Несмотря на общій интересъ, съ какимъ любители музыки ожидали этотъ концертъ, они едва па половину заполнили театр. Исполнителей заставляли биссировать нѣкоторые номера, много разъ вызывали капельмейстера г. Поргмейера и предсѣдателя Кружка г. Скадовскаго.

Къ концу поста предполагали дать еще одинъ концертъ; но, несмотря на всѣ старанія г. Скадовскаго это не удалось, такъ какъ члены исполнители перестали посѣщать репетиціи. Явление печальное, особенно для нашего города, гдѣ концерты бывають рѣдко и нѣтъ оркестра, который хоть прѣдка могъ бы намъ доставлять серьезное удовольствіе. Великій постъ этого года вообще былъ очень бѣденъ концертами. Намъ посѣтила только г-жа Альма Фостремъ съ г. Аспергеремъ. Концертъ ихъ съ успѣхомъ состоялся 25 марта въ залѣ городского собранія. Нельзя одобрить программы г-жи Фостремъ. Очевидно пѣвица только и имѣла въ виду блеснуть своей техникой, ставя такія пьесы, какъ арія изъ „Сомнамбулы“, Алябьевскій „Соловей“ и „Polacca“ изъ „Мишенья“ Тома. Притомъ въ романсѣ Шумана „Du bist, wie eine Blume“ артистка вложила мало теплоты, и этотъ единственный прекрасный номеръ у нея поэтому пропалъ.

Г. Аспергеръ имѣетъ много данныхъ быть хорошимъ виолончелистомъ. Чистота тона, солидная техника, — все это говорить въ пользу артиста; но и онъ довольно холодный исполнитель. Больше всего у него понравились Мазурка Поппера и „Le Désert“ Серва.

Холмъ, Люблинской губерніи. (Отъ нашего корреспондента). Вотъ уже заканчивается второй годъ существованія въ нашемъ небольшомъ городкѣ Русскаго Общества любителей музыкальнаго и драматическаго искусства, уставъ котораго утверждень г. Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ 20 іюня 1890 года.

Общество это состоитъ изъ почетныхъ членовъ (7), вносящихъ въ кассу Общества по 15 руб. въ годъ, членовъ соревнователей (до 150 человекъ), вносящихъ ежегодно по 3 р., и дѣйствительныхъ членовъ (до 40), вносившихъ въ прошломъ году въ кассу Общества по 1 рублю въ годъ, а въ текущемъ сезонномъ году совершенно освобожденныхъ отъ всякаго взноса. Помимо члевскихъ взносовъ, средства Общества составляютъ сборы съ публичныхъ платныхъ спектаклей и концертовъ.

Правленіе Общества устраиваетъ для своихъ членовъ еженедѣльные четверговья исполнитель-

ныя собранія, на которыя всѣ члены Общества имѣють право бесплатнаго входа.

Материаломъ для музыкальныхъ вечеровъ служатъ: оркестровыя и хоровыя пьесы, инструментальныя и вокальныя секстеты, квинтеты, квартеты, трио, дуэты и solo.

За два года своего существованія Общество успѣло уже обзавестись собственнымъ роулемъ фабрики Мюльбаха и фисгармоніей. Кроме того, приобрѣтены люпиты для любительскаго оркестра, парики, до 120 драматическихъ пьесъ, около 100 музыкальныхъ пьесъ, пѣкоторыя бутафорскія вещи; устроены два передвижныхъ навильона для сцены, рампа и другія сценическія приспособленія.

Свои исполнительныя собранія, спектакли и концерты Общество устраиваетъ въ городскомъ клубѣ, залъ котораго вмѣщаетъ до 200 человекъ. За вѣзвѣщеніемъ другаго подходящаго помѣщенія, Обществу приходится довольствоваться единственнымъ въ городѣ удобнымъ для собраній тѣснымъ помѣщеніемъ клуба.

Привислянскія губернія. (Отъ нашего корреспондента). — Впервые въ привислянскихъ губерніяхъ появилась русская группа въ ноябрѣ 1886 г. Приѣхала она изъ Гродно. Надежды антрепренера А. И. Яковлева оправдались. Всѣ 14-ть спектаклей въ Сувалкахъ дали прекрасные сборы. Группа состояла изъ провинціальныхъ артистовъ, не особенно выдающихся, но способныхъ и дѣльныхъ. Режиссировалъ г. Яковлевъ, подъ руководствомъ артиста Л. Ф. Яковлева (Гость-Кольцова). Кроме г. Яковлевыхъ, служили тогда въ труппѣ: г-жи Аксакова, Лаврова, Зимины, Стрѣлкова и Зарецкая; гг. Житовъ, Крамской-Сельскій, Фабіанскій, Чагинъ, Лавровъ, Исаковскій. Изъ болѣе удачныхъ, по составу труппы, шли пьесы: „Гроза“, „Таланты и поклонники“, „Ревизоръ“, „Гдѣ любовь, тамъ и напасть“, „Каширская старина“, „Медел“, „Массалина“, „Женитьба“, и друг. По возвращенію въ Гродно удача первой попытки побудила г. Яковлева предложить труппѣ остаться у него на уменьшенномъ жалованьи втеченіи предстоящаго Великаго поста, когда спектакли въ Привислянскихъ губерніяхъ не запрещаются. Артисты согласились, и на второй недѣль Великаго поста начались спектакли въ Ломжѣ. Тутъ въ составѣ труппы произошла перемѣна: выбыли гг. Крамской-Сельскій и Житовъ; вмѣсто нихъ приглашены гг. Дальскій, Владиміровъ, Васильевъ и г-жа Корсакова. Спектакли при недорогой труппѣ дали опять изрядную прибыль антрепренеру. Самый маленькій сборъ былъ 80 руб. при 30 рублевомъ расходѣ. Изъ Ломжи, ободренный успѣхомъ, антрепренеръ повезъ въ началѣ апрѣля труппу въ Варшаву. Въ Варшавѣ въ то время влачила скудное существованіе русская оперетка. Опереточные артисты иногда играли и серьезные пьесы, напр., „Вѣдность не порокъ“. Понятно, что видя такія пьесы, исполняемыя въ бывшемъ кафе-шантапѣ (Эльдорадо) артистами пополамъ съ хористами, большая часть русской публики, заглянувъ туда разъ, теряла охоту ихъ посѣщать. Въ это время является изъ провинціи гродненская труппа, приглашенная мѣстнымъ Обществомъ любителей драматическаго искусства. Первый спектакль въ помѣщеніи общества далъ сбору 80 рублей. Несмотря на дружный пріемъ всѣхъ дѣйствующихъ лицъ въ пьесѣ „Соколы и вороны“, антрепренеръ, смущенный сборомъ, не думая о вполне понятномъ недовѣрїи публики къ вновь приѣхавшей труппѣ, отъѣхалъ второй спектакль и увезъ свою труппу въ Плоцкъ. Тамъ сыграно было около 15 спектаклей, доставившихъ антрепренеру хорошую прибыль и артистамъ лестный пріемъ. Въ это время

поспѣшное бѣгство труппы изъ Варшавы обратило на себя вниманіе людей, сочувствовавшихъ успѣху русскаго театральнаго дѣла. И вотъ къ первому мая труппа изъ Плоцка возвращается въ Варшаву, имѣя въ своемъ репертуарѣ много сыгранныхъ уже раза по 3, прекрасно спетованныхъ пьесъ: „Доходное мѣсто“, „Лудушка“, „Кручина“, „Безъ вины виноватые“ и друг. Послѣ первыхъ трехъ спектаклей помѣщеніе Общества любителей оказалось тѣснымъ и труппа, давъ 6 спектаклей въ большомъ залѣ Русскаго Военнаго Собранія (бывшій дворецъ князя Замойскаго), разѣхалась по лѣтнимъ мѣстамъ. Сборы въ это время были отъ 400 до 800 руб. Тогда г. Яковлевымъ было сдѣлано условіе о сдачѣ ему залы для спектаклей въ ноябрѣ и декабрѣ 1887 года. Осенью 87 г. опять собралъ г. Яковлевъ въ Гродно труппу, но уже посильнѣе и многочисленнѣе. Приглашены были: г-жи Аксакова, Журавлева, Зимина, Лаврова, Стрѣлкова, Вагрянова, Александрова, Зарѣцкая и друг., гг. Л. О. Яковлевъ, Гончаровъ, Бауэръ, Иволгинъ, Яновъ, Холминъ, Чадинъ, Боринъ, Добровольскій, Сабуровъ, Разумовъ, Поляковъ и друг. Кромѣ того, приглашенъ на нѣсколько спектаклей въ Варшаву г. Дальскій. Въ Гродно антрепренеръ до ноября пьесъ убытки, такъ какъ городъ, не смотря на субсидію 1000 рублей, не могъ оплатить такой большою труппою. Но, въ вадеждѣ на будущее, дѣятельно шли репетиціи, на которыхъ труппа приготавливалась къ болѣе строгому суду варшавской публики. И дѣйствительно, исполненіе пьесъ было добросовѣстное, хотя обсуждалось публикою очень строго. Шли въ Варшавѣ пьесы: „Горькая Судьбина“, „Горелосчастье“, „Таланты и поклонники“, „Бѣшенныя деньги“, „Тяжкая доля“, „Кручина“, „Ревизоръ“, „Горе отъ ума“, „Бѣдность не порокъ“, „Расточитель“, „Тетенька“, „Война съ тещей“, „На маверахъ“, „На хлѣбахъ изъ милости“, „Мертвый сильнѣй живаго“ и др. Сборы опять были хорошіе, по тутъ, по винѣ самого антрепренера, пришлось въ концѣ декабря оставить помѣщеніе въ виду наступающихъ праздниковъ и ѣхать въ Сувалки, сыгравъ по дорогѣ три спектакля въ Ломжѣ. Пришлось перевозить труппу въ 25 человекъ и багажъ чуть-ли не за 300 верстъ на лошадяхъ, оплачивая номера по дорогѣ и въ Ломжѣ трое сутокъ. Сборы въ Сувалкахъ не только не могли возмѣстить потерь, но едва покрыли дорожные расходы. Къ тому-же въ Сувалкахъ до пріѣзда труппы концертноровалъ г. Славянской съ своей капеллою. Пришлось послѣ нѣсколькихъ спектаклей возвращаться въ Гродно. Къ Великому посту половина лучшихъ силъ труппы отказалась ѣхать дальше и выбыла. Не теряя надежды на успѣхъ, повезъ г. Яковлевъ опять въ Привислянскія губерніи труппу, посѣтилъ 14 городовъ до половины лѣта: Люблинъ, Радомъ, Лодзь, Кѣльцы, Петроковъ, Калишь и сосѣдніе съ нимъ уѣзды. Но несмотря на присутствіе въ труппѣ г-жъ Аксаковой и Журавлевой и гг. Л. О. Яковлева и Дальскаго, не было главнаго — ансамбля и энергіи режиссера. Частые переѣзды, постоянная перемѣна артистовъ, которые то убывали, то замѣщались новыми, и прочіе расходы не дали антрепренеру возможности свести концы съ концами. Этотъ второй періодъ окончился неудачно. Тѣмъ не менѣе въ 1888 году имъ же опять составляется въ Гродно въ третій разъ труппа, но, къ несчастью, слабѣе даже первой. Служили артистки: г-жи Погонина-Волховская, Кириллова, Гурьева и др., гг. Л. О. Яковлевъ, Николаевъ-Бѣлоконъ, Кромовъ, Котарскій, Погонинъ-Волховской, Лавровъ, Князевъ и др. Результатъ этой поѣздки былъ хуже предыдущаго.

Вѣсть опервоначальномъ успѣхѣ г. Яковлева быстро разнеслась, и вотъ уже съ 87 года въ нѣсколькихъ городахъ края появляются небольшія Товарищества русскихъ драматическихъ и оперныхъ артистовъ, но къ несчастію всѣ они были составлены неудачно и не удовлетворяли требованіямъ мало-мальски разборчивой публики. Въ расчетѣ, что довольно одного-двухъ артистовъ и артистокъ, которые бы вели репертуаръ, къ нимъ подбиралась дюжина всякихъ полезностей и бесполезностей. Такими были Товарищества г. Ильинскаго въ Люблинѣ, г. Погопина въ Плоцкѣ, Пултускѣ, Млавѣ и др. гор. (крайне скудное) г-жи Корсаковой (Иванъ-городъ, Влоцлавскъ, Новогоргіевскъ и т. д.) г. Николаева-Станиславскаго (имѣвшаго, впрочемъ, по временамъ спосыхъ артистовъ и артистокъ) и пользовавшагося условныхъ успѣхомъ. Были и болѣе крупныя попытки; такъ въ 89 году играла въ Иванъ-городѣ, Люблинѣ и др. гор. труппа г. Перлова, въ которой вела репертуаръ г-жа Волгина съ гг. Дю-Брюксъ, Крамовымъ, А. И. Яковлевымъ; но и эта антреприза, веденная неумѣло, не оправдала своихъ цѣлей.

Лѣтомъ 90 г. г. Кошловъ (антрепренеръ малорусской труппы) попытался завести постоянный русскій театръ въ г. Сувалкахъ. Для этого имъ было устроено специальное зданіе, но и онъ едва выбрался оттуда съ своей труппою, которая могла имѣть успѣхъ, исполняя десятокъ заученныхъ малорусскихъ пьесъ, но никуда не годилась при постановкѣ русскихъ, исключая двухъ, трехъ артистовъ. Впрочемъ, антрепренеръ сознавалъ это и ставилъ пьесы, вродѣ „Фальшиваго монетчика“, „Вороны въ павлиньихъ перьяхъ“, „Отъ преступленія къ преступленію“ и т. п. Такой репертуаръ не могъ удовлетворить публику, выдавшую лучшія произведенія. Въ прошлую зиму появилось опять нѣсколько Товариществъ, но опять-таки составленныхъ неудачно. Таково Товарищество г. Калникова, игравшее въ г. Седлецѣ и Иванъ-городѣ. Въ труппѣ были два артиста, остальные слабы и дѣла Товарищества слабы. Затѣмъ играла нѣсколько времени труппа г. Витвицкаго (водевильная) въ г. Замостьѣ — она тоже успѣхомъ похвастаться не могла.

Съ января мѣсяца появилось небольшое Товарищество артистовъ, подъ управленіемъ г. Лаврова; составлено оно недурно, играло сносно и на успѣхъ жаловаться не могло. Играла оно въ Грубешовѣ, Замостьѣ и Томашевѣ Люблинской губерніи. Пьесы большей частью выбирались по силамъ и исполнялись дружно: „Соколы и вороны“, „Свадьба Кречипскаго“, „Ахъ мужчины, мужчины“, „Какъ куръ во-щи“, „Супружеское счастье“, „Оболтусы-вѣтрогоны“, „Кто въ лѣсъ, кто по дрова“ и водевили съ пѣніемъ. Въ Товариществѣ были г-жи Немирона, Маревичъ, Скваронская и др. гг. Кучинскій, Чагинъ, Линскій, Лавровъ, Дарьяловъ, Райскій и другіе. Выработано было на рубль 70 коп.

Изъ этого видно, что въ Привислянскомъ краѣ въ каждомъ, даже съ шеститысячнымъ населеніемъ городкѣ можетъ съ успѣхомъ давать спектакли русская труппа; нужно только, чтобы она была составлена умѣло, и вела репертуаръ по силамъ. Города расположены такъ близко одинъ отъ другаго, что переѣздъ на лошадяхъ обходится всей труппѣ (человѣкъ въ 12) отъ 10 до 15 р. Вездѣ есть русская интеллигентная публика изъ служащихъ въ правительственныхъ учрежденіяхъ и значительнаго числа офицеровъ расквартированныхъ повсюду войскъ (иногда по три полка). Всѣ они рады пріѣзду русской труппы, всячески стараются поддерживать мало-мальски порядочную труппу, помочь ей, распространяя билеты, предоставляя, если не без-

возмездно, то за ничтожную плату имѣющееся театральное помѣщеніе, афиши и проч. Нѣтъ только дѣльной труппы, вполне стоящей на высотѣ призванія русскаго театрального дѣла въ Привислянскомъ краѣ.

Изъ чешской Праги. (Отъ нашего корреспондента). Съ большимъ интересомъ я прочелъ въ 10 № „Театральной Библиотеки“ передѣлку фарса „Ledenácte príkázání“, принадлежащаго чешскому писателю Ф. Шамберку. (Въ передѣлкѣ напечатана по ошибкѣ фамилія автора Шамбертъ.) Хотя у насъ пьеса принята критикой довольно холодно, я считаю передѣлку этой пьесы за очень симпатичный шагъ впередъ къ литературному сближенію русскаго и чешскаго народа, и съ этой точки зрѣнія радуюсь такому явленію. Отъ пьесы, конечно, нельзя требовать большихъ литературныхъ достоинствъ, такъ какъ вся дѣятельность Шамберка отличается только однимъ направленіемъ: угодить прежде всего вкусу широкихъ массъ народа. И это ему хорошо удается во всѣхъ его многочисленныхъ пьесахъ, благодаря его недюжинному юмору, съ которымъ онъ схватываетъ комическія картинки нашей народной, будничной жизни. Изъ всѣхъ чешскихъ писателей этого рода единственно Шамберкъ умѣетъ воспроизводить народную жизнь съ такимъ живымъ комизмомъ, такъ что имя его славится вездѣ, гдѣ существуетъ чешскій театръ, и пьесы его не сходятъ почти съ репертуара. Многія изъ нихъ проникли даже на сцену Національнаго театра, хотя авторъ самъ не придаетъ имъ большого литературнаго значенія. Къ нимъ принадлежитъ и пьеса, о которой я хочу сказать здѣсь нѣсколько словъ и которую г. И. И. Мясницкій назвалъ въ передѣлкѣ „Не лги“!

Положеніе г. Мясницкаго было очень невыгодно, такъ какъ онъ долженъ былъ передѣлать одну изъ главныхъ ролей (Кривыхъ, въ оригиналѣ Реска, или русскими буквами Пецка), какъ типъ въ Россіи совсѣмъ не существующій. Типъ этотъ и въ оригиналѣ смахиваетъ больше на карикатуру, но все-таки существуетъ въ нашей народной жизни. Въ передѣлкѣ г. Мясницкаго-Кривыхъ кажется, какъ бы лицомъ придуманнымъ нарочно для фарса, чтобы смѣшить зрителей. Кромѣ того во второмъ дѣйствіи г. Мясницкій должевъ былъ пропустить нѣсколько явленій, въ которыхъ Кривыхъ своимъ комизмомъ оживляетъ діалогъ между Аркадьевымъ и Платоновымъ. Это все отразилось очень невыгодно на передѣлкѣ. У насъ роль Кривыхъ (Реска) считается главной и отъ нея зависитъ, главнымъ образомъ, успѣхъ пьесы. Конечно, у насъ много значить и игра маститаго нашего комика г. Мошны, который создалъ прототипъ этой роли и которому подражаютъ всѣ остальные исполнители ея.

Въ другихъ роляхъ г. Мясницкій держался довольно строго оригинала, — отступленіе же сдѣлалъ въ роли Простоквашина, который является у него какъ литераторъ съ „разбитой походкой“, а въ

оригиналѣ (Befánek) представленъ какъ учитель гимназій, разсѣянный, забывчивый и боящійся женщинъ. И этотъ типъ у насъ существуетъ въ дѣйствительности, хотя опъ тоже похожъ на карикатуру. Другія отступленія отъ оригинала уже не такъ важны. Отраднымъ явленіемъ намъ кажется то, что русскій авторъ имѣлъ подъ руками чешскій оригиналъ, а не взялъ для передѣлки нѣмецкаго перевода, какъ это сдѣлалъ, напримѣръ итальянскій переводчикъ этой-же пьесы. Желательно, чтобы авторъ не ограничился только этой передѣлкой и приступилъ къ переводу болѣе цѣнныхъ нашихъ пьесъ.

Въ прошлой, то-есть 21-й книгѣ „Артиста“ я прочелъ въ „Заграничной хроникѣ“ извѣстіе, что на здѣшнемъ нѣмецкомъ національномъ театрѣ шла опера г. Чайковскаго „Евгеній Онѣгинъ“. Извѣстіе это невѣрно. Нѣмцы не имѣютъ въ Прагѣ вообще никакого національнаго театра. У нихъ здѣсь земскій театръ (Landes-Theater), который получаетъ большую субсидію изъ земскихъ средствъ. Такъ какъ земская управа имѣетъ право надзора надъ этимъ театромъ, то нѣмцы не могли устраивать здѣсь никакихъ демонстративныхъ торжествъ противъ Чеховъ. Это послужило имъ поводомъ къ постройкѣ „Новаго нѣмецкаго театра“ (Neues Deutsches Theater), который долженъ былъ бы конкурировать съ чешскимъ національнымъ театромъ. Поэтому Чехи называютъ его въ насмѣшку „троп-театромъ“ (Troz-Theater). Обатеатра имѣютъ только одну труппу, которая играетъ поочередно въ старомъ и новомъ театрѣ. Чтобы играли въ одинъ день въ обоихъ театрахъ случается очень рѣдко. И вотъ ни на одномъ изъ этихъ театровъ не шла до сихъ поръ ни одна изъ оперъ г. Чайковскаго. Упомянутое извѣстіе относилось къ чешскому національному театру, гдѣ „Евгеній Онѣгинъ“ не сходитъ до сихъ поръ съ репертуара, и, навѣрно, долго еще на немъ удержится, такъ какъ музыка г. Чайковскаго нигдѣ за границей нешла такихъ ревностныхъ цѣнителей, какъ у насъ.

Вамъ уже извѣстно, какимъ образомъ прошло у насъ торжество 300 лѣтней годовщины рожденія Коменскаго. Національный театръ принялъ въ немъ тоже жиное участіе. На торжественномъ представленіи исполнялись: діалогъ изъ сочиненія Коменскаго „Scholaludus“ и пьеса Пелишка „Коменскій, вѣщецъ народа“, написанная къ этому случаю. Кромѣ того, представлена была живая картина „Коменскій учитъ народы“ и исполнена была увертюра Дворжака „Гуситская“.

Въ домѣ художниковъ и артистовъ „Рудолфинъ“ прошелъ весьма успѣшно концертъ г. Рубинштейна, въ которомъ маститый піанистъ и композиторъ сыгралъ свою фантазію C-dur, sarcise gusse и цѣлый рядъ отдѣльныхъ сольныхъ пьесъ. Въ концертѣ участвовали оркестры чешскаго и нѣмецкаго театра. Національный театръ по этому поводу возобновилъ постановку „Демона“.

Н. Ш.

Библиографія.

Н. К. Михайловскій. *Литература и жизнь. Письма о разныхъ разностяхъ.* С.-Пет. 1892 г. Новая книга талантливаго публициста и критика составлена изъ ряда статей, печатавшихся въ „Рус. Вѣд.“ за 1890 и 1891 гг. подъ общимъ заглавіемъ „Письма о разныхъ разностяхъ“ и изъ нѣсколькихъ статей, напечатанныхъ въ „Русской Мысли“ за 1891 г. подъ заглавіемъ „Литература и Жизнь“. Въ книгу не вошли только статьи объ Иванѣ Грозномъ. Этимъ статьямъ авторъ, какъ говоритъ онъ самъ въ предисловіи, рассчитываетъ впоследствии дать другую обработку. Изъ перечня вошедшихъ въ сборникъ статей особенно отмѣтимъ: „о Крейцеровой сонатѣ“, „о воспитаніи и наслѣдственности“ и прекрасныя воспоминанія автора о недавно умершихъ Г. З. Елисеѣвѣ и Н. В. Шелгуновѣ. Такъ какъ статьи г. Михайловскаго, ихъ характеръ и значеніе извѣстны всей читающей публикѣ, то мы находимъ возможнымъ ограничиться этимъ короткимъ сообщеніемъ о выходѣ книги въ свѣтъ. Книга издана прекрасно и стоитъ, несмотря на то, что въ ней 25 листовъ убористой печати, всего одинъ рубль.

П. М. Невѣжинъ. *Изъ жизни мелкихъ людей. Юмористическіе очерки.* М. 1892 г. Г. Невѣжинъ—драматургъ. Книга, заглавіе которой мы выписали, насколько намъ извѣстно, первый беллетристическій сборникъ г. Невѣжина. Это объясняетъ насъ къ извѣстной снисходительности къ автору. Онъ—не беллетристъ и поэтому, конечно, многого съ него требовать нельзя. Онъ многого и не даетъ. Рядъ сценокъ и картинокъ, съ фотографическою точностью списанныхъ съ природы, связанныхъ между собой одной общей мыслью—вотъ и все, что вы найдете въ данной книжкѣ. Если можно возражать противъ цѣлесообразности такого чисто фотографическаго приема, которымъ авторъ въ своихъ очеркахъ часто даже злоупотребляетъ, то едва-ли можно спорить противъ общей идеи автора. Идея эта сводится къ тому, что мелкие люди еще очень грубы и не развиты, и что мелкимъ людямъ приходится очень часто и совершенно безцѣльно терпѣть крупныя неприятели. Мысль далеко не новая, но, во всякомъ случаѣ, безспорная. Напрасно авторъ указываетъ въ предисловіи, что его книжка есть результатъ „многочѣтныхъ наблюденій“. Для того чтобы написать такіе очерки, изъ которыхъ составлена названная книга, „многочѣтнія наблюденія“ вовсе не требуются. Вообще, нужно сказать, что предисловіе автора много вредитъ общему впечатлѣнію, производимому книгой. Предисловіе это какъ бы желаетъ придать книгѣ извѣстное общественное значеніе. Между тѣмъ, слѣдующіе за предисловіемъ очерки такого значенія не имѣютъ. Они и не могутъ его имѣть, такъ какъ тѣ непогѣя явленія общественной жизни, которыя обрисованы въ нихъ авторомъ, схвачены чисто внѣшнимъ образомъ, только констатированы, не больше. Книга издана на сѣрой бумагѣ, довольно небрежно и стоитъ, несоответственно размѣрамъ—рубль.

Д. Мережковскій. *Символы. (Пьесы и поэмы.)* СПб. 1892 г. Эта книга представляетъ изъ себя сборникъ послѣднихъ произведеній талантливаго поэта. Мы ограничимся здѣсь только библиографическимъ указаніемъ.—Въ данный сборникъ вошли: „Вѣра“, печатавшаяся на страницахъ „Русской

Мысли“. „Возвращеніе къ природѣ“ („Сильвіо“), появившееся впервые въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“, „Конецъ вѣка“—изъ сборника въ пользу голодающихъ; „Семейная идиллія“—изъ „Русской Мысли“ и друг. Изъ не большихъ произведеній очень поэтичны „Термы Каракаллы“ и, особенно, „Волны“.

И. Н. Потапенко. *Повѣсти и рассказы Т. III и IV, изданіе Ф. Павленкова СЛБ. 1892.* О первыхъ двухъ книжкахъ повѣстей и рассказовъ талантливаго молодого писателя мы дали своевременно отзывъ. Теперь вышли изъ печати новыя двѣ книжки, въ которыхъ собраны произведенія, большей частью помѣщавшіяся въ повременныхъ издавіяхъ за послѣднее время. Кое-что присоединено изъ книжки „Въ деревнѣ“, изданной г. Потапенко на югѣ. Лучшими вещами въ настоящихъ двухъ книжкахъ являются, безспорно, — „Генеральская дочь“—исторія школьной учительницы и „Шестеро“, изъ міра сельскаго духовенства, прекрасно изображаемаго г. Потапенко. Объ этихъ двухъ вещахъ, при появленіи ихъ въ журналахъ, говорилось довольно много. Ограничимся общимъ замѣчаніемъ. Симпатичность замысла, спокойный юморъ и талантъ г. Потапенко особенно рельефно выдвинулись въ этихъ двухъ произведеніяхъ, чѣмъ и объясняется главнымъ образомъ ихъ значительный успѣхъ.

Ф. В. Дуэльсгоуэрсъ-Дэри. *Основы новой методы измѣренія силы звука.* Ц. 72 коп. (Grundlage einer neuer Methode der Schallstärkemessung von F. V. Dwelshauvers-Dery. Leipzig. 1891).—Со времени знаменитато открытія Гельмгольца, что тембръ звука зависитъ отъ количества содержащихся въ немъ призвуковъ (оберъ-тоновъ), музыкальная физика заботится о выработкѣ цѣлесообразнѣйшей новой методы для изслѣдованія тембровъ и анализа звуковъ. Упомянутая брошюра—диссертация на докторскую степень, трактуетъ о современномъ состояніи теоріи и практики по этому предмету.

Онъ-же. „Cavalleria rusticana“ и значеніе ея для Германіи. 2-е изд. (Id. — Die Cavalleria ructicana und ihre Bedeutung für Deutschland. Zweite Auflage. Leipzig. 1892). Нѣсколько дѣльныхъ замѣчаній о музыкальныхъ и эстетическихъ промахахъ надѣлавшей столько шуму оперѣ Маскани; возвращеніе панегирической брошюркѣ Пудора, о которой уже данъ былъ отзывъ въ № 19 „Артиста“.

І. Колеръ. *Девять афоризмовъ.* Ц. 72 к. (Neun Aphorismen v. Iosef Kohler. Mannheim). Рядъ короткихъ, сжатыхъ статейкъ о различныхъ художникахъ и произведеніяхъ искусства всѣхъ временъ. Два „афоризма“ о музыкѣ: относительно Рахарда Вагнера и b-moll'наго скерцо Шопена. Авторъ совершенно справедливо смотритъ на музыкальную драму Вагнера, какъ на мистерию, воскрешеніе рода искусства, забытаго со времени среднихъ вѣковъ: „слово Вагнера невольно требуетъ крыльевъ гармоніи и ритма, чтобы не ослабѣть при полетѣ черезъ области мистическихъ высотъ“. Объясненіе скерцо b-moll, op. 31, борьбою въ душѣ художника двухъ идеаловъ, Венеры и Мадонны, изложено въ формѣ, недостаточно легкой и поэтической для лицъ, незнакомыхъ съ композиціей; таковъ уже недостатокъ всѣхъ подобныхъ программъ.—Вообще брошюрка заурядная, хотя и живая.

Адольфъ Ногутъ. „Изъ волшебной страны Полигимнии“. Музыкальныя исторіи и разговоры. Ц. 3 р. 60 к. (Aus dem Zauberlande Polyhymnias. Musikalische Geschichten und Plaudereien v. dr. Adolph Kohut. Berlin. 1892). Книга имѣетъ анекдотическій интересъ. Цѣль автора передать нѣсколько интересныхъ въ біографическомъ или художественномъ отношеніи черточекъ изъ жизни композиторовъ, либреттистовъ и виртуозовъ; авторъ предупреждаетъ, что книга его исторически точна и достоверна. Въ книгѣ много подробностей чисто фельетоннаго характера: таковы главы, посвященные веселымъ происшествіямъ изъ жизни музыкантовъ, приемамъ ихъ работы, капризамъ примадоннъ, сыновнимъ и супружескимъ отношеніямъ композиторовъ и т. п. Но есть нѣчто и интересное въ смыслѣ новаго біографическаго матеріала. Сообщено нѣсколько неизвѣстныхъ доселѣ фактовъ изъ жизни Вагнера (съ письмами его); съ любопытствомъ читается замѣтка объ отношеніяхъ Вагнера и Шумана, заинтересовавшагося „Тапгейзеромъ“, но писавшаго по поводу музыкальныхъ теорій Вагнера: „въ выраженіи *музыка будущаго* кроется противорѣчіе; если мы будемъ писать для будущаго, то настоящее не будетъ слушать насъ; произведеніе будущаго есть мастерское произведеніе въ настоящемъ“. Въ очеркѣ „Новое о Паганини“ авторъ старается очистить біографію великаго виртуоза отъ легендарнаго элемента; онъ доказываетъ, что Паганини никогда изъ ревности не убивалъ своей жены и не терпѣлъ за это двухлѣтней ссылки на галеры; въ интересахъ разсчитливаго итальянца было поддерживать подобные слухи о „сатанинской мощи его темперамента“.—Книга написана довольно литературно.

— Въ изданіи П. Неффа (Paul Neff) въ Штутгартѣ вышелъ составленный д-ромъ Любке и проф. Лютцовымъ роскошный атласъ памятниковъ искусства (Denkmäler der Kunst) въ 36 выпускахъ. Это великолѣпное изданіе большого формата включаетъ въ себѣ на 203 листахъ 2.400 изображеній выдающихся произведеній архитектуры, скульптуры и живописи всѣхъ временъ и народовъ. Большая часть расунковъ исполнена красками. Между прочимъ, 120 изображеній въ первый разъ являются достояніемъ публики. Нѣкоторыя изъ нихъ знакомятъ съ научными сокровищами, добытыми въ послѣднее время археологомъ Шлиманомъ, другія представляютъ результаты новѣйшихъ раскопокъ въ Египтѣ, третьи воспроизводятъ художниковъ эпохи Возрожденія или современныхъ. Такимъ образомъ, атласъ этотъ является прекраснымъ пособіемъ для всѣхъ интересующихся вышеназванными родами искусства.

Новыя пьесы.

Билетъ на бенефисъ такого-то антега шутка въ 1 д., соч. Р. Ч—а. Сынъ хочетъ заставить своихъ родителей купить ему билетъ на бенефисъ любимаго актера и для этого отравляется шоколадными спичками.—Такова канва этой шутки. По этой канвѣ расшить узору: какой-то сумасшедшій отецъ, какая-то сумасшедшая мать и, наконецъ, какой-то сумасшедшій нисатель, который все ищетъ сюжетовъ и сценъ для своихъ пьесъ. Можетъ быть, со сцены это и очень смѣшно, но при чтеніи производитъ прямо удручающее впечатлѣніе. Дѣлается грустно и тяжело. Грустно не за зрителя, которому, можетъ быть, придется когда-нибудь просмотрѣть такую „шутку“, а грустно за автора, который потратилъ извѣстное количество времени на столь непродводительную работу. Зачѣмъ онъ написалъ такую

„шутку“? Что онъ хотѣлъ ею сказать? Надъ чѣмъ онъ хотѣлъ посмѣяться? Вѣдь нельзя-же работать совсѣмъ безъ цѣли! Къ сожалѣнію, всѣ эти вопросы о таятся безъ отвѣта...

Легкая нажива, др. въ 4 д., В. Великанова. Уголовно-нравоучительная драма г. Великанова взята изъ народнаго быта. Но народнаго въ ней одна обстановка дѣйствующихъ лицъ говорятъ или языкомъ сѣпока г. Лейкина или языкомъ уличныхъ уголовныхъ романовъ. На сценѣ—удушеніе; за сценой еще два убійства. Драма заканчивается самоубійствомъ. Каждый актъ занятъ судебнымъ слѣдствіемъ, еще разъ повторяющимъ то, что было извѣстно изъ первыхъ двухъ актовъ. Сюжетъ самый кровавый: кузнецъ убиваетъ богатаго еврея изъ-за 900 рублей и душитъ свою дочь, думая, что душитъ дочь еврея. На сценѣ есть еще сумасшествіе. Дѣйствія снабжены подзаголовками: „въ могилу вмѣсто вѣнца“, „собакъ—собачья и смерть и т. д. Къ сожалѣнію, въ драмѣ гораздо больше ужасовъ, чѣмъ правды и даже смысла.

День да ночь—сутки прочь, др. въ 4 д., А. Б. (Сюжетъ заимствованъ). Дѣйствіе происходитъ въ ссудной кассѣ. Старикъ-закладчикъ, больной, разсудительный, подозрительный недавно женился на молодой, красивой женщинѣ. Онъ любитъ ее со всей страстью запоздалой любви, она-же только и ждетъ его смерти. Ревнивый и тяжелый характеромъ старикъ „загубилъ“, какъ она выражается „я молодой вѣкъ“. Къ тому-же она „безумно и страстно“ влюблена въ нѣкоего Колю. Этотъ Коля, въ свою очередь, влюбленъ въ одну безупречную дѣвицу. Жену закладчика Коля обираетъ, а безупречной дѣвицѣ ежеминутно объясняется въ любви. Столь сложная интрига осложняется еще рядомъ уголовныхъ преступленій. Жена закладчика сначала поддѣлываетъ векселя отъ имени мужа, потомъ душитъ своего тирана. Коля учитываетъ эти подложные векселя, кромѣ того, онъ косвенно содѣйствуетъ и убійству. Драма кончается при участіи судебныхъ властей, причемъ, какъ это и всегда водится въ такихъ драмахъ, къ моменту развязки всѣ дѣйствующія лица дѣлаются удивительно благородными. Коля объявляетъ властямъ, что во всемъ виноватъ онъ одинъ; жена закладчика не желаетъ уступить ему въ великодушій и всю вину приписываетъ на себя. Власти арестуютъ обоихъ, а безупречная дѣвица „ломаетъ руки“ и „съ страданіями опускается на стулъ“. Сюжетъ, говоритъ намъ авторъ, заимствованъ. Откуда? Объ этомъ авторъ умалчиваетъ. Едва-ли мы ошибемся, если заподозримъ заимствование изъ какого-нибудь бульварнаго уголовного романа во вкусѣ Габоріо. Каждое дѣйствіе снабжено подзаголовкомъ: „очертя голову“, „въ тенетахъ“, „бездна“. Все сказанное довольно ясно опредѣляетъ къ какому роду творчества слѣдуетъ причислить названную „драму“.

Дѣло при закрытыхъ дверяхъ, ком. въ 1 д., соч. Бахонова. Это—не только не комедія, но даже и не водевилъ, потому что нѣтъ главнѣйшихъ условій водевиля: легкости и непринужденнаго веселья. А для комедіи названная вещица слишкомъ ничтожна по содержанію: какой-то докторъ, очень застѣнчивый по натурѣ, хочетъ попросить въ долгъ денегъ у нѣкоего помѣщика. Для этого докторъ начинаетъ каждый день вѣздить въ домъ и дѣлаетъ рядъ подарковъ самому помѣщику, его жепѣ, его дочери. Доктора принимаютъ за жениха. Когда наступаетъ рѣшительный моментъ и докторъ, наконецъ, приступаетъ къ своей щекотливой просьбѣ, помѣщикъ торжественно заявляетъ: „я согла-

сень!“ Докторъ разсыпается въ благодарностяхъ. Выводятъ дочь и чуть-ли не приступаютъ къ обрученію. „Но я женатъ!“ восклицаетъ докторъ. Общее недоумѣніе, которое разъясняется, благодаря вмѣшательству третьяго лица. Почему пьеска называется: „При закрытыхъ дверяхъ“, это—тайна автора. Вещь скомпанована авторомъ крайне неумѣло, изобилуетъ длиннотами, написана очень тяжелымъ языкомъ. На сценѣ она должна идти не менѣе часу. Остроты, въ изобилии рассыпаны во всей пьесѣ, очень плоски и едва-ли доставятъ удовольствіе даже невыскательной публикѣ.

Антоній и Клеопатра, *Фарсъ въ 1 д., соч. П. Карч—на и М. Жи—на.* Клеопатра—сестра чиновника, перерѣлая дѣвица, а Антоній—цирко-

вый гимнастъ, бывшій шарманщикъ. Они любили другъ друга, но соединились узами брака благодаря цѣлому ряду случайностей. Эти случайности выведены очень весело и, вѣроятно, со сцены будутъ смѣшить. Слѣдовало бы только сократить всю первую половину фарса до 8-го явленія.

Шалунья, *монологъ въ 1 д., соч. Жимна.* Одна изъ многочисленныхъ варьяцій на тему „Она его ждетъ“ и „Я—большан“. Хороша-ли она или плоха—сказать трудно. Здѣсь все зависитъ отъ того, хорошая или плохая артистка возьмется за чтеніе. Чего-нибудь сколько-нибудь интереснаго, что выдѣляло бы этотъ монологъ изъ сотни ему подобныхъ, въ „Шалуньѣ“ нѣтъ.

Х р о н и к а.

Москва.

Изъ оперной труппы *Большаго театра* вышли: г-жи Каратаева и Дворецъ; гг. Медвѣдевъ и Майборода переведены въ Петербургъ. Вновь приняты въ оперную труппу: сопрано: г-жа Маркова (драматическое), Эберль (лирическое), Ильинская (колоратурное), Данильченко, Зыбина, Шубина и Соколова; меццо-сопрано г-жа Караффа; теноръ г. Клементьевъ, баритонъ г. Соколовъ и басы гг. Мировъ и Цвѣтковъ. Осенью будетъ дебютировать, вѣроятно, въ роли Фидель, въ оперѣ „Іоаннъ Лейденскій“, меццо-сопрано г-жа Лебедева.

Балетмейстеръ московскаго Большаго театра г. Мендесъ переведенъ въ варшавскій балетъ.

Гг. Ильинскій и Анчаровъ Эльстонъ приняты на сцену *Малаго театра.*

Театръ въ домѣ г. Нѣмчинова на Поварской снятъ Обществомъ Искусства и Литературы. Въ немъ будутъ ставиться спектакли и происходить собранія членовъ. Публичные же спектакли будутъ ставиться или по прежнему въ театрѣ Нѣмецкаго Клуба или же въ новомъ помѣщеніи Охотничьяго Клуба въ д. Шереметьева на Воздвиженкѣ въ бывшемъ помѣщеніи городской Думы.

31 мая, происходилъ торжественный годичный актъ *московской консерваторіи.* Около 2-хъ часовъ дня, въ актовомъ залѣ, въ присутствіи директора консерваторіи В. И. Сафонова, директоровъ московскаго отдѣленія русскаго музыкальнаго Общества, профессоровъ, преподавателей, воспитанниковъ и воспитанницъ консерваторіи и посторонней публики, проф. Н. Д. Кашкинъ прочиталъ годичный отчетъ: Въ первомъ полугодіи учебнаго 1891—92 г. учащихся въ консерваторіи состояло 390, вольныхъ слушателей 6. Во второмъ полугодіи учащихся было 373, вольнослушающихъ 6. Въ числѣ учащихся въ первомъ полугодіи было стипендіатовъ 57 и на испытаніи 54. Во второмъ полугодіи къ означеннымъ стипендіатамъ прибавилось еще 10, учрежденныхъ на капиталъ, завѣщанный тайн. сов. И. И. Масловымъ. На испытаніи во второмъ полугодіи состояло 43. По произведеннымъ испытаніямъ признаны окончившими полный курсъ и удостоены дипломомъ на званіе свободнаго художника 19 человекъ: по классу свободнаго сочиненія А. С. Арнскаго—Рахманиновъ Сергѣй, Конюсъ Левъ и Морозовъ Никита; по классу пѣвья проф. Е. А. Лавровской—Барсова Елена, Пономарева Елена, Соколова Надежда;

по классу флейты проф. В. В. Кречмана—Ямикъ Николай; по классу гобоя Ф. В. Ландгера—Шнейдеръ Соломонъ; по классу фагота проф. И. В. Кристеля—Вейдебергъ Эдуардъ; по классу фортепіано проф. П. А. Пабста—Мальковская Юлія, Юонъ Эмилиа, Максимовъ Леонидъ; по классу фортепіано проф. В. И. Сафонова—Голенкина Варвара, Якобсонъ Луиза, Скрибинъ Александръ; по классу фортепіано проф. П. Ю. Шлепера—Ермолаева Антонина, Розенблюмъ Софья, Эпштейнъ Софья и Стариковъ Соломонъ. Двое изъ окончившихъ курсъ въ прошломъ году по спеціальнымъ предметамъ сдали въ настоящее время дополнительные экзамены по обязательнымъ предметамъ. Удостоены аттестата: по педагогическому отдѣленію класса фортепіанной игры проф. П. А. Пабста—2; по классу проф. Н. Е. Шишкина—2. Три ученицы спеціальнаго отдѣленія класса фортепіано П. А. Пабста признаны окончившими курсъ по педагогическому отдѣленію. Окончили курсъ съ правомъ на полученіе аттестата по спеціальному предмету: по классу скрипки проф. И. В. Гржимали—1 и по классу фортепіано проф. В. И. Сафонова—1. Окончили курсъ по спеціальному, но остаются до окончанія предметовъ обязательныхъ: по классу пѣвья проф. Е. А. Лавровской—1, по классу пѣвья проф. Э. О. Тальябуэ—2. По педагогическому отдѣленію класса фортепіано проф. П. А. Пабста окончили курсъ по спеціальному предмету—2 и по педагогическому отдѣленію класса фортепіано проф. Н. Е. Шишкина—3. Удостоены медалей: большой золотой Рахманиновъ Сергѣй; малой золотой Левинъ Іосифъ, Максимовъ Леонидъ и Скрибинъ Александръ; большой серебряной Барсова Елена, Вейдебергъ Эдуардъ и Конюсъ Левъ, и малой серебряной—Ермолаева Антонина, Ямикъ Николай и Чижевскій Евгений. По прочтеніи отчета и раздачѣ дипломовъ, присутствующіе приглашены были въ концертный залъ для ознакомленія съ успѣхами окончившихъ курсъ въ пѣвьи и игрѣ на разныхъ музыкальныхъ инструментахъ и съ оркестромъ и хоромъ учащихся. Тремя изъ нумеровъ были отрывки изъ экзотической оперы „Алеко“. Изъ оперы г. Л. Конюса было исполнено инструментальное введеніе и первый хоръ. Этотъ номеръ полонъ жизни, движенія и прекрасно звучитъ въ голосахъ и оркестрѣ. Изъ оперы г. Н. Морозова было исполнено оркестровое интермеццо, рисующее картину тихой лунной ночи, и романсъ молодого цыгана, поющійся за сценой.

Интермеццо очень удачно выражает данное настроеніе ночной тишины и отлично инструментовано. Романсъ былъ спѣтъ г. В. Островскимъ съ большимъ вкусомъ. Изъ оперы г. С. Рахманинова исполнялось также интермеццо, очень сильно написанное. Изъ трехъ экзаменныхъ оперъ сочиненіе г. Рахманинова наиболее замѣчательно, и вѣроятно его „Алеко“ появится на оперной сценѣ. На актѣ всѣхъ эффектиѣ была представлена опера г. Конюса; его отрывокъ наиболее интересенъ изъ всѣхъ трехъ. Все остальное въ музыкальной части акта состояло изъ вокальных и инструментальныхъ соло, среди которыхъ особенно выдѣлился своей феноменальной виртуозностью пѣвистъ г. Левинъ, которому несомнѣнно предстоитъ блестящее артистическое будущее. Инструменталисты были вообще хороши. Первый опытъ сочетанія годичнаго акта съ музыкальнымъ исполненіемъ окончившихъ курсъ оказался весьма удачнымъ. Къ экзамену по композиціи учениками представлены были на данный либретто три русскія одноактныя оперы. Авторы оперъ: гг. Рахманиновъ, Конюсъ и Морозовъ. Заглавіе либретто—„Алеко“; сюжетъ заимствованъ изъ поэмы Пушкина и передѣланъ Вл. И. Немировичемъ-Давченко. Оперы написаны чрезвычайно талантливо, такъ что есть надежда увидѣть и услышать ихъ въ сценическомъ исполненіи, что было-бы весьма желательно.

Изъ окончившихъ курсъ басъ г. Цвѣтковъ и сопрано г-жа Соколова приняты въ нашъ Большой театръ, сопрано г-жа Барсова и теноръ г. Серебряковъ приняты въ прямишниковскую оперу; кромѣ того принята въ Большой театръ г-жа Данильченко, являете окончившая курсъ консерваторіи.

— Последняя новинка въ театрѣ сада *Эрмитажъ*, оперетка „Бродяга“ Карла Целлера, прошла съ успѣхомъ. Красиво и эффектно написаны финалы пераго дѣйствія и нѣсколько мѣстъ втораго акта. Бѣденъ по музыкѣ третій актъ. Больше талантливо обрисованы роли цыганки Дирсы и мнимаго бродяги Казимира, въ которыхъ очень недурны г-жа Рюбаль и г. Шиллингъ. Фабула либретто (авторы его гг. Вестъ и Гельдъ) въ подлинникѣ имѣетъ нѣкоторый тенденціозный характеръ; въ русской же передѣлкѣ г. Арбенина она значительно измѣнена. Въ русскомъ либретто дѣйствіе перенесено въ Венгрію и Польшу (въ окрестности Варшавы). Жители города Пешта, недовольные ихъ начальникомъ Яномъ, составляютъ заговоръ, чтобы его убить, и выбираютъ для исполненія двухъ бродягъ, Казимира и Маріана. Эти бродяги являются главными героями пьесы; въ вихъ влюбляются племянница Яна, Марицца, и цыганка Дирса, слышущая за ворожею. Послѣ приключеній разнаго рода и забавнаго суда надъ пойманвыми бродягами, все кончается для послѣднихъ вполне благополучно. Оказывается, что Казимиръ и Маріанъ — не бродяги, а честные люди знатнаго происхожденія; первый—сынъ начальника города, второй — сынъ графини Поточкой и счастливый наслѣдникъ ея богатствъ. Послѣ этого Янъ прощаетъ мнимыхъ бродягъ и женить Казимира на Дирсѣ, а Маріана—на своей племянницѣ. Въ пьесѣ много вставныхъ комическихъ сценъ, которыя даютъ исполнителямъ поводъ срывать апплодисменты. Въ послѣднемъ дѣйствіи г. Леонидовъ прекрасно танцовалъ мазурку, а г. Арбенинъ исполнялъ новые злободневные куплеты.

Режиссеръ сада „Эрмитажъ“ г. Арбенинъ оставилъ службу въ этомъ саду и уѣхалъ въ Одессу. Г. Парадизъ окончательо отказался отъ сада „Эрмитажъ“ и ни онъ, ни опереточная труппа его въ Москву не ѣдутъ. Главная причина отказа—контрактъ г. Парадиза съ г. Грековымъ.

Послѣ отказа М. В. Лентовскаго отъ завѣдыванія сценой „Эрмитажа“, этотъ, когда-то такъ любимый публикою, театръ, сталъ быстро падать. Новая администрація не сумѣла ни поддержать интересъ публики къ театру, ни пригласить болѣе полную и лучшую труппу. Сборы стали быстро падать, затѣмъ произошла задержка въ уплатѣ жалованья артистамъ и служащимъ и садъ въ настоящее время закрытъ.

Театръ *Скоморохъ*, выстроенный г. Черепановымъ въ Сокольникахъ, на дачѣ бывшей Моргунова, одноэтажный съ 20 ложами и обширнымъ партеромъ. Одна сторона его, какъ и въ театрѣ Омощъ, открыта. Входной вестибюль сада рѣзной работы; противъ самаго входа, на мѣстѣ, разбитомъ для цвѣточной клумбы,—мраморный бюстъ П. Островскаго. За бюстомъ эстрада для оркестра. На открытіе собралось не особенно много публики. Пьеса Островскаго „Сонъ на Волгѣ“ разыграна въ театрѣ довольно старательно.

— Наиболее солидный успѣхъ среди всѣхъ лѣтнихъ развлеченій нынѣшняго сезона достается на долю *Фантази*.

— „Братъ Дьявола“ новая обстановка феерія, шла на сценѣ *театра Фантази* 1 июня. Сюжетъ фееріи почти тождественъ съ содержаниемъ либретто оперы „Фра-Дьяволо“; даже нѣкоторые музыкальные номера заимствованы изъ этой же оперы. Декорации работы петербургскаго декоратора Гобе, и костюмы сдѣланы красиво. Очень интересенъ балетъ въ 3-мъ дѣйствіи—„Сонъ Церлины“, въ которомъ въ четвертой фантастической картинѣ участвуютъ одновременно три балерины: г-жи Черри, Сарси и Крысинская. Съ успѣхомъ прошла и пьеса „Черезъ край“, шедшая на открытой сценѣ.

— Кромѣ феерій и балетовъ въ закрытомъ театрѣ началась постановка опереттъ и первая — шла оперетта-фарсъ Лекока „Чайный цвѣтокъ“. Исполнена оперетта дружно и весело; изъ исполнителей выдѣлялись г-жа Стройнова въ роли „Кисъ-Кисъ“. Г. Боронскій, г-жа Гринева и гг. Рудинскій и Херсонскій способствовали общему ансамблю. Поставленный въ заключеніе одноактный балетъ „Крестьянская Свадьба“—исполненъ съ оживленіемъ.

— Спектакли, устраиваемые въ с. *Богородскомъ*; привлекаютъ много публики. 31 мая шла комедія „Наслѣдство золотопромышленника“, въ которой особенно шумный успѣхъ выпалъ на долю г. Ильинскаго, исполнявшаго роль Павла Клечкова. 4-го іюня шла „Горе Злосчастью“, съ участіемъ г. Ильинскаго. Особенный успѣхъ выпалъ на долю г. Ильинскаго (Рожновъ), г. Неволина (Горошкинъ), г-жи Паниной (Рожнова).

Драма Н. С. Лѣскова—„Расточитель“ привлекла почти полный театръ. Г. Ильинскому публика устроила овацію. Въ поставленномъ послѣ драмы одноактномъ водевилѣ „Школьная пара“ имѣлъ успѣхъ г. Чинаровъ.

Въ предпоследній спектакль съ участіемъ г. Ильинскаго была поставлена драма „Джекъ“ и дала полный сборъ. Затѣмъ состоялся прощальный бенефисъ г. Ильинскаго. Бенефициантъ выбралъ драму „Сидоркино дѣло“, въ которой онъ исполнилъ роль Сидорки.

Въ томъ же театрѣ выступилъ г. Роцинь-Инсаровъ, въ пьесѣ „Любовь и предрасудокъ“.

Въ нынѣшній лѣтній сезонъ на *Филлахъ* пріютилась постоянная драматическая труппа, давшая уже 6 спектаклей. Труппа составлена подъ управленіемъ провинціального актера г. Тамарина. Въ труппѣ участвуютъ г-жи Свинтицкая и Святотополь-Мирская, гг. Тамаринъ и Урюмовъ.

Первый спектакль состоялся 24-го мая. Поставлены были: комедия „Виновна, но заслуживает снисхождения“ М. Карнѣева и водевилъ: „На ловца и звѣрь бѣжитъ“. 25-го мая тамъ же дана была комедия „Теплые ребята“.

14-го июня состоялся спектакль, собравшій довольно многочисленную публику. Шла двухактная комедия „Супружеское счастье“. Разыграна была пьеса живо. Въ заключеніе былъ данъ дивертисментъ, по окончаніи котораго состоялись обычные танцы.

Спектакли въ Царицынѣ, устраиваемые г. Людвиговымъ, продолжаютъ привлекать публику, какъ дачную, такъ и московскую.

11-го июня былъ данъ спектакль съ участіемъ г-жъ Мартыновой и Поповой-Азотовой и гг. Людвигова и Сашипа. Были исполнены: трехактная комедія Мельвилля „Любовь и предразсудокъ“, шутка въ 1 д. „Медвѣдь“ и водевилъ „Она его ждетъ“. Спектакль привлекъ много публики и прошелъ живо.

31-го мая, на сценѣ 17-тиаго театра въ Русковѣ состоялся первый спектакль Товарищества артистовъ съ участіемъ г-жи Потоцкой, выступившей въ роли Шубиной въ комедіи „Надо разводиться“. Пьеса прошла съ большимъ ансамблемъ съ участіемъ гг. Варравина, Абраменко, Бѣжина, и г-жи Рябовой. Публики было очень много. Съ участіемъ въ послѣдній разъ г-жи Потоцкой шла драма „Медовый мѣсяцъ“. Г-жа Потоцкая, игравшая роль Саша, имѣла выдающійся успѣхъ. Исполненные г. Богатыревымъ въ заключеніе спектакля нѣсколько русскихъ пѣсень вызвали массу апплодисментовъ.

„Свадьба Кречинскаго“, поставленная 11 июня, дала, благодаря участію г. Киселевскаго, прекрасный сборъ.

14-го июня былъ данъ спектакль съ участіемъ г-жи Рыбчинской. Имя артистки привлекло въ театръ много публики. Шла пьеса „Роковой шагъ“.

Перово. Предполагавшіеся спектакли драматическаго Товарищества изъ бывшихъ учениковъ филармоническаго Общества не осуществились, и театръ г. Пастухова данъ любителямъ, во главѣ которыхъ стоитъ г. Тоназовъ. Было поставлено „Супружеское счастье“ и водевилъ „Изъ огня да въ полымя“. Исполненіе любителями обихъ пьесъ было слабо. 15-го июня была поставлена шутка „Трагикъ по неволѣ“ и водевилъ „Тайна женщины“.

3-го июня, на сценѣ Общаго офицерскаго собранія на Ходынскомъ полѣ состоялся второй спектакль труппы русскихъ драматическихъ артистовъ. Былъ поставленъ двухъ-актный фарсъ „Въ погоню за Прекрасной Еленой“. Въ заключеніе былъ поставленъ третій актъ „Аскольдовой могилы“ съ г. Богатыревымъ. 10-го июня третій спектакль, сошелъ удачно. Поставлена была пьеса П. Д. Ленскаго: „Кто въ лѣсъ, кто по дрова“.

Послѣдовало распоряженіе, въ силу котораго всѣ представленія на сценахъ театровъ и садовыхъ эстрадъ должны оканчиваться къ 12½ час. ночи. Распоряженіе это распространяется не только на театры и сады, но и загородные рестораны, имѣющіе сцены.

Новая одноактная опера „Голконда“ — П. И. Чайковскаго въ скоромъ времени появится въ печати у П. И. Юргенсона. Фортепианное переложеніе (съ пѣніемъ) сдѣлано С. И. Тагѣевымъ.

С.-Петербургъ.

Дирекція Императорскихъ театровъ издала первый томъ „Архива казенныхъ театровъ“, обнимающій эпоху съ основанія театровъ до 1802 г. Въ „Архивѣ“ находимъ любопытныя свѣдѣнія о преж-

нихъ монтировахъ оперъ и пьесъ, списокъ ихъ, списки актеровъ и гонорары имъ, приказы дирекции и т. п.

Въ будущемъ сезонѣ предполагается слѣдующій порядокъ „возобновленій“ въ Маріинскомъ театрѣ по составленному на зиму репертуару. Въ сентябрѣ возобновляется „Лоэнгрипъ“ Вагнера и ставится, съ новой обстановкой, „Евгеній Онѣгинъ“ — г. Чайковскаго, въ октябрѣ возобновляется „Риголетто“ — Верди, въ ноябрѣ, съ новой обстановкой, по случаю юбилея, идетъ „Русланъ и Людмила“, въ декабрѣ — впервые идетъ новая опера-феерія „Млада“ — г. Римскаго-Корсакова и, наконецъ, въ январѣ возобновляется „Жидовка“ — Галеви.

По слухамъ при возобновленіи „Руслана“ въ будущемъ ноябрѣ будутъ возстановлены нѣкоторые номера оперы, безошадно пропускавшіеся на прежнихъ ея представленіяхъ. Такъ пойдетъ разсказъ головы и почти полностью 1-я картина 5-го дѣйствія, обыкновенно ограничиваемая одной аріей Ратмира. Затѣмъ все 5-е дѣйствіе, какъ и остальные, будетъ монтировано заново, тогда какъ при новой постановкѣ, сдѣланной года четыре назадъ, для него почему-то было сдѣлано исключеніе. Въ такомъ видѣ опера явится, наконецъ, черезъ пятьдесятъ лѣтъ послѣ купюръ, сдѣланныхъ въ „Русланѣ“ при первой постановкѣ въ 1842 году графомъ Вельегорскимъ.

Въ „Эсклармондѣ“ Массене заглавная роль, пѣтая г-жей Сандерсонъ, передана г-жѣ Сонки.

Новыя декорации къ возобновляемой оперѣ „Евгеній Онѣгинъ“, П. И. Чайковскаго, обѣщаютъ быть еще красивѣе прежнихъ. Пишутъ ихъ гг. Шишковъ, Бочаровъ, Андреевъ и Ивановъ. Художникъ г. Повомаревъ сдѣлалъ новые эскизы рисунковъ для костюмовъ, которые изготовляются въ мастерскихъ дирекціи. Mise en scène оперы сохраняется прежняя, но еще тщательнѣе, въ смыслѣ выдержанности стиля и характера постановки.

Г-жа Медея Фигнеръ и г. Фигнеръ, по слухамъ, для перваго выхода въ будущемъ сезонѣ выступятъ въ роляхъ Хозе и Карменъ въ оперѣ „Карменъ“ — Бизе. Микаэллу будетъ пѣть г-жа Михайлова, а тореадора — г. Черновъ.

„Гугеноты“, кажется, единственная опера въ репертуарѣ нашего Маріинскаго театра, въ которой на всѣ роли имѣются, наконецъ, дублиеры. Такъ Валентину Рауля, кромѣ гг. Фигнеръ, будутъ пѣть г-жа Ольгина и г. Михайловъ, королеву г-жи Мравина и Михайлова, нажа г-жи Славина и Рунге, Невера г. Яковлевъ и Черновъ, Марселя г. Корякинъ и Серебряковъ, Сень-Бри — г. Стравинскій и Фрей и т. д.

Пріемъ новыхъ хористовъ на вакансіи въ хоръ русской оперы будетъ производиться въ августѣ.

Инцидентъ съ „Корделіей“, говорятъ, улаженъ и заглавную партію въ будущемъ сезонѣ будетъ пѣть г-жа Сонки. Можно только порадоваться, что опера русскаго композитора остается въ репертуарѣ.

Дирекціей принятъ новый баритонъ г. Ильинъ, который, по слухамъ, уже въ будущемъ сезонѣ выступитъ на сценѣ.

Слухи о возобновленіи съ будущаго года въ теченіе Великаго поста казенной итальянской оперы въ Маріинскомъ театрѣ подтверждаются. Говорятъ, что прозектъ этотъ существовалъ еще отъносительно истекшаго поста, но не могъ быть почему-то приведенъ въ исполненіе. Режиссеромъ называютъ г. Корсова, а капельмейстеромъ г. Дриго. Съ возрожденіемъ итальянской оперы прекратятся совсѣмъ гастроли иностранныхъ артистовъ въ теченіе сезона въ русской оперѣ.

Въ будущемъ сезонѣ балетные спектакли будутъ даваться въ Маринскомъ театрѣ еженедѣльно по воскресеньямъ и черезъ недѣлю по средамъ. Главнымъ балетмейстеромъ остается г. М. Петипа. Вторыми балетмейстерами будутъ г. Л. Ивановъ и Чекетти. Режиссеромъ г. Лангаммеръ и капельмейстерами гг. Дриго и Панковъ. Первой балериной пригласена г-жа Антоніетта Дель-Эра; кромѣ того балеринами будутъ г-жи Горшенкова 1-я и Никитина. Первыми сюжетами мужскаго персонала остаются гг. Л. Ивановъ, Кшесинскій 1-й Гердтъ, Чекетти, Бекефи, Стуколкинъ, Литавкинъ. Репертуаръ составятъ балеты: „Дочь Фараона“, „Царь Кандавлъ“, „Зорайя“, „Эсмеральда“, „Сильфида“, „Коппелія“, „Калькабрино“, „Спящая красавица“, „Приказъ короля“, „Фіаметта“, „Весталка“ и „Гарлемскій тюльпанъ“. Въ 1-й разъ будутъ поставлены балеты въ 2 д. „Шиповникъ“ и „Жемчужина“.

Въ будущемъ сезонѣ, за выслугою лѣтъ покидаютъ сцену наша русская балерина г-жа Горшенкова 1-я и одна изъ солистокъ г-жа Оголейтъ 1-я. Балерина г-жа Никитина въ будущемъ сезонѣ также покидаетъ сцену Маринскаго театра. Говорятъ, что въ замѣнъ г-жъ Горшенковой и Никитиной будутъ готовы молодые, обратившихъ на себя вниманіе своимъ дарованіемъ, солистокъ г-жъ Андерсонъ и М. Ф. Кшесинскую 2-ю.

Въ Александринскомъ театрѣ 1-го декабря, въ память исполняющагося столѣтія со дня смерти фонъ-Визина, будетъ возобновлена комедія „Недоросль“ съ лучшими силами труппы. Изъ классическаго репертуара, въ началѣ сезона возобновляется „Ромео и Юлія“ съ г-жей Савиной и г. Апполонскимъ въ заглавныхъ роляхъ.

Дебютировавшая 27 апрѣля, въ роли Вѣры Михайловны Шубиной, въ пьесѣ „Надо разводиться“, г-жа Тираспольская оказалась актрисой, какихъ очень много. Объ исполненіи г-жей Тираспольской этой роли мы уже говорили въ № 2 „Дневника Артиста“. Приемъ г-жи Тираспольской въ труппу нашихъ казенныхъ театровъ не состоится.

12-го апрѣля, въ трагедіи г. Шпажвинскаго „Чародѣйка“ дебютировала г-жа Недвѣцкая, артистка, знакомая Петербургу по участію въ спектакляхъ частныхъ сценъ. Г-жа Недвѣцкая исполнила роль княгини Евпраксіи. Дебютантка обнаружила хорошую читку, темпераментъ, и нѣкоторыя сцены провела съ увлеченіемъ и простотою. Въ общемъ г-жа Недвѣцкая имѣла успѣхъ.

Въ драмѣ „Ольга Ранцева“ дебютировалъ въ роли Никанора Ранцева г. Скуратовъ. Опъ удачно справился съ новою для него ролью, игралъ весьма прилично и имѣлъ успѣхъ.

Г-жа Микѣшина дебютировала въ гоголевской „Женитьбѣ“, въ роли Агафьи Тихоновны. Молодая артистка роль провела неровно, но проявила дарованіе. Роль ея изучена добросовѣстно и безъ подражанія другимъ исполнительницамъ.

Въ драмѣ „Въ неравной борьбѣ“ въ роли Маріи Степановны дебютировала г-жа Кузьмина и имѣла нѣкоторый успѣхъ. Г-жа Кузьмина подвигалась въ теченіе многихъ лѣтъ на клубныхъ сценахъ. Въ роли Маріи Степановны г-жа Кузьмина обнаружила добросовѣстное отношеніе. Просто естественно, безъ излишней аффектаціи и дѣланья эффектовъ, съ обычнымъ тактомъ провела она свою роль.

Комедія „Волки и овцы“ была поставлена 20-го апрѣля, для дебюта г-жи Уваровой. Дебютантка не дала полного облика Мурзавецкой, но, во всякомъ случаѣ, сыграла роль прилично.

Артистка М. Г. Савина появится въ красносельскихъ спектакляхъ, въ одномъ изъ первыхъ.

Спектакли эти начнутся 4-го или 5-го іюля подъ режиссерствомъ г. Федорова-Юрковскаго. Одной изъ первыхъ пьесъ пойдетъ „Семейная революція“, фарсъ въ 3 д. гг. Крюковскаго и Н. Въ нынѣшнемъ сезонѣ исполнится тридцатипятилѣтіе красносельскихъ спектаклей.

Въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій театральнаго-литературнаго комитета одобрена къ представленію па сценѣ Императорскихъ театровъ комедія въ 1 д. „Авторъ“, А. А. Плещеева.

Въ конторѣ Императорскихъ театровъ на лѣтнее время установлены для чиновниковъ льготы, т. е. свободные отъ занятій дни по понедѣльникамъ. Возвращеніе изъ отпуска г. управляющаго конторой ожидается, по слухамъ, лишь къ началу сезона Красносельскаго казеннаго театра.

С.-Петербургская консерваторія объявляетъ, что желающіе поступить въ число ея учениковъ подають до 20-го августа прошенія на имя директора, на простой бумагѣ, и заявляютъ въ нихъ, какой, именно, изъ главныхъ предметовъ они избирають для спеціальнаго изученія. Лица отъ 17-ти лѣтняго возраста должны прилагать свою фотографическую карточку. Лица іудейскаго закона, кромѣ документовъ, обязаны представить свидѣтельство отъ канцеляріи с.-петербургскаго градоначальника о дозволеніи имъ проживать въ столицѣ. Подавшіе означенныя прошенія обязаны явиться на пріемные экзамены: 25-го августа, къ 10 часамъ утра—на экзаменъ элементарной теории, для опредѣленія степени общаго музыкальнаго развитія и подготовокъ; затѣмъ 26-го августа, въ 10 часовъ утра—ва экзаменъ по игрѣ на фортепьяно и на органѣ; 27-го августа, въ 10 часовъ утра—на экзаменъ по спеціальной теории (въ теоретическіе классы лица, не владѣющія русскимъ языкомъ, не приписываются) и оркестровому отдѣлу и въ тотъ же день, въ 1 часть дня—по пѣвнью; 28-го августа, въ 10 часовъ утра—по научнымъ предметамъ. Въ день пріемнаго экзамена, экзаменующіеся вносятъ три рубля вступительныхъ денегъ, которые въ случаѣ неудачи экзаменовъ возврату не подлежатъ, а выдержавшимъ успѣшно въ плату за обученіе не засчитываются. Ученики консерваторіи и вольнослушатели вносятъ за ученіе по 200 руб. въ годъ къ 1-му сентября. Принимаемые бесплатно въ спеціальныя классы или поступающіе въ приготовительное отдѣленіе игры на фортепьяно, въ классы, находящіяся въ завѣдываніи учащихся педагогическаго отдѣла, приплачиваютъ за право посѣщенія остальныхъ классовъ 100 руб. За посѣщеніе научныхъ классовъ взимается, со всѣхъ безъ исключенія, отдѣльно, 25 руб. въ годъ. На учебный 1892—93 годъ открываются нижеслѣдующія вакансіи, на условіяхъ доплаты изъ средствъ учащихся только 25 р. въ годъ за научныя классы: 1 по классу игры на контрабасѣ, 1 по классу флейты, 1 по классу фагота, 1 по классу трубы, 1 по классу тромбона и 1 по классу волторпы. Подробныя условія пріема въ С.-Петербургскую консерваторію и извлеченія изъ правилъ консерваторіи изложены въ особой брошюрѣ, которую можно получить у швейцара консерваторіи (Театральная ул., зданіе министерства внутреннихъ дѣлъ, № 3) по 10 к. за экземпляръ.

Съ 1892—93 учебнаго года морское вѣдомство учреждаетъ девять новыхъ стипендій при С.-Петербургской консерваторіи Императорскаго русскаго музыкальнаго Общества. Всѣ стипендіаты, по окончаніи курса, должны будутъ прослужить въ хорахъ морскаго вѣдомства шесть лѣтъ.

31-го мая, консерваторскіе экзамены закончились публичнымъ актомъ, происходившимъ, какъ обыкновенно, въ Михайловскомъ дворцѣ.

По фортепьянной игрѣ обратили на себя вниманіе г-жи Деуель (ученица профессора Штейна), Нашатырь (ученица профессора Фаль Арка), отличной техникой и изяществомъ передачи и г-жа Марксона (ученица г-жи Малоземовой), какъ одаренная вкусомъ пианистка. Пианистъ г. Николаевъ, извѣстный въ консерваторіи, какъ весьма даровитый и прекрасный ученикъ, игралъ два фортепьянныхъ пюмера.

Симпатично исполнила г-жа Саламатива (ученица профессора Цванцигера) сцену Маргариты изъ оперы „Фаустъ“ Гуно, выказавъ темпераментъ и сценической голось. Г-жа Фриде (ученица профессора Ирецкой) вполнѣ артистически исполнила арию изъ оперы „Аида“ Верди.

Другая ученица г-жи Ирецкой, г-жа Жеребцова, тепло и со вкусомъ исполнила нѣсколько романсовъ.

Изъ мужскаго вокальнаго персонала хорошее впечатлѣніе произвели: теноръ г. Рѣзуновъ (ученикъ профессора Габела) и г. Гулевичъ (ученикъ того-же профессора).

Конкурсною темою была кантата для солистовъ, хора и оркестра на текстъ стихотворенія г. К. Фофанова „Саулъ“. Кантатами оканчивающихъ курсъ теориковъ композиторовъ, — учениковъ профессора Югансена — г. Сорокина, Алуна и профессора Соловьева — г-жи Михайловской, гг. Лабинскаго и Некрасова, каждый изъ авторовъ лично дирижировалъ своимъ произведеніемъ. Допущены были къ публичному исполненію лишь кантаты гг. Алуна, Лабинскаго и Некрасова. Кантата г. Некрасова выдѣлилась, изъ всѣхъ трехъ, какъ по талаптивности своего музыкальнаго содержанія въ творческомъ смыслѣ, такъ и по вполнѣ выдержанному характеру и стилю всей кантаты. Солистами въ кантатѣ были контральто г-жа Лобода, теноръ г. Рѣзуновъ и басъ г. Чистяковъ. Оркестровое сопровожденіе исполнялись оркестромъ русскаго музыкальнаго Общества, въ составѣ около 35 музыкантовъ; хоръ состоялъ изъ хористовъ Императорской русской оперы.

Въ оркестровомъ отдѣлѣ находилось 137 учениковъ и 13 ученицъ; въ отдѣлѣ пѣнія 14 учениковъ и 66 ученицъ; въ отдѣлѣ игры на фортепьяно 34 ученика и 228 ученицъ; на органѣ 11 учениковъ и 1 ученица; теоріи обучалось 36 учениковъ и 7 ученицъ. Установленную плату вносили 434 лица и бесплатно училось 113 лицъ. Въ числѣ 434 платныхъ лицъ находилось 147 стипендіатовъ. Въ личномъ составѣ консерваторіи съ 1-го сентября: на мѣсто профессора Чези, оставившаго свою педагогическую дѣятельность въ консерваторіи, приглашенъ г. Вейсъ. Оставившій въ прошломъ году консерваторію г. Вейкманъ замѣненъ г. Рѣзвцовымъ. За уходомъ преподавателя игры на фортепьяно г. Шишкина ученики его зачислены въ классы другихъ преподавателей. Обученіе совмѣстной игрѣ на фортепьяно, находившееся въ завѣдываніи А. Г. Рубинштейна, поручено профессорамъ высшихъ курсовъ каждому по его классу. Въ теченіе курса состоялось 20 музыкальныхъ вечеровъ учащихся, оперное представленіе въ Александринскомъ театрѣ, гдѣ былъ исполненъ „Тайный Бракъ“ Чимарозы, и въ залѣ Кредитнаго Общества дано два концерта учащихся подъ управленіемъ г. Галкина. 1-го января исполнено 25 лѣтъ дѣятельности въ консерваторіи профессора Югансена, управляющаго нынѣ должность директора. Согласно заявленію К. К. Шредера, ежегодно жертвующаго рояль своей фабрики, художественный совѣтъ присудилъ въ нынѣшнемъ году рояль г. Николаеву, какъ болѣе достойному.

Выдачи диплома на званіе свободнаго художника удостоились слѣдующія лица: Гг. Лабинскій и Некрасовъ (по кл. теоріи композиціи Н. О. Соловьева), г-жа Саламатина (по кл. пѣнія г-жи Цванцигеръ), г. Федоровъ (по кл. пѣнія г. Самуся) и г-жи Децель, Риттъ, Нашатырь, Кугузова, Лаймингъ, Маркова, Шузелъ и гг. Николаевъ, Штейнъ и Фельдъ (по классамъ фортепьянной игры гг. Штейна, фонъ-Арка и г-жи Малоземовой).

Переустройство Большаго театра подвигается впередъ. Разломка зданія будетъ закончена не позднѣе осени текущаго года.

По словамъ парижскихъ газетъ, артистъ театра „Gymnase“, г. Поль Плашъ ангажированъ въ Петербургъ на Михайловскую сцену.

Н. А. Римскій-Корсаковъ передѣлалъ свою оперу „Псковитяка“, и вповѣ инструментовалъ ее. Опера сокращена въ три акта вмѣсто прежнихъ четырехъ. Партитура уже печатается фирмой „В. Бессель и К^о“ въ Петербургѣ. Та же фирма издаетъ оперу П. И. Бларамберга „Тупинца“.

Вышло изъ печати новое, счетомъ 112-е, произведеніе г. Антона Рубинштейна — его духовная опера „Моисей“. Вся опера состоитъ изъ восьми музыкальныхъ картинъ, близко придержающихся въ своемъ текстѣ Ветхаго Завета и охватывающихъ всю жизнь Моисея, начиная отъ его рожденія и до чудеснаго исчезновенія. Вся опера разчитана на два вечера, по четыре картины въ вечеръ, для чего обьемъ половинамъ „Моисея“ придана извѣстная законченность.

16 по 20 мая происходили публичные экзамены въ Петербургской музыкальной школѣ.

Преобладающій въ ней элементъ, пианистки. Экзаменующія были раздѣлены на четыре группы: младшій и средній курсы, высшій, и оканчивающія свой курсъ, сообразно ихъ музыкальной подготовкѣ и успѣхамъ, оказаннымъ учащимися въ теченіе учебнаго года. Фортепьянные классы находятся въ завѣдываніи гг. Лютша, Боровки, Виссендорфа и др.

Особеннымъ многолюдствомъ отличался публичный экзаменъ вокальнаго класса г-жи Генингъ-Вильде, состоявшійся 20 мая.

Ученицы г-жи Генингъ-Вильде были также подраздѣлены на группы. Общее впечатлѣніе, внесенное изъ экзаменовъ было благоприятное.

31-го мая, въ Крестовскомъ театрѣ была поставлена г. Аграмовымъ въ переводѣ Н. К. драма Зудермана — „Честь“, обошедшая всѣ европейскіе театры. Драма эта была поставлена въ крестовскомъ театрѣ роскошно, разыграна безукоризненно и имѣла большой успѣхъ; публика слѣдила съ возрастающимъ вниманіемъ за ходомъ пьесы. Изъ исполнительницъ въ особенности отличались г-жи Строева-Сокольская (въ роли Леоноры) и Воронина (въ роли Альмы), а изъ исполнителей г. Шуваловъ, умно и съ большимъ чувствомъ передавшій трудную роль брата обольщенной Альмы. Хорошъ былъ г. Смирновъ въ небольшой роли фабриканта Мюлинга. Въ постановкѣ и репетовкѣ пьесы видѣнъ опытный режиссеръ. По окончаніи пьесы г. Аграмовъ былъ единодушно вызванъ. Пьеса смотрится легко и съ живымъ интересомъ.

Четырехъактная комедія шутка И. Д. Павлова и А. И. С. „На порогѣ великихъ событій“ и передѣлка г. Манфельда „Въ строю и за фронтомъ“, поставленная на сценѣ Крестовскаго сада, успѣха не имѣла и вызвали весьма рѣзкія статьи въ петербургской прессѣ.

Ив. П. Киселевскій будетъ гастролировать въ загородныхъ здѣшнихъ театрахъ все лѣто.

2 июня въ театрѣ „Озерни“ вновь открыло свою дѣятельность оперное Товарищество подъ управленіемъ г. Аюнасьева. Для перваго спектакля была поставлена опера „Фра-Дьяволо“ Обера. Роли лорда Кокбурга исполнилъ г. Бестрихъ, Памеллы г-жа Дьяконова и Джіакомо г. Лавровъ г-жа Квадри пѣла Церлину, гг. Аюнасьевъ Фра-Дьяволо, Арсеневъ Лоренцо, Лавровъ Джіакомо, Ваць Белпо. Оперой дирижировалъ г. Александровъ.

Въ Озерковскомъ театрѣ, въ драмѣ Зудермана—„Часть“ въ роли графа Троста, выступилъ артистъ Императорскихъ театровъ г. Киселевскій. Его встрѣтили дружными аплодисментами. Пьеса Зудермана прошла съ очень большимъ успѣхомъ. Чувствовалось добросовѣстное отношеніе къ дѣлу, знаніе ролей и порядочная срепетовка. Изъ исполнителей, кромѣ гастролера, имѣли наибольшій успѣхъ г. Муравлевъ-Свирскій, горячо передавшій трудную роль Роберта. Очень недурно провела роль старика Хейпеке г. Артуровъ. Изъ женскаго персонала, хороши были г-жи Яблочкина и Григорьева. Первая сердечно провела роль матери Роберта; вторая — съ глубокимъ чувствомъ передала роль Леоноры.

11-го іюня, на сценѣ театра „Эрмитажъ“ выступилъ въ комедіи г. Степановъ. До сихъ поръ г. Степановъ былъ извѣстенъ только какъ опереточный артистъ. Дебютантъ появился въ роли Жоржа Дорси въ „Губернерѣ“, которая нашла въ немъ прекраснаго исполнителя.

12-го іюня дебютировалъ г. Скуратовъ въ комедіи „Вѣтрогоны-ободтусы“, въ которой онъ исполнилъ роль Троши.

Частныя драматическія сцены Петербурга пока пользовались московскими новинками. Дирекція „Эрмитажъ“ въ погонѣ за новинками поспѣшила показать публикѣ новую „петербургскую“ пьесу гг. Карра и Скавронскаго — „Баррикады супружества“. Фарсъ петербургскихъ авторовъ оказывается далеко не удачнымъ произведеніемъ. Авторы дали простой наборъ самыхъ первобытныхъ, наивныхъ, иногда просто грубыхъ „комическихъ эффектовъ“. Фарсъ успѣха не имѣлъ.

Въ составъ русской опереточной группы „Аркадіи“ входятъ г-жи Радина, Глинская-Фалькманъ Дюроше, Вальцева, Александрова, Наре, Розонова, и гг. Долинъ, Степановъ, Брветти-Ленскій, Масловъ (режиссеръ), Фатѣевъ. Въ составъ французской опереточной группы входятъ г-жи Соле, Демуръ, Валетъ, Лардинуа, Маркель, Демилль и гг. Эро (баритонъ), д'Артуа (теноръ), Мураторъ, Р. Гюнцбургъ, Стефанъ, Гривель и Дюмипиль.

Опера буффъ „Le fils de Rajah“ шла, сезона три тому назадъ, на сценѣ парижскаго театра Мешо-Плезиръ, подъ названіемъ „La belle Sophie“. По либретто своему она удачнѣе многихъ современныхъ произведеній этого жанра. Написанная весело, отличающаяся сценическимъ движеніемъ, она представляется вещью хотя и не высокаго качества, но забавною и типичною въ своемъ родѣ. Сюжетъ сводится къ тому, что лѣтъ за 25 до начала дѣйствія какой-то индѣйскій раджи, будучи въ Европѣ, съумѣлъ въ самый день свадьбы предупредить новобрачнаго въ его супружескихъ правахъ. Результатомъ были два близнеца бравые французскіе моряки Мариусъ и Мишель. Одного изъ нихъ, Мариуса, раджи считаетъ за сына и хочетъ сдѣлать своимъ наследникомъ; но признаніе его сыномъ раджи совершается въ самый день его свадьбы съ любимой имъ дѣвицей Розеттою, между тѣмъ, для того, чтобы сдѣлаться

раджеею, ему необходимо жениться на индускѣ Нарискѣ, влюбившейся въ Мишеля. Въ концѣ концовъ сыномъ раджи оказывается и Мишель и все, какъ водится, оканчивается въ третьемъ актѣ, благополучно. Музыка опереты, написанная Эдмондомъ Мисса, мелодична и весела.

„Орфей въ аду“ г. Гюнцбургъ постарался представить лучшими силами своей труппы и не поспешилъ на хорошую mise en scéne, какъ въ отпущеніи красивыхъ декорацій, такъ и изящныхъ костюмовъ; оперетка прошла очень бойко и живо.

Г. Гюнцбургъ поставилъ на „Аркадійской сценѣ“ попури изъ шансонетокъ, гривуазныхъ куплетовъ, всевозможныхъ и невозможныхъ qui pro quo, подъ однимъ общимъ названіемъ оперетты-фарса „Свадьба на масляницѣ“. Музыка къ ней составлена изъ различныхъ отрывковъ. Содержаніе этого фарса, представляющаго собою „водевиль съ переодѣваніемъ“, растянутый на три акта, очень старо, и состоитъ изъ всевозможныхъ испытаній водевильнаго героя Шверо (г. Эро), претерпѣваемыми имъ въ первый день своей женитьбы, по милости покинутой имъ гризетки Беренисъ (г-жа Соле), и, въ концѣ концовъ, заканчивающимися вполне благополучно. Новинка, повидимому, понравилась публикѣ.

Для дебюта своего г-жа Декроза выбрала роль Терезы въ опереткѣ Одрана „Стрекоза и Муравей“, шедшей лѣтъ 5 тому назадъ въ русскомъ переводѣ. Г-жа Декроза оказалась тонкою „diseuse“, какъ нельзя болѣе подходящею для исполненія ролей такъ называемаго „жапра Жюдикъ“.

Вторую ролью, въ которой выступила, въ „Аркадіи“, г-жа Декроза, была Маскотта.

Г-жа Декроза очень понравилась публикѣ въ своей третьей роли „Прекрасной Елены“, оставалась въ ней сдержанной и вполне приличной сначала до конца.

Послѣдняя оперета Делингера „Брачная клятва“, написана на сюжетъ одной извѣстной французской пьесы, который сводится къ тому, какъ двое молодыхъ людей неожиданно и противъ своего желанія должны были жениться на двухъ воспитанницахъ Сень-Сира, какъ это имъ сперва было неприятно и какъ за симъ они оба влюбились въ своихъ супругъ поневоле. Обиліе мелодическихъ, бойкихъ, въ память легко западающихъ мотивовъ, нѣсколько благодарныхъ номеровъ пѣнія для умѣющихъ пѣть, нѣсколько благодарныхъ ролей для актеровъ, довольно удачный сценаріумъ — дѣлаютъ то, что „Брачная клятва“ смотрится и слушается не безъ удовольствія. Въ главныхъ роляхъ выступили г-жи Глинская-Фалькманъ и Нора. гг. Долинъ и Степановъ.

Вѣнская оперетта „Столичные донъ-жуаны“, впервые поставленная по русски въ театрѣ „Аркадіи“, представляла изъ себя въ сущности не оперетку, а такой-же „фарсъ съ музыкою“, какъ „Нинишъ“, „Лили“ и т. д.

Вокальныхъ номеровъ въ пьесѣ не особенно много, и сама музыка (почти сплошь одни вальсы), не отличаясь оригинальностью, слушается, тѣмъ не менѣе, очень легко.

Комикъ г. Степановъ оставилъ службу въ „Аркадіи“. Ему улачено 1.500 руб. неустойки.

Гг. Степановы во вновь отстроенномъ стрѣльнинскомъ театрѣ (по Волконскому шоссе) начали ставить по средамъ оперу, которая, судя по спектаклю 17-го іюня, собравшему очень много зрителей, пришлась по вкусу мѣстной публикѣ. Для перваго опернаго спектакля были выбраны 3-й актъ (у храма) изъ оперы „Лиды“ и сцена съ письмомъ изъ „Евгенія Онѣгина“, исполненная г-жею Кузюю (сопрано), г-жею Тимофеевой (контральто)

и гг. Ръзуповымъ (теноръ), Гулевичемъ (баритонъ) и Чистяковымъ (басъ).

Въ Стрѣльнинскомъ театрѣ давали комедію И. Л. Шеглова „Дачный мужъ“, разыгранную весьма дружно. Выдѣлялись г. Аткарскій и г-жа Щербакъ.

Въ труппу входятъ г-жи Иѣмова, Дорошинская, Щербакъ, Перфильева и гг. Скуратовъ, Аткарскій, Шатровъ, Девинъ и Ахматовъ.

Въ труппу г. Базарова входятъ г-жи Райдина, Погребова и гг. Владиміровъ, Левскій, Базаровъ и др.

Въ труппу ораніенбаумскаго театра входятъ г. Дарскій и г-жа Азагарова, г-жи Славичъ-Соловьева, Опѣгина, гг. Ивановъ, Волковъ-Семеновъ, Новиковъ и Стрекаловъ. Иваненко, Тихоміровъ и Весеневъ, г-жи Борзина, Лебедева.

5-го іюня состоялось открытіе спектаклей въ Удѣльномъ общественномъ собраніи. Антреприза въ нынѣшнемъ году взята г. Линовскимъ-Малиповскимъ. Для открытія была поставлена комедія В. Крылова—„Кому весело живется“. Въ составъ труппы входятъ: г-жи Карина, Кузьмина, Яблочкина и Аничкова, гг. Стрѣльскій, Никольскій, Незлобинъ и Самаровъ.

Въ Выборгскомъ саду для рабочихъ начинается представленіе драматическая труппа.

Антреприза приназначьяго клуба на будущій зимній сезонъ переходитъ къ г-жѣ Глѣбовой.

Г-жа Дарьялъ подписала контрактъ съ первымъ общественнымъ собраніемъ, въ которомъ она будетъ антрепререствовать будущей зимой. Говорятъ, что и сцена Благороднаго собранія также переходитъ въ ея руки.

12-го марта скончался декораторъ Императорскихъ театровъ Василій Васильевичъ *Васильевъ*, еще совсемъ молодой человѣкъ. Талантливый ученикъ академіи художествъ, онъ, вскорѣ по окончаніи курса, обратилъ на себя вниманіе администраціи Императорскихъ театровъ и былъ приглашенъ для исполненія декораций для сцены. Дебютировалъ В. В. въ „Пиковой дамѣ“. Дебютъ очень удался и въ прошломъ году талантливый декораторъ былъ зачисленъ въ штатъ.

Среди администраторовъ народныхъ гуляній за *Невской заставой*, въ виду успѣшности дѣлъ, возникла мысль объ устройствѣ тамъ постоянного театра. Рабочій людъ, отвыкая отъ пьянства, все болѣе и болѣе пріохочивается къ театральнымъ зрѣлищамъ, такъ умѣло устраиваемымъ нынѣшнимъ режиссеромъ г. Соколовскимъ.

Въ концѣ мая провинціальному артисту *Мих. Павл. Докучаеву* исполнилось пятидесятилѣтіе со дня вступленія его на служеніе искусству. Артистъ подвизается нынѣ въ народномъ театрѣ (за Фарфоровымъ заводомъ) „Невскаго Общества устройства народныхъ развлеченій“. Члены Общества, мѣстные фабриканты и артисты-товарищи чувствовали юбиляра при открытомъ занавѣсѣ прочтеніемъ адреса, поднесеніемъ хлѣба-соли и серебрянаго портсигара, наполненнаго полумперіалами и серебряными рублями. Со стороны публики юбиляръ былъ предметомъ овацій въ теченіе всего вечера. Онъ игралъ въ этотъ день Прохорыча въ комедіи „Женихъ изъ Ножевой линіи“.

13-го іюня, въ фойѣ Панаевского театра прои-

водились опыты съ любопытнымъ изобрѣтеніемъ въ области электро-механической передачи звуковъ. Изобрѣтеніемъ этимъ является инструментъ, названный *микрорадиофономъ*. Аппаратъ изобрѣтенъ лейтенантомъ американскаго флота, Джюни Беттини, итальянцемъ по происхожденію.

Въ сравненіи съ фонографомъ Эдиссона, аппаратъ Беттини далеко ушелъ впередъ и имѣетъ уже то преимущество, что позволяетъ слушать звуки безъ помощи приставки трубочекъ-аккумуляторовъ къ уху: звуки ясно и отчетливо раздаются въ залѣ. Лучше всего—какъ и въ фонографѣ—аппаратъ Беттини передаетъ человѣческую рѣчь и духовые инструменты; несовершеніе выходятъ звуки струнныхъ. Особенно хорошо аппаратъ повторяетъ игру корнета, гобоя, кларнета и окарина, вполне сохраняя тембръ присутствіи имъ.

Провинціальная хроника.

Капиталь ссудо-сберегательной кассы варшавскихъ казенныхъ театровъ достигъ крупной, сравнительно, цифры 128,912 рублей. Число участниковъ кассы въ настоящее время 631. Въ отчетномъ году выдано ссудъ, въ общемъ итогѣ, на сумму 254,585 руб. Названная касса существуетъ 11 лѣтъ. Во главѣ ея стоитъ вице-предсѣдатель варшавскихъ казенныхъ театровъ, г. Фоландъ.

Бывшій директоръ польскаго театра въ Петербургѣ г. Косцѣлецкій, сформировавъ небольшую труппу, отправился по Волгѣ. Посѣтивъ важнѣйшіе приволжскіе города, г. Косцѣлецкій намѣренъ отправиться въ Баку, а затѣмъ въ Тифлисъ, Кутаисъ и другія мѣста Кавказа.

Министерствомъ внутреннихъ дѣлъ утверждены уставы *Маріенбургскаго Общества пѣнія и музыки* и *Клейнъ-Фридрихсгофско-Грингофскаго латышскаго Общества пѣнія*.

Въ Липецкѣ 24 мая, въ курзалѣ минеральныхъ водъ открылись спектакли труппы русскихъ драматическихъ артистовъ подъ управленіемъ А. О. Лебедевой. Составъ труппы: г-жи Грановская на героическія роли, Незлобина (инженю), Байкалова (*grande-coquette*), Гегеръ-Глазунова (*grande dame*), Маріинская—комическая старуха, Болярская (вторая инженерю), Прозорова—(водевильная), Фридова, Максимова, Зиновьева—вторыя и третьи роли; гг. Орловъ-Симашко—комикъ резонеръ, Прозоровъ—(первый любовникъ), Бороздинъ (резонеръ), Шабельскій (простакъ), Строевъ (2-й любовникъ), Перовъ (характерныя роли), Панинъ, Антоновъ, Сперанскій—вторыя и третьи роли. Помощникъ режиссера г. Катанскій. Суфлеръ г. Фриде. Репертуаръ будетъ состоять преимущественно изъ легкой комедіи и оперетки. Спектакли предполагается давать три раза въ недѣлю.

„Рижскій Вѣстникъ“ сообщаетъ, что дирижеромъ въ *Маіоренгофѣ* приглашенъ г. П. Приллъ изъ Гамбурга.

Въ Ригѣ предполагается основать Музыкальное Общество по образцу столичныхъ.

Въ январѣ будущаго года исполнится 35 лѣтъ существованія въ Россіи армянскаго театра. Первый армянскій спектакль въ Россіи состоялся 28-го января 1858 года, въ Москвѣ, съ участіемъ студентовъ армянъ. По этому поводу, одинъ грузинскій археологъ готовитъ къ печати исторію армянскаго театра (1858—1893 г.). Къ ней будетъ приложенъ списокъ всѣхъ театральныхъ пьесъ на армянскомъ языкѣ, какъ переводныхъ, такъ и самостоятельныхъ.

Министерствомъ внутреннихъ дѣлъ утверждены уставы *Паулегнадскаго (Курляндской губерніи) латышскаго Общества пѣнія*.

По словамъ „Од. Вѣстн.“, историко-филологическій факультетъ Новороссійскаго университета по разсмотрѣніи произведеній, представленныхъ на соисканіе преміи И. Ю. Вучины, присудилъ половинную премію (250 р.) автору 5-актной драмы „Идеалистъ“.

Весьма печально, по словамъ „Новостей“, покончила свое существованіе странствовавшая по Россіи французская опереточная группа Букоръ и Шарле. Группа эта, разъѣзжавшая по провинціальнымъ городамъ Западнаго края, не имѣла успѣха и съ трудомъ добралась до Люблина, гдѣ всѣ артисты, съ своими директорами во главѣ, очутились безъ всякихъ средствъ къ существованію. Къ счастью, въ Люблинѣ нашлись добрые люди, которые доставили потерпѣвшимъ артистамъ возможность доѣхать до Варшавы, въ надеждѣ, что труппа найдетъ ангажементъ въ одномъ изъ мѣстныхъ театровъ. Надежды эти, однако, не оправдались; между варшавскими антрепренерами не нашлось ни одного, который рѣшился бы поддержать предпріятіе. И вотъ, за исключеніемъ двухъ артистокъ, пригрѣвшихся къ одному изъ варшавскихъ кафе-шантановъ, вся труппа очутилась въ безвыходномъ положеніи, и для того, чтобы добраться обратно во Францію, должна была обратиться къ помощи мѣстнаго французскаго консула.

Заграничная хроника.

Г-жа Дузе приняла ангажементъ на осевній сезонъ въ Америку. Г-жа Дузе получить за 30 представленій въ разныхъ городахъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ чистыми деньгами 150,000 долларовъ. Всѣ расходы по путешествію, постановкѣ спектаклей и проч. принимаетъ на себя антрепренеръ. Контрактъ артистки съ антрепренеромъ заключенъ въ Вѣнѣ.

Въ Америкѣ теперь концертируетъ русскій пианистъ Евгенийъ д'Альбертъ. Мѣстные газеты переполнены самыхъ восторженныхъ отзывовъ.

Знакомый петербуржцамъ баритонъ г. Кашманъ приглашенъ предстоящимъ лѣтомъ въ Байрейтъ для участія въ вагнеровскихъ операхъ „Тангейзеръ“ и „Парсифаль“. Это кажется первый случай участія итальянскаго артиста въ вагнеровскихъ фестиваляхъ. Г. Кашманъ пѣлъ зимній сезонъ на разныхъ сценахъ въ Италіи и Испаніи.

Дирекція королевскихъ театровъ въ Берлинѣ приступаетъ къ иллюстрированному изданію біографій выдающихся нѣмецкихъ актеровъ и актрисъ.

Въ берлинскомъ театрѣ Кролля, съ участіемъ г-жи Зембрихъ, состоялось первое представленіе новой оперы Брюлля „Золотой крестъ“. Опера, благодаря прекраснымъ легкимъ мелодіямъ, очень понравилась берлинцамъ и, вѣроятно, долго не сойдетъ съ репертуара театра Кролля.

30-го апрѣля (12-го мая) А. Гр. Рубинштейнъ дирижировалъ самъ, среди бурныхъ одобреній публики, его оперой „Маккавей“ на берлинскомъ театрѣ Кролля. По окончаніи спектакля, композиторъ былъ вызываемъ безчисленное множество разъ, причемъ оркестръ игралъ тушь.

Въ Берлинѣ, въ большой залъ военной академіи, состоялся ежегодный концертъ въ пользу Общества англійскихъ и американскихъ учительницъ. Въ концертѣ этомъ, устроенномъ проф. Клиндвортъ, принялъ, между прочимъ, участіе и г. Григоровичъ, ученикъ г. Безекирскаго, исполнившій, въ мѣстѣ съ г. Бюловымъ, знаменитую е-молліную бетховенскую сонату. Молодой скрипачъ привлекъ въ положительный восторгъ многочисленную публику задушевностью своей игры, рѣдкой нѣжностью тона и поразительнымъ совершенствомъ тех-

ники. Послѣ безчисленныхъ вызововъ г. Григоровичъ долженъ былъ исполнить сверхъ программы еще нѣсколько небольшихъ пьесъ для скрипки.

Въ Бордо, въ скоромъ времени, пойдетъ опера „Мазепа“; сюжетъ взятъ изъ поэмы Пушкина, музыку написала г-жа Гранваль.

Въ Бѣлградѣ торжественно праздновался двадцатипятилѣтній юбилей литературной дѣятельности сербскаго поэта Джорджевича, одного изъ немногихъ сербскихъ драматическихъ писателей. По случаю юбилея возобновлена была пьеса Джорджевича „Сабля королевича Марка“. Пьеса эта имѣетъ историческое значеніе: она была написана по случаю совершеннолѣтія короля Милана и имѣла цѣлью воодушевить молодого монарха къ великимъ подвигамъ на пользу родины.

„Gazetta di Venezia“ сообщаетъ, будто Элеонора Дузе рѣшилась по окончаніи своего теперешняго артистическаго „tournee“ окончательно распрощаться со сценой и поселиться въ Венеціи — любимомъ артистическомъ городѣ.

Въ Вѣнѣ, „символическое“ представленіе пьесы Метерлинка „L'Intruze“ запрещено мѣстной полиціей.

По случаю столѣтія со дня рожденія Бетховена, вѣнское „Общество друзей музыки“ (Gesellschaft der Musikfreunde) устраиваетъ конкурсъ на соисканіе преміи имени Бетховена, присужденіе которой состоится 16-декабря будущаго года. Премія эта, въ размѣрѣ одной тысячѣ австрійскихъ флориновъ, присуждается за лучшее произведеніе въ различныхъ отросяхъ композиціи, оперной, концертной и т. п. Рукописи должны быть доставлены Обществу не позже 1-го марта будущаго года, причемъ имена авторовъ должны быть посланы въ запечатанныхъ копвертахъ, съ обозначенными на нихъ девизами.

Пианистъ Евгенийъ д'Альбертъ сочинилъ симфонию (f-dur), которая недавно исполнялась въ Гамбургѣ, подъ управленіемъ Ганса Бюлова. Симфонія имѣла большіи успѣхъ и нѣмецкая критика констатируетъ за авторомъ ея необыкновенный творческій талантъ. Композиція не лишена оригинальности въ мотивахъ, но отличается главнымъ образомъ ритмическою прелестью, интересною разработкою темъ и талантливымъ сопоставленіемъ инструментовъ.

Въ нѣмецкомъ городѣ Гиндерсгаузенѣ новая опера „Аспазія“—Шредера, недавно данная въ первый разъ, имѣла выдающійся успѣхъ. Ей пророчатъ блестящую будущность. Она написана въ вагнеровскомъ стилѣ и имѣетъ характеръ грандіозной музыкальнѣй драмы.

Въ Дармштадтѣ въ придворномъ театрѣ 12-го апрѣля въ первый разъ дана была опера „Евгеній Онѣгинъ“ г. Чайковскаго. По словамъ газеты *Mus. Wochenblatt*, опера имѣла крупный успѣхъ.

Дрезденскія газеты сообщаютъ о необыкновенномъ для Дрездена энтузіазмѣ, который вызвалъ своимъ концертомъ А. Г. Рубинштейнъ. Концертъ далъ сбору 10,000 марокъ, поступившихъ въ пользу разныхъ благотворительныхъ обществъ.

Совѣтъ дублинскаго университета, по случаю наступающаго юбилея 300-лѣтія этого университета, рѣшилъ дать извѣстному англійскому трагiku Ирвингу степень „доктора изящныхъ искусствъ“ honoris causa. Такое отличіе въ Великобританіи впервые достается драматическому искусству.

Въ университетѣ въ Дублинѣ пьеса Шеридана „School for scandal“, студенты ставятъ по случаю трехсотлѣтія дублинскаго университета. Пьеса будетъ поставлена исключительно студентами; они не только сами исполняютъ въ ней всѣ роли, но сами же пишутъ декорации.

Пианистъ г. Сапѣльниковъ недавно концертировалъ въ Кельнѣ съ большимъ успѣхомъ.

Въ „Свободномъ театрѣ“ въ Копенгагенѣ произошло недавно крупный скандалъ: возмущенная порнографическимъ содержаніемъ пьесы „Брачная ночь“, публика потребовала прекратить представленіе.

Новая комическая опера Карла Рейнеке „Губернаторъ изъ Тура“ имѣла, судя по восторженнымъ отзывамъ заграничной прессы, въ Лейпцигѣ громадный успѣхъ.

Лиль. На сценѣ *Grand-Théâtre* дана съ большимъ успѣхомъ опера „Atala“ (на сюжетъ изъ Шатобриана), принадлежащая перу молодой дѣвушки, но уже превосходной музыкантши—Жюльетты Фольвиль, замѣчательной тѣмъ, что совмѣщаетъ въ себѣ таланты композиторства съ выдающимися виртуозными талантами на скрипкѣ и фортепиано. Опера, обладающая несомнѣнными достоинствами, прекрасно прошла подъ авторскимъ дирижерствомъ.

Въ мастерскихъ знаменитаго французскаго строителя башни Эйфеля строится въ настоящее время большой складной и переносный театръ, предназначенный для города Лимы въ Перу. Театръ этотъ обойдется въ 50,000 фунт. стерл.

Бывшая артистка московскаго Большаго театра А. В. Святловская дала въ Лондонѣ цѣлый рядъ концертовъ, прошедшихъ съ хорошимъ успѣхомъ.

Въ Лондонѣ опять поднятъ вопросъ о нравственныхъ художественныхъ произведеніяхъ. Живописецъ Рудольфъ Блингъ привлеченъ къ полицейскому суду за то, что выставленная имъ картина „Желаніе міра“ объявлена безнравственной. Картина изображаетъ раздѣтую женскую фигуру, передъ которой стоитъ посѣдѣлый воинъ, подающій ей свой мечъ, и молодой поэтъ, котораго монахъ удерживаетъ преклониться передъ богиней любви.

Братья Решеке, теноръ и баритонъ, возвратившись изъ Америки, гдѣ они пѣли въ теченіе зимняго и весенняго сезоновъ, отправляются на лѣтній оперный сезонъ въ Англию. Пребываніе въ Америкѣ, въ матеріальномъ отношеніи, превзошло всѣ ожиданія артистовъ, они вывезли оттуда буквально цѣлое состояніе.

Братья Решеке начали свои гастроли въ Ковент-гарденскомъ театрѣ, въ Лондонѣ, оперою Гуно „Ромео и Джульетта“. Успѣхъ артистовъ громадный.

Въ Любекскомъ городскомъ театрѣ будетъ вскорѣ исполнена въ первый разъ двухъактная опера русскаго консула въ Шверинѣ, г. Озерова, подъ названіемъ „Manita“.

Въ королевскомъ театрѣ въ Мадридѣ сооруженъ бронзовый памятникъ покойному испанскому тенору Гайару.

Въ театрѣ „Dal Verme“ въ Миланѣ шла 10-го мая въ первый разъ новая одноактная опера „Raghiaccio“ („Обманутый супругъ“), которой прочать такую же популярность, какую приобрѣла „Сельская честь“ Масканы. Партитура, по отзывамъ мѣстной критики, изобилуетъ рѣдкими красотами и отличается оригинальными деталями. Молодой авторъ либретто и музыки, Леонавалло, былъ въ теченіе спектакля предметомъ восторженныхъ овацій; его вызывали не менѣе тридцати разъ. Особенно понравились въ оперѣ мелодраматическій прологъ, два дуэта, романсъ для тенора и серенада, которая была четыре раза повторена. Въ основаніи либретто положена любовная драма, которая имѣетъ трагическую развязку. Обманутый мужъ, узнавъ объ измѣнѣ жены, закалываетъ сначала ее, а потомъ и ея любовника. Драма эта разыгрывается во время народнаго праздника въ Монтальто (въ Калибрии). Концепція фабулы сдѣлана очень умѣло и интересъ зрителя поддерживается неослабно до конца пьесы.

По словамъ итальянскихъ газетъ, въ Миланѣ на

сценѣ поставлена драма, сюжетъ которой заимствованъ изъ жизни генерала Буланже. Въ четвертомъ актѣ эгой драмы изображена смерть господина Боннемэнъ; на сценѣ также появляются дочери Буланже, которыя прощаютъ спутницѣ ссылага генерала горе, причиненное ею ихъ матери. Въ пятомъ актѣ изображено кладбище и могила госпожи Боннемэнъ, на которой застрѣливается генераль Буланже. По словамъ газетъ, драма эта произвела сильное впечатлѣніе на миланскую публику.

„Грегугуаръ“ Банвилля, послужилъ нѣмецкому композитору—Игнацу Брюллу сюжетомъ для комической оперы. Опера эта шла на-дняхъ въ первый разъ на сценѣ мюнхенскаго театра и имѣла очень крупный успѣхъ.

Драма „Блуждающіе огни“ была недавно поставлена въ Мюнхенѣ и имѣла тамъ такой же успѣхъ, какъ и въ Берлинѣ.

Ницца, 5 апрѣля (по нов. ст.) далъ здѣсь концертъ опереточный пѣвецъ г. Давыдовъ. Концертъ происходилъ въ залѣ Румпельманера и привлекъ представителей русской колоніи и многихъ иностранцевъ. Г. Давыдовъ увлекъ публику исполненіемъ цыганскихъ романсовъ и вмѣсто четырехъ, объявленныхъ въ программѣ, спѣлъ десять. Антрепренеръ опереточнаго театра въ Казино Ниццы сдѣлалъ предложеніе г. Давыдову пріѣхать въ будущемъ сезонѣ на гастроли и пѣть съ г-жей Монбазонъ и другими французскими артистами. Для перваго дебюта русскаго пѣвца онъ намѣренъ поставить оперетку „Цыганскій баронъ“, переводъ которой на французскій языкъ уже оконченъ однимъ изъ мѣстныхъ журналистовъ.

„Новый театр“ въ Окефордѣ сгорѣлъ. Убытокъ значительный.

Въ Парижѣ вышло небольшое сочиненіе на французскомъ языкѣ, относящееся къ хореографіи и принадлежащее артисту нашей балетной труппы, г. В. Степанову. Называется оно: „Alphabet des mouvements du corps humain“, а цѣль его — показать возможность записыванія движеній человеческого тѣла посредствомъ музыкальных знаковъ или похожихъ на нихъ. Авторъ исходитъ изъ того положенія, что метафоры и выраженія обычнаго языка недостаточны для точнаго определенія движеній тѣла, отчего хореографическое искусство должно неминуемо страдать. Сколько погубло и гибнетъ изящныхъ созданий знаменитыхъ хореографовъ только потому, что нельзя было съ точностью отмѣтить движеніе артистовъ. Система Г. Степанова сводится на разложеніе сложныхъ движеній всякаго танца на элементарныя и на отмѣтку послѣднихъ посредствомъ знаковъ, подобныхъ музыкальнымъ. Такимъ образомъ танцоръ поднимаетъ ногу или руку, а балетмейстеръ отмѣчаетъ это движеніе соответствующимъ знакомъ на нотной бумагѣ. Система г. Степанова рассматривалась особою комиссіею при театральномъ училищѣ, въ составъ которой вошли гг. Петипа, Л. Ивановъ, Югансенъ, Гердтъ, Рюминъ, г-жа Ваземъ, и была одобрена единогласно, какъ обещающая въ будущемъ большія услуги балетному искусству. Балетмейстеръ парижской оперы, Гансенъ, высказался въ этомъ же смыслѣ и заявилъ, что намѣренъ примѣнить на практикѣ, въ Парижѣ, систему г. Степанова.

Александръ Дюма окончилъ новую пьесу „Routo des Thèbes“. Пьеса эта не появится, однако, въ нынѣшнемъ сезонѣ.

Дирекція театра „Comédie Française“ рѣшила возобновить заброшенный за послѣднее время классическій репертуаръ оригинальныхъ французскихъ пьесъ. Для начала рѣшено поставить „Athalie“ Расина. Въшняя сторона постановки

будетъ отличатьея пекывалою еще до сихъ поръ роскошью.

Извѣстная парижская артистка въ трагическихъ роляхъ г-жа Руссейль, напечатала въ фламарионовскомъ собраніи знаменитыхъ авторовъ интересную книгу „La Fille d'un Proscrit“, въ которой излагается ея автобіографія.

Комитетъ „Théâtre Français“ принялъ къ исполненію одноактную драму въ стихахъ Армана Сильвестра подъ заглавіемъ „Sapho“.

Извѣстный критикъ Брюнетьеръ выпустилъ 4-й томъ своихъ „Критическихъ этюдовъ о французской литературѣ“, въ составъ котораго вошли: этюды о французскомъ театрѣ XVI в., о романѣ XVII вѣка, о Паскалѣ, Мольерѣ, Монтескье, Вольтерѣ, Руссо и г-жѣ Сталь.

Пятившій директоръ парижскаго театра г. Парель снялъ „Эденъ-театръ“, въ которомъ будетъ давать драмы и комедіи.

На сценѣ парижскаго театра „Menus-Plaisirs“ поставлена новая оперетка Одрана „Article de Paris“.

Новому директору парижскаго театра „Одеон“, Марку, поставлены болѣе тяжелыя условія, чѣмъ его предшественнику Порелю: вмѣсто 16 новыхъ актовъ, онъ обязанъ ежегодно ставить 21 актъ; иностранныя пьесы могутъ представляться, какъ повья, лишь съ особаго разрѣшенія министра; залогъ директора удвоенъ (съ 30 на 60 тыс. фр.). Директоръ назначенъ на 7 лѣтъ, не имѣетъ права заниматься никакими другими театральными антрепризами и теряетъ свой залогъ, если раньше этого срока оставитъ свою должность.

Опера Вагнера „Лоэнгринъ“ шла уже пятьдесятъ разъ въ Парижской оперѣ въ теченіе полугода съ 4-го (16-го) сентября 1891 года. Въ эти пятьдесятъ представленій театръ собралъ около милліона франковъ, среднимъ числомъ за каждое представленіе около 19,000 франковъ. 48-ое представленіе дало 19,250 франковъ, причемъ эта сумма, вмѣстѣ съ тѣмъ, представляетъ наибольшій сборъ за все время управленія Вертрана Парижскою оперою.

27-го мая въ концертной залѣ въ Трокадеро исполнены были пьесы русскихъ композиторовъ, еще никогда не играныя во Франціи. Особенно понравились публикѣ „Симфонія“ Бородина, хоръ изъ „Жизни за Царя“ Глинки, хоръ г. Направника, „Симфонія“ и „Увертюра“ профессора московской консерваторіи г. Аренскаго. Г. Зилоти, исполнившій пьесы гг. Чайковскаго, Рубинштейна и Аренскаго, былъ вызванъ три раза.

Первой новинкой парижскаго театра „Gymnase“ будетъ пьеса Альфонса Додэ въ четырехъ актахъ и пяти картинахъ — „Un drame parisienne“, въ которой 24 дѣйствующихъ лица.

Мельякъ пишетъ новую пьесу, предназначенную имъ для театра „Vaudeville“.

Между Лондономъ и Парижемъ былъ сдѣланъ опытъ, показавшій, насколько усовершенствованы

телефоны и недавно изобрѣтенные театрофоны. Въ Лондонѣ въ главномъ почтамтѣ находился министръ Салисбюри съ нѣкоторыми другими лицами. Телефонную станцію соединили съ тремя парижскими театрами: Opéra Comique, театромъ Буффъ и Concert Parisien. Пѣніе и аплодисменты парижской публики были удивительно отчетливо слышны въ Лондонѣ. Два молодыхъ венгерскихъ техника Старфади и Мириновичъ изобрѣли театрофоны маленькаго размѣра, которые употребляются во всѣхъ главныхъ ресторанахъ Парижа. Каждый посятитель можетъ за извѣстную плату, сидя за обѣденнымъ столомъ, слушать оперу, оперетку или декламацию. Въ Парижѣ театрофоны вообще въ ходу. Въ аристократическихъ парижскихъ салонахъ производятся часто сеансы, гдѣ все общество можетъ слушать то, что исполняется въ театрахъ и концертныхъ залахъ.

Эрнесто Росси на предстоящихъ выборахъ представляетъ свою кандидатуру. Если онъ будетъ избранъ, то это будетъ первый актеръ въ европейскомъ парламентѣ.

Новая опера 26-ти-лѣтняго голландскаго композитора Николая Вапъ-Вастергута „Cimbelino“, поставленная въ Римѣ, производитъ среди римскихъ театраловъ фуроръ, несмотря на то, что итальянцы вообще не долюбиваютъ иностранныхъ композиторовъ. По отзывамъ римскихъ газетъ, музыка въ новой оперѣ въ „ватнеровскомъ духѣ“.

Въ Стоктонѣ сгорѣлъ театръ Variétés тотчасъ по окончаніи спектакля. Огонь истребилъ сцену и кулисы и сталъ было переходить на зрительный залъ, но былъ локализованъ, благодаря спущенному немедленно желѣзному завѣсу, такъ что публика, не успѣвшая еще оставить театра, имѣла возможность спокойно удалиться.

Въ Стратфордѣ-на-Авонѣ, мѣстѣ рожденія Шекспира, торжественно праздновался его день рожденія. Почитатели поэта съѣхались со всей Англии въ этотъ городокъ. Поставленъ былъ „Тимонъ Авинскій“, не игранный на англійской сценѣ уже болѣе 40 лѣтъ.

Домъ, гдѣ родился Шекспиръ въ Стратфордѣ-на-Авонѣ, въ 1891 г. посѣтили болѣе 20 тыс. лицъ, въ томъ числѣ 9 русскихъ.

Въ „China Mail“, издающейся въ Гонгъ-Конгѣ и въ „L'Indépendance Tonkinoise“ — въ Ханѣ помѣщены хвалебные отчеты о концертахъ дававшихся въ названныхъ городахъ нашей соотечественницей, пианисткой изъ Москвы, г-жей Ольгой Дюбуанъ.

Новая пьеса Ибсена „Geer Gunt“, поставленная въ королевскомъ театрѣ въ Христианіи, пользуется необычайнымъ успѣхомъ. Пьеса раздѣлена на двѣ части и занимаетъ два вечернихъ представленія. Особенность пьесы составляетъ музыка Грига, которая сопровождаетъ всѣ наиболее трагическія ея мѣста.

1-го Іюня вышла и раздается подписчикамъ VI-я книжка журнала

„СЪВЕРНЫЙ ВЪСТНИКЪ“.

СО Д Е Р Ж А Н І Е: **ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.** I. ЗОЛОТО. Романъ. Часть пятая. Д. Мамина-Сибиряна. — II. ИЗЪ ШЕЙХА МОСЛЕХУДИНА СААДИ. (Съ персидскаго текста). Стихотвореніе. С. Уманца. — III. ВЛІЯНІЕ РЪКЪ НА ПРОИСХОЖДЕНІЕ ЦИВИЛИЗАЦІИ. Проф. Павла Виноградова. — IV. ДНЕВНИКЪ МАРИИ ВАШКИРЦЕВОЙ. (Пер. съ французскаго). — V. ГОРЕ Разказъ. Ен. Лѣтковой. — VI. ОБЪ УСТАЛОСТИ. М. Манасеиной — VII. СТИХОТВОРЕНІЕ. П. Свободина. — VIII. ПЕТЕРБУРГСКІЙ СЛУЧАЙ. (Повѣсть). К. Баранцевича. — IX. АЛІЯ. Романъ А. К. Леффлеръ, герцогини ди-Кайянелло. Перев. со шведскаго. М. В. Лучицкой. — X. ТѢНИ ПРОШЛАГО. Романъ въ 3-хъ частяхъ Антонио Фогаццаро. (Перев. съ итальянскаго). — XI. ЛАБИРИНТЪ. Романъ Н. Капустинной. — XII. СТИХОТВОРЕНІЕ. Ян. Иванневича. **ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.** I. СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЯ ОПЫТНЫЯ СТАНЦІИ И ИХЪ ЗНАЧЕНІЕ ДЛЯ ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ. Проф. Василя Сорочина. — II. ОБЛАСТНОЙ О Т Д Ѣ ЛЪ: 1) НУЖДА ВЪ ЧЕЛЯДИНСКОМЪ УБѢДѢ. Проф. Е. Шмурло. — 2) МИРНАЯ ПОЛИТИКА И БЕЗКРОВНЫЯ ЗАВОЕВАНІЯ. (Туркестанъ 1884—1889 гг.). Н. Дингельштедта. — III. ИЗЪ ПРОВИНЦІАЛЬНОЙ ПЕЧАТИ. — IV. НОВЫЯ КНИГИ: — V. ПИСЬМА ИЗЪ АМЕРИКИ. В. Магъ Гаханъ. — VI. ПИСЬМА ИЗЪ ПАРИЖА. Robert de Cerisy. — VII. СОБЫТІЯ И НОВОСТИ. — VIII. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ. Проф. А. Трачевскаго. — IX. ЛИТЕРАТУРНЫЙ ВОПРОСЪ. Н. Лѣскова. — X. ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ. А. Волынскаго. XI. ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: С.-Петербургъ: *Троицкая ул., д. 9.*

Издательница Л. Я. Гуревичъ.

Редакторъ М. Н. Албзовъ.

Вышла шестая (іюньская) книга ежемѣсячнаго литературно-политическаго изданія

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

Содержаніе: I. На пахотѣ. Повѣсть. Продолженіе. Е. П. Марлова. — II. Фортуна. Романъ Александра Килланда. Гл. VI—IX. Пер. Э. Р. — III. Любовь. Романъ. Ч. III, гл. 1—III. (Продолженіе) И. Н. Потапенко. — IV. Стихотвореніе С. Г. Фруга. — V. Гертруда Кольбернсенъ. Романъ Эрика Скрама. Перев. съ датскаго В. М. С. — VI. Сонъ. Очеркъ Н. И. Тимновскаго. — VII. У источника. Новелла Генрина Сенкевича. Переводъ съ польскаго В. М. Л. — VIII. Нѣсколько лѣтъ въ деревнѣ. Окончаніе. Н. Гарина. — IX. Бомарше. И. К. — X. Меліоратіонный кредитъ и условія его организаціи въ Россіи. Вл. В. Бирюковича. — XI. Культурный кризисъ въ Римской имперіи. М. С. Корелина. — XII. Новая книга о международномъ правѣ. Гр. Л. А. Комаровскаго. — XIII. Кредитъ для земствъ и городовъ. М. Я. Герценштейна. — XIV. Жертва безвременья. (Повѣсти г. Антопа Чехова). М. А. Протопопова. — XV. Научный обзоръ В. А. Гольцева. — XVI. Внутреннее обзорнѣе. — XVII. Иностранное обзорнѣе В. А. Г. — XVIII. Литература и жизнь. Н. К. Михайловскаго. — XIX. Памяти П. Ф. Маевскаго. К. А. Тимирязева. — XX. Кто прозрѣлъ? (Письмо въ редакцію). Вл. С. Соловьева. — XXI. Библиографическій отдѣлъ. Объявленія.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1892 ГОДЪ

(тринадцатый годъ изданія).

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Москвѣ: контора журнала.—Леонтьевскій, 21.

Въ С.-Петербургѣ: книжный магазинъ Н. Фену и К^о, Невскій.

Редакторъ-издатель В. М. ЛАВРОВЪ.

Объявленія гг. артистовъ ищущихъ ангажемента.

Криницкій Илья Владиміровичъ комикъ-резонеръ (комедія и водевиль) ищетъ ангажемента на зимній сезонъ (въ южныхъ городахъ Россіи). Адресъ: Александрія Херсонской губ. Ильѣ Владиміровичу Васильеву.

Лирскій П. А. Комикъ-резонеръ, характерныя роли и комикъ-буффъ въ опереткѣ. Съ большимъ репертуаромъ. Адресъ: Бѣлгородъ Курской губ. Театръ.

ЧЕРЕЗЪ КОНТОРУ НАШЕГО ЖУРНАЛА МОГУТЪ БЫТЬ ВЫПИСЫВАЕМЫ:

„Въ память С. А. Юрѣва“, сборникъ, изданный друзьями покойнаго. Цѣна 2 руб. 50 коп. (Осталось небольшое количество экзempl.)

Собрание сочиненій А. Н. Островскаго, новое изданіе въ 10 томахъ. Цѣна 16 р.

„Сборникъ въ пользу голодающихъ“, изданіе редакціи журнала „Русская Мысль“. Цѣна 1 руб., съ пересылкою 1 руб. 25 коп.

„Арсеній Гуровъ“, др. въ 5 д. В. М. Михеева. Цѣна комплекта въ 14 экзempl. (по числу ролей) 7 руб.

„Въ слѣдующій разъ“, монологъ въ 1 д. Грене д'Анкура, перев. съ французскаго О. А. Куманина. Цѣна 30 коп.

„Въ сонномъ царствѣ“, ком. И. Я. Гурлянда. Цѣна комплекта въ 12 экз. (по числу ролей) — 6 руб.

„Господа Театралы“, ком. въ 1 д. И. Л. Щеглова. Цѣна 1 руб.

„Для публичнаго чтенія“, стихотворенія П. И. Кичеева. („Европейскій театръ“ № 1). Цѣна 1 руб.

„Жоржинька“, ком.-шутка въ 2 д. Чека. Цѣна 50 к.

„Жрица искусства“ Свободная художница, комедія въ 4 д. Е. П. Карпова. Цѣна комплекта въ 16 экз. (по числу ролей) — 8 руб.

„Звѣзда Севильи“, трагед. Лопе де Вега, переводъ С. А. Юрѣва. Цѣна 1 р.

„Изъ жизни мелкихъ людей“. Юмористическіе очерки П. М. Невѣжина. Цѣна 1 руб.

„Ксенія и Лжедмитрій“, драма въ 5 д. и 7 карт., въ стихахъ. Н. Пушкарева. („Европейскій театръ“, № 1). Цѣна 1 руб.

„Ликвидация“, ком. въ 1 д. Пальерона. Перед. Э. Маттернъ („Европейскій театръ“ № 1). Цѣна 1 руб.

„Милостники и опальные“, драма въ 4 д. и 5 карт., въ стихахъ и другія стихотворенія. М. И. Лаврова. Цѣна 2 руб.

„На земской нивѣ“, др. въ 5 д. Е. П. Карпова. Цѣна 50 коп.

„Немезида“, ком. въ 4 д. Николая Александровича. („Европейскій театръ“ № 1). Цѣна 1 руб.

„Перекасти поле“, ком. П. Гнѣдича. Цѣна 1 руб. 50 коп.

В. Г. Перовъ. 60 фототипій съ его картинъ, съ біографіей, написанной г. Собко. Изданіе Д. А. Ровинскаго. Цѣна 10 руб., въ перепл. 12 р.

„Ранняя осень“, др. Е. П. Карпова. Цѣна комплекта въ 10 экзempl. (по числу ролей) — 5 руб.

„Сильнодѣйствующее средство“ или „Лучше поздно, чѣмъ никогда“ („Doktor Klaus“), ком. въ 5 д. Аронжа, передѣл. съ нѣмецкаго О. А. Куманинымъ. Цѣна 1 руб. 50 коп., для подписчиковъ нашего журнала — 1 руб.

„Тяжкая доля“, др. въ 4 д. и 5 карт. Е. П. Карпова. Цѣна 50 коп.

„Цитварный ребенокъ“, вод. въ 1 д. В. Холостова. Цѣна 40 коп.

„Честь“, ком. въ 4 д. Г. Зудермана переводъ Н. К. Цѣна комплекта (по числу ролей) 8 руб.

Фотографическіе кабинетные портреты артистовъ Н. А. Никулиной, М. К. Заньковецкой, А. И. Южина и Н. И. Музиля. Цѣна по 1 руб., для подписчиковъ по 65 к.

и всѣ драматическія произведенія, существующія въ продажѣ.

Гг. подписчики на журналъ „АРТИСТЪ“ за переесылку не платятъ.

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ въ 19 день Мая 1889 года ВСЕМИЛОСТИВѢЙШЕ соизволилъ на открытіе при Комитетѣ Общества Русскихъ Драматическихъ Писателей и Оперныхъ Композиторовъ повсемѣстнаго по Имперіи сбора пожертвованій на сооруженіе

въ городѣ Москвѣ

ПАМЯТНИКА

покойному драматическому писателю

А. Н. ОСТРОВСКОМУ.

О такомъ ВСЕМИЛОСТИВѢЙШЕМЪ соизволеніи Комитетъ Общества Русскихъ Драматическихъ Писателей и Оперныхъ Композиторовъ, поставляя въ общую извѣстность, покорнѣйше проситъ адресовать денежныя пожертвованія въ Москву казначею Общества д. с. с. Апполону Александровичу Майкову.

Муравейникъ

Комедія въ 2-хъ дѣйствіяхъ.

Н. Криницкаго.

Къ представленію дозволено. 24 марта 1890 г. № 1690.

Разрѣшеніе къ постановкѣ піесы на сценѣ зависитъ отъ мѣстнаго агента Общ. Русск. Драм. Писат.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ:

Владиміръ Сергѣевичъ Никольскій, 25 лѣтъ, чиновникъ.

Софья Ивановна, жена его, лѣтъ 20 съ вебольшимъ.

Капитолина Ивановна, ея мать, лѣтъ 45.

Додо, сестра Софьи Ивановны, лѣтъ 17—18.

Сергѣй Федосѣевичъ, отецъ Никольскаго, 50 лѣтъ.

Николай, братъ Никольскаго, 19 лѣтъ (готовится къ экзамену на домашняго учителя).

Акулина, кухарка Никольскихъ, среднихъ лѣтъ.

Лука Петровичъ Волдыревъ, сослуживецъ Никольскаго, лѣтъ 30 съ небольшимъ.

Пелагея Матвѣевна Хрящева, 60 лѣтъ, дальняя родственница Никольскихъ, самарская помѣщица.

Платонидушка, приживалка Хрящевой, неопредѣленныхъ лѣтъ.

Оби дѣйствія происходятъ въ квартиру Никольскихъ. Большая комната, которая служитъ и гостиной и столовой. Двѣ двери: прямо и справа отъ зрителей; первая—въ переднюю и кухню, вторая—въ спальню Никольскихъ. Слѣва отъ зрителей два окна. Меблировка смѣшанная.—Между первымъ и вторымъ дѣйствіемъ проходитъ нѣсколько дней.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

На авансценѣ круглый столъ, накрытый цвѣтной скатертью. Около него Капитолина Ивановна, Додо и Сергѣй Федосѣевичъ: Додо вяжетъ шарфъ, Сергѣй Федосѣевичъ держитъ на рукахъ шерсть, которую Капитолина Ивановна разматываетъ. Софья Ивановна и Акулина въ глубинѣ сцены хлопочутъ около небольшого стола, накрывая обѣдь. Николай занимается за маленькимъ столикомъ (въ простѣнкѣ между окнами); на столикѣ глобусъ, книги, тетради и пр.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Капитолина Ивановна, Софья Ивановна, Додо, Акулина, Сергѣй Федосѣевичъ и Николай.

Соф. Ив. Это ужасно, ужасно: 5 часовъ, а Володечки все нѣтъ! Ужъ будетъ у меня мигрень,—вотъ увидите!

Ак. Не случилось-ли чего? Ужъ больно онъ задолжалъ что-то.

Кап. Ив. Какъ? Кому задолжалъ?

Ак. Я говорю, что молъ долго не идетъ.

Сер. Фед. Да, ужъ мнѣ опять вѣсть захотѣлось.

Кап. Ив. Опять? Давно-ли пообѣдали? Право, на васъ не напасешься.

Сер. Фед. Было время, Капитолина Ивановна, когда я кормилъ своего сына: теперь сынъ кормитъ меня.

Кап. Ив. Ну, ну, ужъ у васъ опять лицо запрыгало.

Соф. Ив. (*припадая къ матери*). Мамаша!... Мамулечка!... Ужъ не попалъ-ли онъ подъ лошадь? Какъ у меня сердце бьется!

Ак. Это что—сердце! А вотъ какъ бы щи не перепрѣли, ждавши-то?.. (*Идетъ въ среднюю дверь. Входитъ Лука Петровичъ, запыхавшись.*) А вотъ и второй приборъ пришелъ. (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Тѣ же и Лука Петровичъ; потомъ Акулина.

Соф. Ив. Лука Петровичъ, гдѣ же Володечка? Почему вы одни?

Лука. Здравствуйте, господа... Здравствуйте, Дарья Ивановна!.. Уфъ!

Соф. Ив. Мамаша, онъ что-то скрываетъ

отъ меня! Посмотрите, какое у него странное лицо, какъ онъ тяжело дышетъ!.. (*Припадая къ матери.*) Съ Володечкой что-нибудь случилось: я чувствую, чувствую это!

Додо (*обнимая сестру*). Соня!.. Совечка! (*Акулина вноситъ приборъ.*)

Соф. Ив. Онъ подь конку попалъ!

Ак. (*съ воплемъ*). Подь конку?!.. Прокля- тущая эта конка!

Лука. Господа!.. Акулина — дура!.. Софья Ивановна!

Ак. Чужало мое сердце: каша-то изъ горшка выльзла!

Сер. Оед. Молчи, Акулина!.. Лука, вотъ я передь тобой; я тверже ихъ: рази!

Лука. Позвольте, господа...

Ак. Да гдѣ же онъ теперь: въ участкѣ, что-ли, горемычный?

Кап. Ив. Замолчи ты, оглашенная!

Лука. Его превосходительство пригласилъ Вольдемара послѣ присутствія къ себѣ на квартиру. Больше я ничега не знаю. Я только забѣжалъ къ себѣ, переодѣлся—и сюда. Я думалъ, Володя ужъ дсма.

Ак. Баламутъ ты... стрекотунъ... Право! (*Уходитъ.*)

Соф. Ив. Какъ вы меня напугали: прибѣжалъ, точно и Богъ вѣсть что случилось!

Ник. (*подходя къ Лукѣ*). Нѣтъ, вы посмотрите, какимъ онъ франтомъ. Надушился-то какъ!.. Совсѣмъ по жениховски смотреть. Того гляди предложеніе сдѣлаетъ. А на лицѣ-то какая торжественность! Хо-хо-хо!..

Лука. Злой у тебя языкъ, Кокошка, — необузданный!.. Почему непременно предложеніе? Что за свинство! (*Въ волненіи ходитъ по комнатѣ.*)

Ник. И даже голову умастилъ чѣмъ-то. Хо-хо-хо!..

Кап. Ив. Коко, какъ это глупо!.. А вы не сердитесь, Лука Петровичъ. Вѣдь здѣсь все свои, близкіе, кровные. И вы у насъ свой человѣкъ. Къ чему же скрываться? Всѣ мы знаемъ, что у васъ тутъ магнитофонъ есть... Додо, гдѣ это пожаръ? (*Николай садится и дѣлаетъ видъ, что занимается.*)

Додо (*жеманно*). Мамаша, какая вы... Я, право, уйду!

Лука (*съменя около Додо и захлебываясь*). Дарья Ивановна!.. Неужели вы не видите?..

Додо (*визливо*). Отстаньте, отстаньте!

Кап. Ив. (*обнимая дочь*). Ахъ, Додочка, какое ты еще дитя!.. Знаете, Лука Петровичъ, она у насъ совсѣмъ какъ птичка. Я такъ и зову ее: колибри. Довольно одного неосторожнаго движенія, чтобы спугнуть ее. Что вы въ такомъ волненіи ходите, Лука Петровичъ? Вы, кажется, хотите что-то сказать?

Лука. Нѣтъ, ничего пока... Я такъ.

Кап. Ив. Садитесь, отдохните въ нашемъ тихомъ семейномъ кругу.

Сер. Оед. Чай, не вѣвши прибѣжалъ?.. Ну вотъ, погоди: придетъ Владиміръ, — пообѣдаете вмѣстѣ. (*Подставляетъ руки для разматыванія шерсти.*)

Лука (*сидясь*). Капитолина Ивановна! Нигдѣ я не отдыхаю такъ душой, какъ въ вашей ангельской семьѣ. Когда я вижу васъ всѣхъ, милыхъ, добрыхъ, дружныхъ, какое-то отвращеніе дѣлается у меня внутри; такъ и хочется плюнуть самому себѣ въ лицо и сказать: «безмысленный, презрѣнный холостякъ! Кому нужна твоя жизнь? Для чего ты влачишь свое жалкое существованіе?..» Пусто, Капитолина Ивановна, пусто!.. (*Акулина входитъ и становится у косяка двери.*)

Сер. Оед. Да, Лука, нѣтъ ничего ужаснѣе холостой жизни. Гдѣ нѣтъ семьи, нѣтъ и радости. Никакіе чины, никакія деньги не дадутъ тебѣ той отрады, какую дастъ семья. Мы—бѣдпьяки, но у насъ въ семьѣ есть дружба, есть согласіе, есть взаимная любовь, и намъ ничего больше не нужно.. Богатство, деньги?.. Да провались они совсѣмъ! Мы знаемъ, что зачастую творится среди богачей: раздоры, свары, ссоры... И изъ-за чего? Изъ-за выѣденнаго яйца!.. Гадко, мерзко... тьфу!

Ак. Что правда, то правда. Я у одного пристяжного повѣреннаго жила: такъ утормъ, какъ встанутъ, такъ перепалка. И цѣльный день у нихъ этотъ поеданокъ идетъ.

Сер. Оед. А мы блаженствуемъ, потому что у насъ не бываетъ никакихъ бурь: вѣчное піаниссимо. Всѣ члены нашей семьи составляютъ одинъ благозвучный аккордъ. Мой сынъ получаетъ немного, но, по добротѣ своей, прокармливаетъ даже женину родню, не говоря уже о насъ съ Николаемъ. Вотъ, какъ онъ великодушень, Лука!

Лука. Да я бы тоже съ наслажденіемъ въ лепешку расшибся!

Соф. Ив. Ахъ, Володечка мой такой милый, такой пай! Онъ меня во всемъ слушается. Я говорю ему про папашу: «Володечка, вѣдь все-таки онъ тебѣ отецъ». И Володечка говоритъ мнѣ: «Да, ципочка, онъ мнѣ отецъ...» Онъ такой ласковый!.. Вотъ только, противный, не идетъ до сихъ поръ... Я заплачу! (*Подходитъ къ окну и смотритъ въ него.*)

Кап. Ив. Объ одномъ мечтаю: чтобы у Додочки былъ такой же мужъ, какъ у Софочки. Эта доброта, эта безпримѣрная кротость!.. Да вотъ на всѣхъ сошлюсь: попрекнулъ-ли Владиміръ Сергѣевичъ хоть разъ своего отца въ томъ, что тотъ не только не пробилъ ему дороги по службѣ, но еще самъ давно потерялъ мѣсто и находится на иждивеніи у сына? Вы понимаете, Лука Петровичъ, сколько въ этомъ благородства?

Сер. Оед. А я приведу тебѣ, Лука, примѣръ еще лучше. Ни разу не доводилось мнѣ слышать, чтобы мой сынъ обмолвился по-

тивъ жены: зачѣмъ, дескать, ты, душечка, въ видѣ приданого преподнесла мнѣ мамашеньку да Дашеньку, а денегъ ни сантима?

Соф. Ив. Приданое?.. Да развѣ онъ посмѣетъ? Овъ?!.. Володечка?!.. Вотъ это мило!.. Да онъ и безъ приданого такъ счастливъ, такъ доволенъ, что иногда, ну, просто, слѣшно, смѣшно на него!.. (*Смѣясь и закрывая лицо руками.*) Ахъ, уморительный!..

Луна. Я, Капитолина Ивановна, о приданомъ думаю такъ: дайте мнѣ прежде всего блаженство, а приданое... если есть,—не откажусь, если нѣтъ,—не погонюсь.

Кап. Ив. Вы разсуждаете, какъ джентельменъ. Что такое приданое? Не важна-ли всего любящее сердце? Что Владиміръ Сергѣевичъ и безъ приданого боготворить жену,—этому я нисколько не удивляюсь. Для меня гораздо удивительнѣе, напимѣръ, то, что Владиміръ Сергѣевичъ безропотно терпитъ насмѣшки Коко, который сидитъ на его же шеѣ.

Ник. (*смотря въ книгу*). «Въ Индіи водится очковая змѣя, большая любительница музыки, но ядовитое и опасное животное...» (*Кап. Ив. косится на него.*)

Ан. (*толкая его подъ локоть*). Это къ чему ты вдругъ про змѣю-то: ни съ того, ни съ сего?

Ник. Отстань, не мѣшай... Я изъ географіи.

Ан. Озорникъ ты.

Кап. Ив. Да ужь правда! Нужно быть Владиміромъ Сергѣевичемъ, чтобы сносить все это.

Сер. Фед. Это что! А вотъ какъ начнутся женскіе капризы, да какъ всѣ повынутъ платочки, свернуть ихъ въ комочки, да станутъ слезу выпускать—вотъ, вотъ гдѣ предѣлъ человѣческому терпѣнію. Другой бы на стѣну полѣзъ, а Владиміръ... терпитъ.

Луна. Капризы ничего, Сергѣй Федосѣевичъ... Это даже какъ-то мило выходитъ у женщинъ. Даже какъ-то украшаетъ...

Кап. Ив. Вы тысячу разъ правы, Лука Петровичъ. Капризы любимой жены должны быть только пріятны для мужа. Это совсѣмъ не то, какъ если, напимѣръ, отецъ, человѣкъ уже пожилой, который долженъ бы служить примѣромъ, позволяетъ себѣ приходить домой подшефе. Почтительный сынъ не ропщетъ,—а, между тѣмъ, согласитесь сами, это «пьянисимо» хоть кого можетъ вывести изъ терпѣнья.

Сер. Фед. Капитолина Ивановна, зачѣмъ вдаваться въ подробности? Лука и безъ того видитъ, что наше семейное счастье зиждется на взаимныхъ уступкахъ и на совѣстномъ трудѣ. Каждый изъ насъ вноситъ свою лепту: Владиміръ служить, я... тоже въ свое время служилъ; Коко сдать экзаменъ и тоже будетъ деньгу зашибать.

Кап. Ив. И я, какъ видите, не сижу безъ дѣла. Сонечка хозяйничаетъ, Додо шарфъ вяжетъ для нашего милаго Владиміра Сергѣевича.

Луна (*дотрогиваясь до шарфа*). Мяконькій какой! (*Додо укалываетъ ему руку спицей.*) Ой!

Кап. Ив. Шалунья!

Луна. Какое пріятнѣйшее ощущеніе!.. (*Ръшительно.*) Капитолина Ивановна!.. Нѣтъ, потому... послѣ... (*Въ волненіи ходитъ по комнатѣ.*)

Кап. Ив. (*привлекая къ себѣ Додо*). Птичка моя, птичка! Какъ бы ты отъ насъ не улетѣла?.. (*Цѣлуетъ ее.*) Ахъ, лишь бы были молодые счастливы—Додо, Коко, Сонечка,—а ужь намъ, старикамъ, ничего не нужно! (*Смахиваетъ слезу.*)

Сер. Фед. Намъ только смотрѣть на нихъ да радоваться.

Соф. Ив. Мамулечка, мнѣ тоже ничего не нужно; оставьте мнѣ только одно мое сокровище: Володечку!

Додо (*цѣлуя сестру*). Ты—ангелъ!

Сер. Фед. Вашу руку, Софья Ивановна! (*Жметъ ей руку.*)

Соф. Ив. Додо и Коко—вотъ, для кого мы должны жить!

Ник. Коко пусть остается въ сторонѣ. Ему нуженъ только кусокъ хлѣба и книга. Обратите ваше попеченіе ва Додо.

Додо. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!.. Я въ монастырь пойду.

Ан. Ахъ, барышня вы моя, барышня! Скромница вы моя, рукодѣльница! Женишка вамъ порядочнаго надо, а не въ монастырское заточеніе. Вотъ хоть бы Луку Петровича взять...

Додо (*зажимая уши*). Молчи, молчи! Ты меня уморишь!..

Луна (*растроганный*). Честная ты женщина, Акулинушка!

Кап. Ив. Не кухарка она у насъ, а другъ дома. Представьте себѣ: спать и видеть, какъ бы женить вазъ на Додочкѣ!.. Вы не можете вообразить себѣ, какъ близко къ сердцу принимаетъ она всѣ наши дѣла, до чего она привязана къ намъ: мы ей ужь давно жалованья не платимъ, а она и не заикнется.

Ан. И-и, матушка Капитолина Ивановна! Повернется-ли языкъ? Да ежели вы всѣ для меня какъ родные?.. Сыта, обута, одѣта,—чего еще? Ужъ я ко всѣмъ вамъ такъ привлекательна, такъ привлекательна!.. Войдешь это, посмотришь на всѣхъ,—и такъ-то вдругъ станеть умиленно!

Сер. Фед. (*хлопая Акулину по плечу*). Хорошая ты баба, Акулинушка!

Соф. Ив. (*хнычетъ у окна*). Мамаша!.. Мамуся!.. Всѣ идутъ, а онъ не идетъ!.. Какъ онъ смѣетъ не идти?..

Кап. Ив. Ахъ, Сонечка, Сонечка!.. Видите, Лука Петровичъ, какъ мужей-то любятъ? И всѣ мы любимъ нашего милаго Владиміра Сергѣевича, и другъ друга любимъ, и всѣ счастливы,—такъ счастливы, что иной разъ подумаешь,—даже какъ-то страшно станеть.

Лука. А я-то, несчастный, одинокій!.. Капитолина Ивановна!.. слеза закипаетъ въ груди... Вотъ побылъ съ вами, порадовался на васъ и... и еще вдвое горше стало за свою постылую жизнь!.. Нѣтъ, я больше не въ силахъ! Капитолина Ивановна, выслушайте меня и рѣшите судьбу!

Кап. Ив. Додочка, другъ мой, ты бы пошла туда... куда-нибудь: намъ нужно посекретничать съ Лукой Петровичемъ.

Додо. Хорошо, мамаша. (*Уходитъ въ дверь направо.*)

Кап. Ив. И ты, Коко... Поди въ угловую: тамъ тебѣ никто не будетъ мѣшать.

Ник. Зачѣмъ? Я все равно сижу среди шуму—и ничего не слышу, окружень толпой—и никого не вижу.

Ак. Что-жъ ты, ослѣпъ, что-ли? Пойдемъ, пойдемъ: тутъ дѣло сурьезное. (*Беретъ его за рукавъ.*)

Ник. Не смѣй трогать меня!

Сер. Ѳед. (*выпроваживая Николая*). Иди, Коко, иди.

Ак. Пойдемъ, пойдемъ! (*Коко и Акулина уходятъ въ среднюю дверь.*)

ЯВЛЕНИЕ 3-е.

Капитолина Ивановна, Сергій Ѳедосѣвичъ, Софья Ивановна, Лука и Акулина и Додо (*за дверью*), потомъ Николай.

Лука. Капитолина Ивановна!.. Вся моя жизнь, все мое счастье—въ вашихъ рукахъ. Могу-ли я надѣяться? (*Додо подслушиваетъ.*)

Кап. Ив. (*прикладывая къ глазамъ платокъ*). Вы хотите отнять ее у меня?

Соф. Ив. Вѣдная Додочка!

Лука. Я долго страдалъ, Капитолина Ивановна,—и не смѣлъ вамъ открыться. Я хотѣлъ сначала приобрести извѣстное положеніе на службѣ: я ждалъ мѣста столоначальника. Сегодня его превосходительство объявилъ мнѣ, что мѣсто за мной.

Сер. Ѳед. (*обнимая Луку*). Поздравляю, поздравляю!.. То-то ты и прибѣжалъ нынче самъ не свой.

Кап. Ив. (*раскрывая объятія*). Позвольте и мнѣ поздравить васъ отъ всего сердца!.. Ужь извините: я смотрю на васъ, какъ на родного...

Соф. Ив. (*пожимая Лукъ руку*). Поздравляю, Лука Петровичъ... Но за Додочку я васъ ненавижу, ненавижу!

(*Акулина подслушиваетъ: Николай вталкиваетъ ее въ комнату.*)

Ак. Чего озорничаетъ-то?

Ник. А ты чего подслушиваешь? (*Оба скрываются. Сергій Ѳедосѣвичъ притворяетъ плотные объ двери.*)

Лука (*отирая платкомъ лицо*). Капитолина Ивановна, могу-ли я надѣяться? Или это несбыточные мечты глупаго, нескладнаго холостяка?.. Я знаю, что я нелѣпъ, неуклюжъ въ

сравненіи съ тѣмъ существомъ, о которомъ мечтаю... Но, Капитолина Ивановна, иногда и въ грубомъ тѣлѣ бьется горячее, любящее сердце. Словомъ... я больше не могу говорить.

Кап. Ив. Такъ вы рѣшились отнять у меня мою Додочку, мою птичку?.. Это жестоко, Лука Петровичъ, жестоко! (*Прикладываетъ платокъ къ глазамъ.*)

Сер. Ѳед. Капитолина Ивановна!.. Я принимаю слезы матери при мысли о разлукѣ съ любимымъ ребенкомъ. Но вы привыкли жертвовать собой для блага дѣтей. Вся ваша жизнь это—однѣ жертвы и жертвы. Принесите же послѣднюю и соедините любящія сердца!.. Лука, умолай эту великодушную женщину!

Кап. Ив. Прошу васъ, не умоляйте! Я сумѣю принести себя въ жертву, если это нужно для счастья моей дочери. Ни слова больше, Лука Петровичъ!.. Додочка, Додочка!... (*Входитъ Додо.*)

ЯВЛЕНИЕ 4-е.

Тѣ-же и Додо.

Кап. Ив. Додочка, дитя мое, тебя отнимають у матери!

Додо (*припадая къ матери*). Мамочка, я никуда не пойду отъ васъ!

Кап. Ив. Что дѣлать, ангель мой! Лука Петровичъ проситъ твоей руки!

Додо Ахъ!.. Не хочу, не хочу!

Лука. Дарья Ивановна, выслушайте!

Кап. Ив. Другъ мой, ему обѣщано мѣсто столоначальника.

Додо. Не хочу!

Кап. Ив. Онъ любитъ тебя, дѣточка!

Лука. Пламенно!

Кап. Ив. Ну, отвѣтъ же ему, Додо: онъ ждетъ.

Додо (*закрывая лицо руками*). Я согласна.

Лука (*цѣлуя ея руки*). Дарья Ивановна!

Додо. Оставьте, оставьте!.. Оставьте же!.. (*Убѣгаетъ направо въ дверь.*)

Кап. Ив. Застыдилась моя птичка-синичка!

Соф. Ив. (*Лукъ*). Вы—извергъ!.. Поздравляю. (*Входитъ Владиміръ Сергѣвичъ съ большими тетрадами подъ мышкой.*)

ЯВЛЕНИЕ 5-е.

Капитолина Ивановна, Софья Ивановна, Сергій Ѳедосѣвичъ, Лука и Владиміръ Сергѣвичъ, потомъ Акулина.

Соф. Ив. (*бросаясь на шею мужу*). Володечка, ты—ужасный человекъ!

Вл. Сер. Нельзя же, ципочка: его превосходительство...

Соф. Ив. Не смѣйте мнѣ этого говорить. Кто важнѣе; жена или превосходительство?

Вл. Сер. Да помилуй, ципочка... Я сейчасъ, господа, только переодѣнусь. (*Уходитъ въ боковую дверь; Софья Ивановна за нимъ.*)

Сер. Ѳед. (*кричитъ въ среднюю дверь*). Акулина, обѣдать!.. Живо!

Кап. Ив. Садитесь, Лука Петровичъ: закусите чѣмъ Богъ послалъ. Дайте, я вамъ подвяжу салфетку. (*Подвязываетъ.*)

Лука. Что вы беспокоитесь, Капитолина Ивановна?.. Право, отъ радости я даже аппетиту лишился. (*Владимиръ Сергѣевичъ входитъ въ халатъ; за нимъ Софья Ивановна. Акулина вноситъ миску со щами, ставитъ на столъ и уходитъ.*)

Соф. Ив. Я—жена: ты мнѣ первой долженъ все рассказать.

Вл. Сер. (*усаживаясь обѣдать*). Я вотъ и рассказываю тебѣ, Софочка. Лукѣ обѣщано мѣсто столоначальника—еще разъ поздравляю тебя! (*Жметъ Лукѣ руку*),—а я пошелъ просить прибавки жалованья. Трудно стало, ципочка, за послѣднее время: каждый мѣсяцъ недохватъ, жалованье впередъ забралъ, въ долги влѣзъ... «Такъ и такъ, говорю, ваше превосходительство: обремененъ семьей, бьюсь какъ рыба объ ледъ»... «Прибавить, говоритъ, я вамъ не могу, а вотъ не хотите-ли приватное занятіе получить?..» У него, ципочка, отчеты по имѣньямъ составляются: такъ вотъ тамъ надо свѣрять цифры, подводить итоги, переписывать... «Я, говоритъ, хотѣлъ поручить это Волдыреву,—т.-е. Лукѣ,—но такъ какъ вы обременены семействомъ, то я, говоритъ, могу оставить эту работу за вами». Зашелъ я къ нему на квартиру, взялъ двѣ тетради: ко вторнику чтобы было готово. Придется ночки двѣ посидѣть,—ну, да за то прочное дѣло: каждый мѣсяцъ рублей 50 лишнихъ заработаешь. А то вѣдь хоть пропадай! Нынче бѣгалъ, бѣгалъ, просилъ, просилъ займы: насилу двѣ красненькихъ выпросилъ. И то, вѣдь, знаешь, чѣмъ беру, ципочка?

Соф. Ив. Чѣмъ, Володечка, чѣмъ?

Вл. Сер. Говорю всѣмъ, что я—единственный наслѣдникъ Пелагеи Матвѣевны, что у нея большое имѣнье.

Кап. Ив. Ну что-жь, вѣдь это правда?

Вл. Сер. Кажется, что правда... Ну, а все-жь-таки кривишь иной разъ душой. Нынче объявилъ одному, что она при смерти: сейчасъ же вынулъ деньги и далъ.

Соф. Ив. Кушай, Володечка, кушай! (*Цылуется мужа.*)

Лука. Смотрите, господа, какъ у него ложка пляшетъ въ рукахъ! Ха-ха-ха!

Вл. Сер. Запляшетъ, коли побыть три часа подрядъ въ этакой передѣлкѣ. Я изъ-за этихъ двухъ красненькихъ семь разъ вспотѣлъ. А главное—его превосходительство. Никогда еще не приходилось говорить съ нимъ такъ долго: до сихъ поръ какой-то туманъ въ глазахъ. На дверь посмотришь,—въ дверяхъ онъ мерещится, въ миску заглянешь,—и въ мискѣ онъ.

Лука. Ха-ха-ха!.. Знаете, господа, какъ у насъ Володю прозвали? «Перемежающейся лихорадкой»... Ха-ха-ха!..

Соф. Ив. Какъ вамъ не стыдно!

Лука. Простите: я отъ радости одурѣлъ и самъ не знаю, что плету.

Соф. Ив. Да, Володечка, у насъ новость!.. Ты, просто, не повѣришь!.. Угадай.

Вл. Сер. Что такое? что такое?

Соф. Ив. Лука Петровичъ женится на Дочкѣ.

Вл. Сер. (*роняя ложку*). Что?! Да правда ли это?!

Лука. Поздравь меня, Володя! Поздравь, дружище!

Вл. Сер. (*обнимая Луку*). Луканчикъ, милый другъ!.. Я такъ радъ, такъ радъ!.. Ну, депекъ сегодня выналь: какой-то особенный!.. Сонечка! Мамаша!.. (*Цылуется.*) А гдѣ же Додо?

Кап. Ив. Мы ужъ ее не трогаемъ: стыдится.

Сер. Фед. (*наливая рюмку водки*). Друзья мои! у насъ нѣтъ шампанскаго для поздравленья, но есть простая, добрая рюмка водки, которая за то идетъ прямо отъ души. Нынче мы принимаемъ въ свою семью новаго члена. Знай, Лука, что семья наша представляетъ изъ себя муравейникъ, въ которомъ каждый тащитъ свою соломинку для общей пользы. Тащи же и ты свою! Да процвѣтаетъ отнынѣ еще больше нашъ мирный семейный очагъ! да скрѣпятся еще прочнѣе узы любви, соединяющія насъ! Да здравствуетъ наша счастливая семья! Да здравствуетъ нашъ муравейникъ! Ура! (*Вытываетъ рюмку и закусьиваетъ.*)

Всѣ. Ура! (*Въ дверяхъ появляется Николай съ письмомъ въ рукахъ, за нимъ Акулина. Лука надѣваетъ картузъ и идетъ.*)

Вл. Сер. Куда ты, Лука?

Лука. Шампанскаго, чортъ побери, шампанскаго! Лечу на крыльяхъ купидона! (*Убѣгаетъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

Капитолина Ивановна, Софья Ивановна, Сергѣй Федосѣевичъ, Владимиръ Сергѣевичъ, Николай, Акулина, потомъ Додо.

Ник. (*подавая брату письмо*). Получай письмо: сейчасъ почтальонъ принесъ.

Вл. Сер. (*разсматривая письмо*). Загородное... И почеркъ незнакомый. Ужасно странно... (*Никакъ не можетъ вскрыть конверта.*) Какой нынче день удивительный: все время какъ въ лихорадкѣ. До чего дрожать руки: не могу вскрыть письма—да и только.

Ак. Кушали бы сначала: щи простынуть.

Вл. Сер. Что?

Ак. Щи, говорю, простынуть.

Вл. Сер. Ничего не понимаю...

Ак. (*махнувъ рукой*). Пойти пока на шестокъ поставить. (*Уноситъ щи.*)

Соф. Ив. Володечка, вотъ ножницы. Дай, я разрѣжу.

Кап. Ив. (*заглядывая въ письмо, которое Владимиръ Сергѣевичъ вынулъ изъ конверта.*) Отъ кого бы это?

Вл. Сер. Фу, въ глазахъ какая-то пестрота.
Соф. Ив. Володечка, дай я прочитаю.

Вл. Сер. Пстой, цпочка. Чья это подпись?
«Петръ Пономаревъ». Изъ Самарской губерніи.
(Акулина возвращается.)

Сер. Фед. Этo гдѣ имѣнье Пелагеи Матвѣевны?

Вл. Сер. Да, да... Пономаревъ — сосѣдъ ея.
Что же это значитъ? Ужь не умерла-ли?

Кап. Ив. Такъ читайте же скорѣй!

Вл. Сер. (читаетъ). «Милостивый государь мой, Владиміръ Сергѣевичъ! Честь имѣю увѣдомить васъ съ душевнымъ прискорбіемъ, что на дняхъ имѣеть прибыть въ Москву тѣло со сѣдки моей, Пелагеи Матвѣевны Хрящевой» —

Ак. (хлопнувъ себя по бедрамъ). Померла!

Сер. Фед. } Тсс!..

Кап. Ив. }

Соф. Ив. }

Вл. Сер. (читаетъ прерывающимся голосомъ). «Вамъ, какъ родственнику, воспитаннику и единственному наслѣднику, приличествовало бы встрѣтить съ честью бранные останки.

За симъ имѣю честь пребыть

Вашимъ, Милостивый Государь мой,
покорнѣйшимъ слугою,

Петромъ Пономаревымъ».

Господа... Охъ... (Его усаживаютъ въ кресло.) Воды!.. (Софья Ивановна наливаетъ изъ графина воды; Сергій Федосѣевичъ наливаетъ рюмку водки.)

Кап. Ив. Одеколону, одеколону дайте! (Бѣжитъ въ дверь направо и встрѣчается съ Додо, которая несетъ одеколонъ.)

Соф. Ив. Вотъ вода. Пей, Володечка.

Додо. Вотъ одеколонъ.

Сер. Фед. Выпей лучше рюмку водки.

Кап. Ив. Куда вы съ водкой лѣзете? Надо одеколону понюхать. (Подноситъ къ носу Владиміра Сергѣевича пузырекъ съ одеколономъ;

потомъ вмѣстѣ съ Додо натираетъ ему одеколономъ виски.)

Ник. Дай-ка, я лучше встряхну тебя: скорѣй очувствуешься. (Трясетъ Владиміра Сергѣевича за плечи. Его отталкиваютъ.)

Соф. Ив. Ты съ ума сошелъ, Коко!

Вл. Сер. Господа... Сонечка, мамаша... Довольно!.. Я отошелъ.

Сер. Фед. (выпивъ налитую рюмку). Что же это онъ пишетъ: «на дняхъ», — а когда на дняхъ, неизвѣстно. Да и зачѣмъ ее въ Москву везти? Непонятно, непонятно...

Вл. Сер. Тутъ ужъ некогда разсуждать: на вокзалъ надо ѣхать. Ее могутъ нынче же привезти... Поѣздъ приходитъ въ половинѣ седьмого... Акулина, бѣги за извозникомъ! (Акулина уходитъ.) Сонечка, дай мнѣ одѣться. (Софья Ивановна уходитъ въ дверь направо и приноситъ сюртукъ.) Боже мой, какъ же мнѣ теперь съ отчетами-то быть? У меня голова кругомъ идетъ!.. (Надѣваетъ сюртукъ.)

Кап. Ив. Отдайте Лукъ Петровичу. Очень вамъ нужны теперь эти отчеты!

Вл. Сер. Да, да!... Вы ему отдайте: ему нужно... Ну, бѣгу, бѣгу... Ничего не понимаю, ничего не соображаю... Дрожь какая-то во всемъ тѣлѣ... Ну, бѣгу, бѣгу!.. (Уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

Капитолина Ивановна, Софья Ивановна, Додо, Сергій Федосѣевичъ и Николай.

Кап. Ив. Сонечка, Додо, подите - ка: мнѣ нужно поговорить съ вами. (Уходитъ въ дверь направо; Софья Ивановна и Додо за ней.)

Сер. Фед. (смотря вслѣдъ ушедшимъ). А-а-а!.. Понимаю, въ чемъ дѣло!.. Заговоръ, заговоръ начинается!.. Ну, Николай, держись крѣпче: муравейникъ закопошился!..

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Декорация 1-го дѣйствія.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Николай и Акулина.

(Николай валяется на диванъ; Акулина мететъ комнату.)

Ак. Чего это ты валяешься, задрамши ногти? Небель-то портишь?

Ник. Молчать... У меня переутомленіе.

Ак. Бери указку, да садись гвоздить. Экзаментъ-то вѣдь на той недѣлѣ. Али забылъ ужъ?

Ник. Молчать... Теперь обстоятельства переѣнились: можно и на лаврахъ почить.

Ак. Пора ужъ съ братниной шеи то долой... Сѣлъ бы да гвоздилъ, пока никого нѣтъ. Что вы всѣ равно какъ ошалѣли?

Ник. Дура, чего мнѣ гвоздить? Я и такъ все знаю.

Ак. Ничего ты не знаешь.

Ник. (вскакиваетъ и беретъ глобусъ). Я не знаю?... Ну, смотри, дурында: я держу въ рукахъ весь земной шаръ... Вотъ онъ вертится передъ тобой вокругъ своей оси.

Ак. Врешь.

Ник. Вотъ Азія, колыбель человѣчества, вотъ Африка, гдѣ много обезьянъ...

Ак. Вотъ бы тебя туда.

Ник. Невѣжда! Когда я прославлюсь, я тебя на порогъ не пущу. Ты знаешь-ли, сколько верстъ отъ земли до солнца и отъ солнца до земли? Не знаешь, а я знаю.

Ак. И опять-таки врешь.

Ник. Все, все знаю, говорятъ тебѣ!

Ак. Кабы ты все зналъ, такъ не сидѣлъ бы безъ мѣста. *(За сценой стукъ въ дверь.)*

Ник. А вотъ какъ я щелкну тебя глобусомъ, такъ, авось, ты будешь повѣжливѣе... Ступай, отворяй: должно быть, бабѣ приползло. *(Акулина уходитъ.)* Ни на минуту не дадутъ сосредоточиться!.. Пойти хоть въ спальню повалиться. *(Уходитъ въ дверь направо. — Капитолина Ивановна, Софья Ивановна и Додо входятъ и раздѣваются; Акулина принимаетъ отъ нихъ верхнее платье и шляпки.)*

ЯВЛЕНИЕ 2-е.

Капитолина Ивановна, Софья Ивановна, Додо, и Акулина и Николай *(за сценой).*

Кап. Ив. Владиміръ Сергѣевичъ дома?

Ак. Пошли съ Сергѣемъ Федосѣвичемъ на машину прахъ встрѣчать.

Соф. Ив. Что это, Акулина, какая ты грязная. Надѣла бы что нибудь почище.

Ак. Не изъ чего мнѣ франтить-то. *(Уходитъ.)*

Додо. Я ужъ сказала вамъ, мамаша, что не пойду, не пойду за Волдырева, — и разговаривать больше не желаю! Нашли жениха! Хуже-то не могли выбрать?

Кап. Ив. Изъ кого выбирать, Додочка? На безлюдьи и Тома дворянинъ. Все лучше, чѣмъ старой дѣвой оставаться.

Додо. Видѣть не могу этого уroda!

Кап. Ив. Теперь обстоятельства пережѣнились: я вадѣюсь, опъ самъ пойметъ, что онъ тебѣ не пара. Я говорю только, что это нужно сдѣлать поприличнѣе. Это мы устроимъ, а теперь надо покончить съ квартирой... Ты говоришь, Софочка, что квартира тебѣ понравилась?

Соф. Ив. Прелесть, прелесть! Непремѣнно надо взять ее, только обои пережѣнить.

Кап. Ив. Те!.. Этотъ негодный Коко, того гляди, подслушаетъ.

Соф. Ив. *(заглядывая въ дверь направо).* Смотрите, мамаша, онъ валяется на моей постели!.. Слѣзай, слѣзай, гадкій мальчишка!

Ник. *(за сценой).* У меня переутомленіе!

Кап. Ив. Оставь его, Сонечка, а то придетъ сюда и помѣшаетъ намъ сговориться.

Соф. Ив. Какъ хотите, а я несогласна больше жить въ этой квартирѣ: отъ одного Коко не знаешь куда дѣваться! Тѣсно, ходъ черезъ кухню... Даже звонка нѣтъ.

Кап. Ив. Это Сергѣй Федосѣвичъ оборвалъ, пьяный... Чтобы взять квартиру, нуженъ задатокъ.

Соф. Ив. Володечка дасть денегъ, онъ долженъ дать. *(Входитъ Лука Петровичъ.)*

ЯВЛЕНИЕ 3-е.

Тѣ-же и Лука Петровичъ.

Лука. Фу, вотъ бѣжалъ-то! Одну старуху

съ ногъ сшибъ. Здравствуйте, Дарья Ивановна!.. Капитолина Ивановна!.. Софья Ивановна!

Соф. Ив. *(сухо).* Здравствуйте.

Лука. Я теперь радъ празднику, какъ школьникъ, потому что могу провести его въ кругу близкихъ, дорогихъ сердцу.. Какъ ваше здорovie, Дарья Ивановна?

Додо. Какъ видите.

Лука. Три дня не видалъ васъ: вѣдь это пѣлая вѣчность! Все за отчетами сидѣлъ. Вчера вечеромъ кончилъ, сдалъ и получилъ отъ его превосходительства благодарность. Спасибо Володѣ за отчетцы: красненькихъ пять въ мѣсяцъ набѣжить. Недурно вѣдь, Дарья Ивановна, для перваго раза, а?

Додо. Пять красненькихъ!.. Какіе милліоны!

Лука. Вы что-то, господа, нынче всѣ не въ духѣ?

Додо. За то вы очень веселы.

Лука. Простите! Я забылъ, что у васъ семейное горе. Вотъ такъ оказія случилась!

Соф. Ив. Что за выраженіе: «оказія»!

Кап. Ив. Надо быть тактичнѣе, Лука Петровичъ.

Додо. Нашли, съ кого спрашивать!

Лука. Право, я не знаю, господа, за что вы на меня разсердились... *(Входятъ Владиміръ Сергѣевичъ и Сергѣй Федосѣвичъ; за ними входитъ Акулина и начинаетъ накрывать на столъ.)*

ЯВЛЕНИЕ 4-е.

Капитолина Иванова, Софья Ивановна, Додо, Владиміръ Сергѣевичъ, Сергѣй Федосѣвичъ, Лука и Акулина. *Акулина въ продолженіе явленія уходитъ и входитъ нѣсколько разъ, собирая на столъ; въ концѣ явленія Николай.*

Вл. Сер. Что же это значить, наконецъ, папаша? Мы ни одного поѣзда не пропустили — и ничего не встрѣтили. Гдѣ же прахъ-то?

Лука. Здравствуй, Володя.

Вл. Сер. *(здороваясь съ Лукой).* Писалъ Пономареву, телеграммы посылалъ — и никакого отвѣта. Теперь остается одно ѣхать туда.

Сер. Фед. Подождемъ еще денька два... Здорово, Лука. Давно здѣсь? Не ѣлъ, чай? Ну вотъ погоди, будемъ обѣдать вмѣстѣ.

Лука *(здороваясь съ Сер. Фед.).* Всѣ эти дни за отчетомъ сидѣлъ. Вчера сдалъ, получилъ благодарность.

Сер. Фед. Старайся, старайся. Похвально.

Лука. Володя, позволь сказать тебѣ по дружески: ты напрасно манкируешь службой. Его превосходительство сердится. Онъ видѣлъ тебя на улицѣ и знаетъ, что ты здоровъ.

Вл. Сер. Молчи, Лука: я самъ не свой! Я разстроенъ, я ужасно разстроенъ! *(Хватается за голову.)*

Кап. Ив. Намъ деньги нужны, Владиміръ Сергѣевичъ.

Вл. Сер. Деньги? опять деньги? Я ужъ и

такъ полтора ста занялъ подь большіе проценты.

Кап. Ив. Я думаю, что мы можемъ теперь не кошбечничать.

Соф. Ив. Пора ужъ намъ жить почеловѣчески.

Вл. Сер. Софочка, да вѣдь еще неизвѣстно, что будетъ.

Кап. Ив. Какъ неизвѣстно? Вѣдь вы же прямой наслѣдникъ Хрящевой?

Вл. Сер. Право, я не знаю этого навѣрное...

Кап. Ив. Вы не знаете? Да о чемъ же вы раньше думали? Вѣдь вы родственникъ Хрящевой: какія же въ васъ родственныя чувства, если вы даже не знаете, кто ея прямой наслѣдникъ? Это грѣшно, это стыдно!

Сер. Фед. Что это вы ужъ очень горячитесь, многоуважаемая Капитолина Ивановна?

Вл. Сер. Я всегда писалъ ей и съ праздникомъ поздравлялъ.

Кап. Ив. Писалъ! Вы должны были съѣздить туда, укрѣпить родственныя чувства, — а вы... (*Сертью Федосъевичу*.) Вотъ выростили сына — мямлю!

Сер. Фед. Откуда въ васъ такая забота о чужихъ деньгахъ, почтенная Капитолина Ивановна? Хрящева знала прежде всего меня, а затѣмъ моего сына; о васъ же она не имѣла никакого понятія.

Кап. Ив. Васъ-то она знала! Оттого-то она и взяла къ себѣ вашего сына на воспитаніе: отъ хорошаго примѣра.

Вл. Сер. Мамаша, папаша, погодите ссориться. Посовѣтуйте, что мнѣ дѣлать?

Кап. Ив. Очень просто: продадимъ имѣнье, половину денегъ на расходы, половину въ банкъ.

Вл. Сер. Да, да... дѣйствительно въ банкъ.

Сер. Фед. Продать имѣнье! Что можетъ быть безумнѣе этого?.. Нѣтъ, я поѣду туда и буду управлять.

Вл. Сер. Управляйте, папаша...

Сер. Фед. Я сяду на землю и подниму хозяйственную часть.

Кап. Ив. Онъ сядетъ на землю! Да это умора!.. Напиться и плюхнуться на землю — вотъ это вы можете; только этимъ вы никакой части не поднимете: скорѣй васъ поднимутъ и отвезутъ въ часть.

Додо. Bravo, мамаша, bravo! Не уступайте!

Вл. Сер. Ну да, конечно, bravo... Такъ, значить, рѣшено: папаша ѣдетъ управлять, а мамаша продаетъ имѣнье и деньги въ банкъ... Ну, вотъ спасибо.

Лука. Да что ты ерундишь-то, «перемежающаяся лихорадка»?

Кап. Ив. Я вамъ русскимъ языкомъ говорю: сейчасъ же, немедленно продать имѣнье! Намъ деньги, деньги нужны!

Сер. Фед. Зачѣмъ же вамъ понадобились деньги, несравненная Капитолина Ивановна?

Кап. Ив. А хоть бы для Додо: она невѣста, ей приданое нужно, ее нужно вывозить въ свѣтъ. Поняли, несравненный Сергѣй Федосъевичъ?

Сер. Фед. Понимаю-съ! Вамъ самимъ хочется на старости лѣтъ разгуляться? Не упрятались еще, мадамъ? Подъ пятьдесятъ, а все курдашки завиваете... пукольки-то эти...

Кап. Ив. Во первыхъ, мнѣ не подь пятьдесятъ, а во вторыхъ, вы — олухъ!

Вл. Сер. Мамаша, пощадите!

Лука (*Сертью Федосъевичу*). Вывозить, я тоже думаю, не къ чему, но приданое обязательно надо дать. (*Вынимаетъ изъ кармана газету*.) Вотъ тутъ въ газетахъ публикуютъ: полное приданое и недорого и хорошо.

Сер. Фед. Ты-то для кого стараешься? Ты думаешь, они отгадаютъ теперь за тебя это сокровище? (*Киваетъ на Додо*.) Какже! Подика, поймай эту птячку!

Додо. Что, что? Осмѣльтесь повторить, что вы сказали!

Лука (*отходя*). Ого, однако!

Сер. Фед. Вижу, вижу: давно ужъ навострили ушки... воробушекъ невинный!

Додо. Посмотрю я, какъ вы мнѣ не дадите приданого! Посмотрю я, какъ вы не будете вывозить меня въ свѣтъ! Да я васъ со свѣту сживу!.. Чтобы я попржнему стала сидѣть въ четырехъ стѣнахъ да смотрѣть на ваше глупое лицо — какже! (*Владиміру Сергѣевичу*.) Вы хотите, чтобы я цѣлый вѣкъ вязала для васъ шарфы? Ошибаетесь, очень ошибаетесь! И этого довязывать не стану! (*Бросаетъ шарфъ на колѣни Владиміру Сергѣевичу*.) Выдавайте замужъ, тогда довяжу.

Лука. Дарья Ивановна, да развѣ Володя не выдаетъ васъ?..

Додо. Что, что? И вы за него? Ахъ вы... (*Вырываетъ у него газету, колкаетъ и бросаетъ ему въ лицо*.)

Лука (*всторону*). Ого-го, однако!.. Что же это такое? Глазками-то такъ и хочетъ съѣсть! (*Додо*.) Дарья Ивановна, какъ объяснить эти поступки?..

Додо. Уйдите прочь!.. (*Владиміру Сергѣевичу*.) Я не хочу оставаться старой дѣвой, — зарубите это себѣ на носу! А кто возьметъ меня безъ приданого? Развѣ какой-нибудь Лука Петровичъ Волдыревъ! Такъ я не хочу выдти за Волдырева и быть какой-нибудь столоначальницей. Я хочу жить не хуже другихъ! Хоть годъ, да мой!

Лука (*всторону*). «Какой-нибудь Лука Петровичъ!» Ахъ, чортъ побери, какія онѣ откровенныя! Просто въ голову ударило! Перекусить бы да удрать поскорѣе. (*Расправляетъ газету, забивается въ дальній уголъ и дѣлаетъ видъ, что читаетъ. Софья Ивановна вдругъ раздражается плачемъ*.)

Вл. Сер. Сонечка, Сонечка!.. О чемъ?

Соф. Ив. Да что же, я жена или нѣтъ?

Вл. Сер. Софочка!

Соф. Ив. Всѣ говорятъ: мамаша, папаша, Додо... даже этотъ тюфякъ Лука Петровичъ (*Лука выглядываетъ изъ-за газеты*),—а я молчу, я молчу, какъ будто я не жена!.. Володечка, ты—скверный человѣкъ!

Вл. Сер. Другъ мой, дай же мнѣ опомниться!

Соф. Ив. Слишкомъ поздно вы хотите опомниться. Вы должны были прежде всего спросить меня: чего я хочу, чего мнѣ нужно... Понимаешь ты, бездушный?

Вл. Сер. Чего же ты, ангелъ мой, хочешь?

Соф. Ив. Я хочу, чтобы вы сейчасъ же взяли отпускъ и везли меня въ Крымъ.

Вл. Сер. Сонечка, это невозможно: у меня и такъ упущеніе по службѣ, и такъ начальство сердится.

Соф. Ив. Да что важнѣе: жена или служба?

Вл. Сер. И отпуска теперь не дадутъ.

Соф. Ив. Тогда выходите въ отставку. Какая, подумаешь, невидаль ваша служба!

Вл. Сер. Но пойми же, Сонечка.

Соф. Ив. Ничего не хочу понимать! Везите меня въ Крымъ, а оттуда—въ Желѣзноводскъ.

Вл. Сер. Сонечка!

Соф. Ив. А изъ Желѣзноводска—въ Парижъ. Такъ всѣ дѣлають. А я, кромѣ того, больна: у меня малокровіе.

Сер. Ѳед. У васъ малокровіе? Въ такомъ случаѣ на Лукѣ кожа да кости. (*Лука боязливо выглядываетъ изъ-за газеты*.)

Соф. Ив. Извольте помолчать, когда жена говоритъ мужу! Мнѣ нужно лѣчиться! Володечка, вѣдь это необходимо для нашихъ дѣтей!

Сер. Ѳед. Да гдѣ они, гдѣ? Вѣдь ихъ нѣтъ!

Соф. Ив. Все равно! Это должно отозваться... У меня есть еще разныя болѣзни, о которыхъ я не хочу говорить... Или ты хочешь, что бы и я, и дѣти умерли?

Вл. Сер. Сонечка, я беру отпускъ, я ѣду въ Крымъ. Успокойся.

Нап. Ив. Да и мнѣ необходимъ правильный курсъ лѣченья: соленныя ванны, грязи, кумысъ... Чего я только не перенесла, пока не воспитала для васъ такую жену! Я все дѣлала за нее: я не позволяла ей даже подходить къ кухнѣ. Все сама, все сама! А, вѣдь, у меня ихъ шестеро было!

Сер. Ѳед. Изъ которыхъ четверыхъ вы уморили своимъ умнымъ воспитаніемъ, а двухъ вы растили... только не на радость людямъ.

Нап. Ив. Что вы осмѣлились сказать?

Соф. Ив. } Повторите!
Додо. }

Вл. Сер. Мамаша, Сонечка, не волнуйтесь: все сдѣлается, все совершится. И вылѣчимъ, и замужъ выдадимъ. Сонечку въ Крымъ, мамашу женимъ... то бишь, замужъ... Додо—на кумысъ...

Додо. Пейте сами: авось, поумнѣете.

Нап. Ив. Что за чушь вы плетете?

Вл. Сер. Господа, у меня страшно голова разболѣлась!

(*Акулина быстро уходитъ въ кухню*.)

Нап. Ив. У меня весь вѣкъ голова болитъ, да я не жалуясь.

Ак. (*входитъ съ мокрымъ полотенцемъ и хочетъ повязать имъ голову Владиміру Сергѣевичу*.) Дайка мокренькимъ-то завяжу.

Вл. Сер. Ай!.. Ты съ ума сошла, Акулина!

Ак. (*повязывая ему голову*). Дай-ка, дай-ка, завяжу: отъ нихъ угоришь, вѣдь... да еще не ѣвши-то...

Вл. Сер. Ну, дѣлай, что хочешь: я какъ мертвый.

Сер. Ѳед. Пока я живъ, я не допущу Владиміра до продажи имѣнья!

Нап. Ив. А онъ все-таки продастъ, потому что этого хочу я, хочетъ Сонечка.

Додо. И я хочу. Извольте продать.

Вл. Сер. Хорошо... Я согласенъ.

Сер. Ѳед. Какъ? Ты идешь противъ отца?

Соф. Ив. Жена въ миллионъ разъ ближе, чѣмъ отецъ!

Сер. Ѳед. Не будетъ же тебѣ моего отцовскаго благословенія!

Вл. Сер. Папаша, не сердитесь: все будетъ по вашему.

Соф. Ив. А, вотъ вы какъ!.. Въ такомъ случаѣ вы мнѣ не мужъ!

Нап. Ив. Да что же это, на тиранство я вамъ отдала ее, что-ли?

Вл. Сер. Мамаша, я на все согласенъ, со всѣми согласенъ... Лука, поддержи хоть ты меня!

Лука. Володя, я тоже согласенъ и съ тобой и со всѣми. (*Встопорону*.) Гдѣ моя шляпа-то?

Вл. Сер. Приданое, Крымъ, соленныя ванны... Все будетъ, на все согласенъ!

Нап. Ив. Зародится же этакая мямля! Не мужъ вы, а теленокъ!

Вл. Сер. Дайте мнѣ, Бога ради, воды! (*Акулина уходитъ въ кухню*.)

Нап. Ив. Не будетъ вамъ воды! Вы, чортъ знаетъ, что за человѣкъ!.. Видите студень? Такъ вотъ вы что такое, вотъ, вотъ, вотъ! (*Хлопаетъ ложкой по студню*. Въ дверяхъ направо показывается Николай.)

Додо (*подскакивая къ Владиміру Сергѣевичу*.) Ахъ вы, мучитель! Развѣ вы не видите, что Соня плачетъ? Да я бы на ея мѣстѣ спицей васъ всего исколола! У-у-у! (*Тычетъ въ него спицей*.)

Лука (*встопорону*). Воображаю себя на его мѣстѣ! Вотъ такъ блаженство! Куда я дѣвалъ шляпу? (*Встаетъ и украдкой ищетъ шляпу*.)

Ак. (*входитъ съ ковшомъ воды и подаетъ Владиміру Сергѣевичу*.) На-те-ка холодненькой, отпивайтесь. Ишь, инда трепещется весь!

Ник. (*выступая*). Господа, вы, кажется, ужь все подѣлили между собой? Поторопились немножко: я тоже требую своей доли. Пусть Владиміръ дастъ мнѣ пензъ, чтобы я могъ быть земскимъ начальникомъ. Во первыхъ, просвѣщенные люди нужны въ провинціи, а во вторыхъ я страдаю переутомленіемъ. Вотъ все, что я хотѣлъ сказать, и, надѣюсь, что этого довольно.

Нап. Ив. И овъ денегъ просить! Мальчишка, котораго еще сѣчь нужно!.. Ха-ха-ха!

Додо. Сидите да долбите свои глупыя книжки! Молокососишко!

Ник. Ахъ вы, куриные мозги! Стану я сидѣть за книжками, когда передо мной открывается широкое поприще! Нѣтъ-съ, къ чорту экзамень! Я и такъ знаю больше, чѣмъ нужно. Я чувствую у себя въ рукахъ рычагъ Архимеда!..

Вл. Сер. Николай, постыдись!

Ник. Дождаться, пока они ошипятъ тебя, какъ тетерьку? Слуга покорный!.. Провались весь этотъ хламъ въ тартарары!.. Я жить хочу! Я и безъ книжекъ прославлюсь!.. (*Швыряетъ книги и попадаетъ въ Акулину.*)

Ак. Ты швырай, да полегче. Я молчу, молчу, да и сама шваркну. Ишь ты какой, серебряный вызолоченный въ окладѣ! Начальникомъ быть захотѣлъ! Да ты и въ пастухи-то не годишься: въ подпаски развѣ. Да и вы-то всѣ хороши! Смотрю, идетъ дѣвляжка, — а меня ровно и на свѣтѣ нѣтъ! Хорошие-то хозяева перво-наперво прислугѣ заплатятъ, довѣренность свою оправдаютъ, а тамъ ужь и о приданныхъ говорить.

Додо (*налетая*). Убирайся, убирайся, убирайся!

Соф. Ив. Иди на кухню, дрянная! Развѣ здѣсь твое мѣсто?

Ак. Какъ?! То «Акулинушка, Акулинушка», а то «дрянная, убирайся?..» Подайте за пять мѣсяцевъ жалованье, — минуты не останусь въ этакомъ прокаженномъ мѣстѣ!

Нап. Ив. Ну куда ты пойдешь? Кто тебя возьметъ?

Ак. Куда бы ни пошла! Возьму да уйду скрозь: я человекъ никому не обязательный. Почетъ-то мнѣ здѣсь, я вижу, хуже, чѣмъ соборному дьячку. Что я у васъ ровно шутовка какая? Ни тебѣ подарка, ни тебѣ уваженія! Хотъ бы въ глаза плюнули!

Ник. Это можно. Изволь.

Ак. Молчи, змѣенышъ!.. Вотъ попала на мѣсто-то! И зачѣмъ я отъ полковника ушла? Лукавый попуталь! Изъ такой тишины, изъ такого откровенія — и въ этакій адъ! Да тутъ волны такъ и плещутъ, такъ ходуномъ и ходятъ!.. Мочушки моей не стало! (*Бѣжитъ въ кухню, приноситъ кусокъ ситцу и швыряетъ его на полъ.*) Вотъ ваша гниль! Берите назадъ, давайте разсчитать!

Сер. Фед. Пошла вонъ, скандалистка!

Додо. Уйди, грязная, уйди! (*Николай замахивается на Акулину глобусомъ.*)

Ак. И уйду! Нечего лобусомъ-то махать! Вы мнѣ денежки мои подайте, трудовыя, потныя!

Нап. Ив. Ни гроша не получишь!

Соф. Ив. Гоните ее: у меня мигрень начинается!

Ак. Что же это, люди добрые? Среди бѣла дня грабятъ! Да я караулъ кричать буду!.. Ну, погодите же, я вамъ покажу, какова есть на свѣтѣ Акулина! (*Убѣгаетъ въ кухню.*)

ЯВЛЕНИЕ 5-е.

Тѣ же безъ Акулины.

Нап. Ив. Грубянка. (*Натѣкаетъ на Луку, который ищетъ свою шляпу.*) А вы чего тутъ кружитесь? Куда не обернешься, вездѣ на васъ наткнешься. (*Слышенъ трескъ разбиваемой посуды.*) Да она тамъ посуду бьетъ! (*Убѣгаетъ въ кухню.*)

Лука (*всторону*). Вотъ, когда бы полцарства отдалъ за шляпу! (*Замѣчаетъ на столѣ подъ вышиваньемъ свою шляпу и украдкой извлекаетъ ее оттуда.*)

Вл. Сер. Охъ, хоть бы недѣльки на двѣ въ больницу лечь: отдохнуть... (*Замытливъ движеніе Луки, цѣпляется за него.*) Нѣтъ, нѣтъ, Лука, не пущу! Вѣдь на людяхъ и смерть красна!

Лука. Отдай шляпу! Плюну, уйду, отрясу прахъ!

Вл. Сер. (*съ испугомъ*). Какой прахъ?.. (*Опомнившись.*) Ни за что не отпущу! (*Вырываетъ у Луки шляпу и, сколжавъ, кладетъ въ карманъ. Лука въ отчаяніи. Вбѣгаетъ Капитолина Ивановна.*)

Нап. Ив. Разбойница, она тамъ всѣ горшки перебила!

Додо. Владиміръ Сергѣевичъ, извольте связать ее!

Соф. Ив. Ахъ... ахъ...

Нап. Ив. (*торжественно*). Владиміръ Сергѣевичъ! Если вы сію же минуту не оградите Сонечку и меня отъ подобныхъ издѣвательствъ, я беру ее и ухожу отъ васъ. Поняли!

Сер. Фед. (*указывая на Капитолину Ивановну.*) Если ты промѣняешь отца родного на эту женщину, я беру Николая и ухожу.

Соф. Ив. Володька, дрянной! Неужели ты промѣняешь на кого-нибудь мамашу, этого ангела?!

Сер. Фед. Падшаго, прибавьте, падшаго!

Нап. Ив. Сонечка, Додо, одѣвайтесь! (*Капитолина Ивановна, Софья Ивановна и Додо идутъ въ среднюю дверь. Владиміръ Сергѣевичъ старается остановить ихъ; Лука хочетъ вытащить у него шляпу, но тотъ придерживаетъ ее.*)

Вл. Сер. Мамаша!... Сонечка!... Побойтесь Бога! (*Капитолина Ивановна, Софья Ива-*

новна и Додо уходятъ; Владиміръ Сергѣевичъ порывается за ними; Николай не пускаетъ его.)

Ник. Будь, наконецъ, мужчиной! Перестань вертѣться вокругъ своей оси!

Вл. Сер. (отчаянно). Мамаша!

Сер. Фед. А, тебѣ нужна мамаша? (Тащитъ Николая.) Идемъ, Николай! Вонъ изъ этого дома!

Вл. Сер. Да что же это такое?!. (Сергѣй Федосѣевичъ и Николай уходятъ.)

Лука. Володя, отдай шляпу, заклинаю тебя! Меня параличъ хватить! (Капитолина Ивановна, Софья Ивановна и Додо входятъ въ палату и шляпки.)

Вл. Сер. Бога вы не боитесь, мамаша! (Входятъ Сергѣй Федосѣевичъ и Николай, одѣтые въ пальто.)

Кап. Ив. (указывая на Сергѣя Федосѣевича.) Или я, или пьяница!.. Смотрите, смотрите, какъ у него лицо прыгаетъ!.. Я боюсь его!...

Сер. Фед. Оставайтесь, обворожительная Капитолина Ивановна: живите, торжествуйте, завивайте кудряшки, пускайте денежки моего сына по вѣтру!... А мы съ Николаемъ, бѣдные изгнанники, скитальцы, пойдемъ искать пріюта у чужихъ людей. Дай, обопрусь на тебя, Никола!

Додо. Комедіанщикъ!

Ник. Однако, папаша, вы-таки на меня навалились. Можетъ быть, это и трогательно, да не подь силу.

Вл. Сер. Лука, я изнемогаю! Что мнѣ дѣлать,—научи хоть ты меня!

Лука. Что дѣлать?.. Ложись да помирай.

Вл. Сер. Николай, хоть бы ты поддержалъ меня!!

Ник. Я и папашу-то едва поддерживаю.

Додо. Да скоро-ли они уберутся?

Сер. Фед. Прощай, неблагодарный сынъ!

Ник. (подойдя къ брату). Плюнь на все! Кутнемъ съ тобой хорошенько! Луку прихватимъ для скуки! (Владиміръ Сергѣевичъ машетъ руками.)

Сер. Фед. Прощайте, дрожайшая Капитолина Ивановна! Позвольте сказать вамъ на прощанье прочувствованное слово. До сихъ поръ я считалъ васъ хотя глухой, вздорной, взбалмошной и ехидной, но, тѣмъ не менѣе, порядочной женщиной; сегодня же я убѣдился, что вы просто-напросто гадина.

Кап. Ив. (наступая на него). Гадина?.. Я—гадина?!

Вл. Сер. }
Соф. Ив. } Мамаша! Мамаша!

Лука. Драка?! Убѣгу на кухню! (Убѣгаетъ.)

Сер. Фед. (загораживаясь руками). Капитолина Ивановна, личность должна быть неприкосновенна!

Кап. Ив. Дайте, дайте мнѣ до него добраться!

Сер. Фед. Личность должна быть неприкосновенна!

Кап. Ив. У меня все будетъ прикосновенно! (Въ дверяхъ появляется Пелагея Матвѣевна, укутанная во множество платковъ и обутая въ валенки; за ней Платонидушка, которая поддерживаетъ ее подъ руку; сзади Акулина.)

ЯВЛЕНИЕ 6-е.

Капитолина Ивановна, Софья Ивановна, Додо, Сергѣй Федосѣевичъ, Владиміръ Сергѣевичъ, Пелагея Матвѣевна, Платонида, Акулина и Николай

Пел. Мат. (остановившись въ дверяхъ). Это что такое? Что за шуты гороховые? Сюда-ли мы попали, Платонидушка?

Плат. Надо быть, сюда-съ. Вонъ Владиміръ Сергѣевичъ: вонъ полотенчикомъ-то подвязаны-съ.

Вл. Сер. Пелагея Матвѣевна?!. (Общее изумление и испугъ. Акулина подходит къ Пелагее Матвѣевнѣ и смотритъ на нее съ жаднымъ любопытствомъ.)

Пел. Мат. (Акулинѣ). Ты чего на меня тарачишься? Пошла прочь... Такъ-то вы встрѣчаете родственниковъ?

Вл. Сер. Пелагея Матвѣевна... (Обиій гулъ.)

Пел. Мат. Ну?.. Да что я съ того свѣта пришла къ вамъ, что-ли?

Ак. Охъ, страсти!

Вл. Сер. Пелагея Матвѣевна...

Пел. Мат. Ну? Слышала ужъ.

Вл. Сер. А какъ же... тѣло-то?

Ак. Охъ, страсти!

Пел. Мат. Что, что? Какое тѣло?

Вл. Сер. Ваше, Пелагея Матвѣевна.

Пел. Мат. Что-о? Веди меня отсюда, Платонидушка, веди скорѣе!

Плат. Ахъ, матушки мои! Вотъ грѣхъ-то!

Вл. Сер. Пелагея Матвѣевна, я ни душой, ни тѣломъ... Но получивши письмо по почтѣ отъ Пономарева.

Пел. Мат. А, вотъ оно что! Это я разберу. Раздѣвай меня, Платонида. (Платонида раздѣваетъ ее; Капитолина Ивановна, Софья Ивановна и Додо помогаютъ ей.) Это я разберу.

Вл. Сер. Вотъ письмо. (Подаетъ.) Пелагея Матвѣевна, позвольте вамъ представить: мамаша, папаша, Сонечка.

Пел. Мат. Да ты угорѣлъ, что-ли?

Вл. Сер. Какъ?

Пел. Мат. Полотенце-то наматаль. (Владиміръ Сергѣевичъ снимаетъ съ головы полотенце.)

Кап. Ив. Ахъ, мы такъ рады, такъ рады, видя васъ въ добромъ здравіи, Пелагея Матвѣевна!

Сер. Фед. Позвольте, я васъ тутъ немножко почищу.

Кап. Ив. Сонечка, Додо, вотъ та, которую вы такъ мечтали видѣть!

Пел. Мат. Спасибо, голубки... Мнѣ вотъ про тѣло-то хочется поскорѣе узвать. (*Ее усаживаютъ въ кресло.*) Посмотримъ, что написалъ Пономаревъ.

Плат. (*подавая очки*). Очки!

Пел. Мат. Не надо: четко написано. (*Читаетъ про себя, потомъ передаетъ Платонида.* *Капитолина Ивановна, Софья Ивановна, Додо, Сергій Федосеевичъ и Николай снимаютъ въ это время пальто и отправляются, перешептываясь между собой.*) Смотри, что сочинилъ. Вотъ ужъ правда: заставь дурака Богу молиться, онъ и лобъ расшибетъ... Нѣтъ, милые, я, слава Богу, жива и здорова. Давно къ вамъ собиралась. Живешь, живешь въ мышинной норкѣ-то, — надо и свѣтъ повидать. Вотъ и пріѣхала: святынямъ московскимъ поклониться, да на вашу столичную жизнь посмотрѣть, какъ вы тутъ безобразничаете. Меня очень доняли письма твоей, Владиміръ: какъ женился, такъ въ каждомъ письмѣ денегъ просить. Что такое, думаю, это значить? Жилъ у меня, не баловался: къ роскоши не привыкъ. А тутъ на поди!... И очень это мнѣ хотѣлось дознаться. Взяла да и пріѣхала. И ничего: жива и здорова, развѣ здѣсь уморять.

Ак. А тутъ, сударыня Пелагея Матвѣевна, передъ вашимъ приходомъ что творилось—и, и, и! Настоящая турецкая канпанія!

Кап. Ив. Ступай, ступай, ставь самоваръ скорѣе.

Пел. Мат. Нѣтъ, постой, погоди. Вотъ это-то мнѣ и интересно. Я и сама, вошедши, замѣтила, что какъ будто они не добромъ поговариваютъ.

Сер. Фед. Такъ, маленькія семейныя шероховатости. Знаете, гдѣ много женщинъ, тамъ ужъ всегда... Впрочемъ, не стоитъ и говорить объ этомъ.

Пел. Мат. Ну и молчи... А ты... какъ тебя? Матрена, что-ли?

Ак. Акулина, сударыня, Акулина. Ихъ Платонидушкой зовутъ, а меня Акулиной. Рядомъ и именины-то наши: Платониды 6-го апрѣля, а Акилины—7-го.

Пел. Мат. Очень мнѣ нужно знать про твои именины. Ты про баталію-то расскажи.

Ак. Какъ, значить, началась у нихъ эта самая дѣлежка, какъ зачали они наслѣдство-то это дѣлать...

Пел. Мат. Какое?

Ак. Ваше, сударыня, ваше.

Плат. Ахъ, ахъ, ахъ!.. Какой срамъ-съ!

Кап. Ив. Неужели вы вѣрите глупой бабѣ, Пелагея Матвѣевна?

Пел. Мат. Говори, говори, Акулинушка: выводи ихъ на свѣжую воду.

Ак. Да ужъ выведу! Меня изобидѣли, такъ

и я невѣсткѣ въ отместку... Какъ началась у нихъ, матушка, Пелагея Матвѣевна, битва битвенская, такъ у меня инда вольный свѣтъ выкатился изъ глазъ. Одна кричитъ: «Вези меня въ Крымъ!» Другая: «Подзавай мнѣ соленую грязь!» (*Указывая на Додо.*) Вонъ даже та смиренница, сидитъ, воды не заму-титъ, — а тутъ такимъ ястребомъ налетѣла: «Давайте приданое, замужь хочю!...» Вынь да положь!

Плат. Фу, слушать даже приторно-съ!

Пел. Мат. Поди-ка, поди-ка сюда, смиренница, дай посмотрѣть на тебя. (*Додо подходитъ съ притворной застѣнчивостію.*) Сестрицей доводитеесь Софьѣ Ивановнѣ-то? Писалъ, вѣдь, мнѣ Владиміръ про всѣхъ: знаю смиренство-то ваше. (*Смотритъ на нее.*) Такъ, такъ... Глазки въ землю: совсѣмъ тихоня. Взгляни-ка на меня. (*Додо поднимаетъ глаза.*) Ой, фальшивишь! Актерка... Лиса Патрикѣевна... Не люблю такихъ.

Додо. Вы, должно быть, однѣхъ Платонидушекъ любите?

Пел. Мат. Слышишь, Платонида—а?

Плат. Одна дерзкость и больше ничего-съ. Додо (*на Платониду.*) Шпичка!

Кап. Ив. Извините меня, Пелагея Матвѣевна...

Пел. Мат. Разберу, матушка, все разберу: затѣмъ и пришла сюда.

Ак. Доложу вамъ, сударыня, и про хозяйку тоже, про молодую. Ну ужъ! Жила, жила съ мамашей въ нуждѣ - то, глодала корку - то, а вышла замужь—фу ты, ну ты! Изъ-подъ тряпки да въ шляпки, изъ кельи да въ мантели. Чуть что, сейчасъ это у нея мигрень вскочить.

Соф. Ив. Мамаша, что же это?! Володечка!

Вл. Сер. Пошла ты, Акулина! Безсовѣстная!

Кап. Ив. Я не позволю кухаркѣ оскорблять мою дочь!

Пел. Мат. Матушка, не сердитесь, пусть ее говоритъ. Вы всѣ — столичные, а мы съ ней простыя, лыкомъ шитыя. Вѣдь вы, модницы, того гляди, на смѣхъ меня подымете... Софья Ивановна, подойдите ко мнѣ, голубушка, познакомьтесь хорошенько, не бойтесь. (*Софья Ивановна нерѣшительно подходитъ.*) Мнѣ, вѣдь, Владиміръ писалъ объ васъ: не жену, говоритъ, нашель, а сокровище. (*Омьдываетъ ее.*) Ничего, свѣженькая... Какъ хозяйничаете, матушка? Ртовъ у васъ много, а жалованьишко у Владиміра не Богъ вѣсть какое.

Кап. Ив. Соня у меня хозяйка не хуже другихъ.

Пел. Мат. Вотъ это мнѣ пріятно слышать. Скажите мнѣ, матушка Софья Ивановна,—хорошо, что кстаті вспомнила!—почемъ у васъ тутъ эти вѣеры продаются? Вотъ, чѣмъ обмахиваются-то.

Соф. Ив. Вѣера?

Пел. Мат. Ну да... Приѣхала въ столицу, такъ франтить надо.

Соф. Ив. (*оживляясь*). Вѣера разные бывають, на разныя дѣны. Это ужъ я очень хорошо знаю. Хотите, поѣдьте вмѣстѣ по магазинамъ и выберемъ?.. Я ужъ пи копѣечки не переплачу. Меня у Мерилиза знаютъ.

Пел. Мат. Вотъ спасибо. Молоды вы, голубушка Софья Ивановна, а умокъ у васъ свѣтлый... Ну, а почему у васъ тутъ чухонское масло?

Соф. Ив. Масло?

Ак. Чухонское масло у насъ...

Пел. Мат. Молчи. Знай, сверчокъ, свой шестокъ.

Соф. Ив. Я сама не хожу въ лавочку за чухонскимъ масломъ.

Вл. Сер. Да, Пелагея Матвѣевна, вѣдь Сопечка не ходитъ.

Пел. Мат. И вправду, экая я дура! Говорю, что просите меня... А все же мнѣ неймется: хочется еще объ одномъ спросить. Можно?

Соф. Ив. Ахъ, мнѣ очень пріятно.

Пел. Мат. Вотъ слышала я, что у васъ въ Москвѣ пироги знаменито пекутъ. Въ чемъ тутъ главный секретъ, матушка? Вы сколько дрожжей кладете?

Ак. Ежели насчетъ дрожжей...

Пел. Мат. Да уймешься-ли ты, хамка!.. Что это, Софья Ивановна, какъ вы ее распустили?

Соф. Ив. Дрожжей мы кладемъ очень мало: самое большое—четверть фунта, даже меньше. (*Платонида и Акулина фыркають.*)

Пел. Мат. Такъ вотъ отчего пироги-то у васъ хорошо выходятъ. Спасибо, матушка. (*Сергій Федосѣевичъ и Николай смѣются.*)

Соф. Ив. Володечка, я не хочу, чтобы меня экзаменовали! (*Слезы. — Владиміръ Сергѣевичъ старается утѣшить ее.*)

Пел. Мат. Ну, вотъ, сейчасъ и мигрень вскоичить. Хоть бы разъ посмотрѣла, какъ это дѣлается по модному-то. (*Николай хохочетъ.*)

Плат. (*Пелагея Матвѣевна*). А то еще, сударыня, говорятъ, дезакольте здѣсь носятъ. Вотъ бы спросить, почему у нихъ эти самыя дезакольте?.. Хи-хи-хи!

Пел. Мат. Да ты что это? Никакъ смѣяться надъ моими родными вздумала, а?

Плат. (*смутившись*). Я ничего-съ...

Пел. Мат. То-то!

Кап. Ив. (*обнимая Софью Ивановну*). Пелагея Матвѣевна, при всемъ моемъ уваженіи къ вамъ.

Пел. Мат. (*указывая на Николая*). А это что за грохотунъ у васъ? (*Николай углубляется въ книгу.*)

Кап. Ив. Да, вотъ вы лучше обратите вниманіе на этого мальчишку: это бичъ нашей семьи, — младшій братецъ Владиміра Сергѣевича. Хочетъ къ вамъ въ земскіе начальники.

Ак. Такъ это онъ у нихъ... въ родѣ какъ

юродивый. Не къ шубѣ рукавъ, какъ говорится.

Пел. Мат. А ну-ка, начальникъ, покажись. (*Софья Ивановна и Додо смѣются.*) Эй, ученый!

Додо. (*толкая Николая*). Нечего притворяться!

Ак. Ступай, Варвара, на расправу!

Ник. А?

Пел. Мат. Поди-ка, расскажи, какъ ты начальствовать-то падъ пами будешь.

Ник. Что-жь, при моей эрудици, при моемъ знаніи Россіи...

Вл. Сер. Ахъ, Николай, не срамись! Ну откуда тебѣ знать Россію? Ты и въ деревнѣ-то никогда не бывалъ.

Додо. А въ Сокольникахъ-то гостилъ прошлое лѣто? Ха, ха, ха!..

Ник. Я не былъ въ деревнѣ, по это не мѣшаетъ мнѣ знать ее.

Пел. Мат. Ой-ли?.. А нутка, я тебѣ провѣрку сдѣлаю. Скажи ты мнѣ, мудреный человекъ: когда озимые сѣютъ?

Ак. У насъ въ Рязанской...

Пел. Мат. Да заткните ей глотку чѣмъ-нибудь!..

Ник. Озимые сѣютъ зимой, оттого они и называются озимые. (*Акулина и Платонида раздражаются смѣхомъ.*)

Вл. Сер. Ахъ, Николай!.. Молчи ужъ лучше!

Пел. Мат. Да ты слыхалъ-ли, какіе хлѣба-то бывають?

Ник. Хлѣба?

Додо. Онъ и этого не знаетъ! Ха, ха, ха!

Пел. Мат. А ты, чай, знаешь?

Додо. Конечно, знаю: бѣлый, черный и пеклеванный. (*Смѣхъ.*)

Ник. Это всякій дуракъ знаетъ. Развѣ это эрудиція? Я знаю законъ Божій, русскій, ариеметику, алгебру, геометрію, исторію, географію, Европу, Азію, Африку, Америку, Австралію...

Пел. Мат. Пстой, постой, шершавый! Ты мнѣ скажи лучше: видалъ-ли ты когда-нибудь избу? Что за изба такая?

Ник. Конечно, видалъ. И избу знаю.

Пел. Мат. Ну, какъ ты понимаешь: что такое клѣтъ?

Ник. Клѣтъ?.. Это куда на зиму скотъ забирають. (*Хохотъ.*)

Ак. Говорила тебѣ: долби, гвозди!.. Три раза ужъ съ экзамена гоняли.

Ник. Да чего вы смѣтаетесь? Самы ничего не знаете!

Додо. Нѣтъ, мы-то знаемъ!

Пел. Мат. А ну-ка, умница, скажи: какая такая клѣтъ?

Додо. Клѣтъ—это гдѣ мужики смятъ, когда повѣнчаются. (*Хохотъ.*)

Пел. Мат. Ну, довольно: позабавили. Одинъ другого лучше. Вѣдь вотъ, Платонидушка: лю-

ди молодые, а какіе отважные! Что значить столица-то!

Плат. Это отъ развязной жизни-съ!

Ак. Куда тутъ молодые! Что старые-то дѣлаютъ!.. Сказала бы словечко, да волкъ недалеко.

Пел. Мат. Это ты послѣ расскажешь, а теперь не пора-ли намъ, Платопидушка, во свояси? Еще въ соборъ къ вечернѣ надо поспѣть.

Кап. Ив. Куда же вы отъ насъ уходите, Пелагея Матвѣевна?

Пел. Мат. А я комнату сняла, матушка, комнату.

Кап. Ив. Обижаете насъ!

Пел. Мат. Зачѣмъ я вамъ живая-то?

Сер. Ѳед. Ай, ай, Пелагея Матвѣевна!... Повѣрьте, что мы денно и ночью возсылаемъ молитвы...

Пел. Мат. Молчи. Знаю я тебя.. іезуитикъ.

Кап. Ив. Я понимаю: вы уходите потому, что повѣрили сплетнямъ этой бабы. (*Акуминъ.*) Неблагодарная! мы-ли о тебѣ ни заботились?

Ак. Эхъ, говорить-то только не хочется!.. Ужь я-ли для нихъ не старалась: день-деньской изъ испарины не выходила! Съ одной печкой субразу никакого нѣтъ... А все какъ была чумичкой, такъ и осталась: ни платъца, ни фартучка! Живешь, точно какая калѣка переходящая! Вотъ жисть-то моя, сударыня Пелагея Матвѣевна! (*Утираетъ фартукомъ глаза.*)

Плат. (*шуная на Акуминъ платъе*). Почему ситчикъ-то покупала?

Ак. Дареный... Сейчасъ видно, что дареный: люющій-разлюющій!

Плат. Чай-сахаръ хозяйскіе?

Ак. Ихніе... да радости-то въ этомъ мало: пьешь однѣ опивки. Вотъ, матушка Пелагея Матвѣевна! (*Утираетъ глаза.*)

Пел. Мат. Надоѣла ты мнѣ своими пенсіями.

Ак. Бывало, какъ я у полковника жила, такъ не то что съ хозяйскаго стола чаю сколько хочешь, а еще съ собой посадить: «пей, Акулинушка!..» Да все въ накладку, все въ накладку!

Пел. Мат. Мужъ-то у тебя есть?

Ак. Нѣтъ, мужа нѣтъ.

Пел. Мат. То-то бить-то тебя некому. Ишь ты, хамка! Съ полковникомъ чай распивала!.. А ты скажи-ка мнѣ лучше, голубушка, отчего у тебя въ кухнѣ безобразіе такое? Грязь, гадость, черепки валяются... Я слѣпа-слѣпа, а замѣтила. Попадись ты ко мнѣ, я бы тебя вышколаила!.. Ну, одѣнь меня, Платонидушка (*Платонида помогаетъ ей одѣться.*) Прощай, Владиміръ, прощай, мокрая курица! Осѣдлала, братъ, тебя: я ужь это по письмамъ твоимъ видѣла. Чай, въ долги влѣзь? (*Владиміръ Сергѣевичъ опускаетъ голову.*) Ну, ужь это, братъ, послѣднее дѣло! Погубятъ тебя эти

тряпки да шляпки... Ну, прощай. (*Цѣлуетъ ея.*) Когда ужь очень не въ моготу придется, отпросись у начальства, пріѣзжай ко мнѣ на поправку. А денегъ не дамъ: все равно въ прокъ не пойдутъ... Счастливо оставаться, дорогіе наслѣдники! (*Идетъ.*) Ахъ, матушки мои, про гостинцы - то деревенскіе и забыла! Платонидка, дуреха, что - жь ты мнѣ не напомнишь?

Плат. Ахъ, грѣхъ какой: забыла!.. Они на кухнѣ. (*Бѣжитъ въ кухню и приноситъ банку съ грибами.*)

Пел. Мат. Развяжи. Ну-ка, родственнички, попробуйте моего гостинцу. Это грибки: сама мариновала. (*Всѣ пробуютъ.*) Понравились-ли? Угодила-ли я вамъ?

Кап. Ив. Очень хороши.

Пел. Мат. А вѣдь я не проста васъ грибами-то поподчивала: вѣдь я шутница. Вѣдь это я надоумила Пономарева письмо-то написать: больна, дескать, старуха, -- веселитесь, наслѣднички!..

Кап. Ив. Какъ!? Что вы говорите!?

Пел. Мат. Да такъ... Только про тѣло онъ отъ себя прибавилъ. Ужь это скверность... А я испытать васъ хотѣла... Такъ грибки-то по вкусу пришлись?

Сер. Ѳед. Объяденье, Пелагея Матвѣевна!

Пел. Мат. Ну, такъ знайте и вѣдайте, милушки мои, что вы нынче — грибъ съѣли. Прощайте. Платонидушка, веди мое тѣло. (*Уходитъ въ сопровожденіи Платониды и Акуминъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

Капитолина Ивановна, Софья Ивановна, Додо, Сергѣй Ѳедосѣевичъ, Николай, Владиміръ Сергѣевичъ, потомъ Лука и Акулина.

Ник. Вотъ-те и бранные остатки! (*Собираетъ съ полу книги и усаживается на прежнее мѣсто.*)

Вл. Сер. (*падая въ кресло*). Убить!.. Опозорень! (*Вбѣгаетъ Лука.*)

Лука. Владиміръ, если ты не отдашь мнѣ шляпу, я задушу тебя! (*Владиміръ Сергѣевичъ отдаетъ ему шляпу; Лука идетъ.*)

Додо (*заступая ему дорогу*). Куда? Я приказываю вамъ остаться!

Лука. Нѣтъ-съ, «какой-нибудь Лука Петровичъ» не останется! «Какой-нибудь Лука Петровичъ» пойдетъ въ трактиръ обѣдать и больше носу сюда не покажетъ!

Кап. Ив. Лука Петровичъ! Мы погорячились немножко: неужели изъ-за этого разрывать священныя узы? Вѣдь все это такъ обыкновенно.

Лука. Тѣмъ хуже-съ, если это обыкновенно! Я еще никогда не былъ такъ оплеванъ!

Сер. Ѳед. Лука, Лука, неужели ты покинешь нашъ муравейникъ?!

Лука. Проклятіе вашему муравейнику! Я одинъ часъ просидѣлъ въ немъ, — и то мезя

кондрашка чуть не расшибла! Блаженство, чортъ возьми! Да тутъ безъ обѣда насидишься! *(Входитъ Акулина.)*

Сер. Фед. Пообѣдай вмѣстѣ съ нами для праздника. Акулина, подавай обѣдать!

Ак. Что обѣдать-то? Вѣдь я, окаянная, все переколотила!

Лука. Такъ чортъ же меня побери послѣ этого и съ блаженствомъ-то вмѣстѣ! *(Уходитъ.)*

Додо. Мамаша, не пускайте его!

Кап. Ив. Ничего! Завтра опять притащится.

Ак. Наврядъ. Онъ ужъ травленный: теперь не вернется. Пойтить запереть за нимъ. *(Уходитъ.)*

ЯВЛЯЮЩЕ 8-е.

Капитолина Ивановна, Софья Ивановна, Додо, Владимиръ Сергѣевичъ, Сергѣй Федосѣевичъ, Николай, потомъ Акулина.

(Владимиръ Сергѣевичъ сидитъ въ креслѣ, опершись локтями на столъ; Софья Ивановна въ волненіи ходитъ по комнатѣ; Додо отъ злости грызетъ ногти, потомъ беретъ за вязанье; Николай зубритъ; Сергѣй Федосѣевичъ и Капитолина Ивановна толкуются по комнатѣ, стараясь не глядѣть другъ на друга.)

Сер. Фед. Что-жь, Капитолина Ивановна, домотаемъ?

Кап. Ив. Домотаемте, Сергѣй Федосѣевичъ. *(Начинается разматываніе шерсти. Акулина входитъ, прибираетъ верхнее платье, потомъ поднимаетъ съ полу ситецъ.)*

Сер. Фед. Не люблю сидѣть безъ дѣла.

Ник. *(зубритъ)*. «Колгуевъ, Вайгачъ, Новая Земля, Шпицбергенъ, Исландія, Великобританія, Ирландія, Зеландія, Фіонія, Сардинія, Сицилія, Корсика, Кандія, Кипръ...»

Ак. Я сердитая, да я отходчивая.

Сер. Фед. Испорили, пошумѣли—и довольно. *(Софья Ивановна присаживается на ручку кресла, идъ сидитъ мужъ.)*

Додо. Противная старуха, какъ она насъ разстроила!

Ак. Самоварчикъ, что ли, поставить? Чай, у всѣхъ въ горлѣ пересохло?

Сер. Фед. Поставь, Акулинушка.

Кап. Ив. Да возьми лимончикъ: Сергѣй Федосѣевичъ любитъ съ лимономъ. *(Акулина уходитъ.)*

Соф. Ив. Володечка!.. У, бука, злюка!.. Видишь, какіе мы всѣ добрые. Ты одинъ злишься.

Вл. Сер. *(слабымъ голосомъ)*. Такъ горшки-то всѣ перебиты?

Соф. Ив. Противный! Къ тебѣ жена ласкается, а ты о горшкахъ.

Вл. Сер. Я какъ будто съ ума схожу...

Ник. «...Сардинія, Сицилія, Корсика, Кандія, Кипръ».

Вл. Сер. А что, Николай, Кипръ... далеко отсюда?

Ник. Порядочно.

Вл. Сер. А какое мѣсто еще дальше?

Ник. Ну, наприимѣръ, Огненная земля.

Вл. Сер. Ну, а еще дальше? Самое дальнее?

Ник. Куда жъ тебѣ еще? Развѣ къ Южному полярному полюсу?

Вл. Сер. Вотъ туда бы я теперь и уѣхалъ.

Соф. Ив. У, злюка, бука!.. Мамаша, чего онъ злится?

Кап. Ив. *(вставая)*. Эхъ, Владимиръ Сергѣевичъ! Мало вы дорожите семейнымъ счастьемъ. Чѣмъ злиться-то, давайте-ка мы лучше по доброму да по хорошему: перецѣлуемся всѣ,—и опять все пойдетъ по старому. Додо, Сонечка, Сергѣй Федосѣевичъ... *(Додо и Сергѣй Федосѣевичъ подходятъ къ Владимиру Сергѣевичу.)*

Сер. Фед. Владимиръ, скажи мнѣ: что дѣлаютъ муравьи, когда кто-нибудь наступитъ на ихъ муравейникъ и разрушитъ его? Отвѣчай мнѣ: что они дѣлаютъ?

Вл. Сер. Кусаются.

Сер. Фед. Нѣтъ, они дружно берутся за работу и снова созидаютъ зданіе, именуемое муравейникомъ. Отбросимъ же и мы всѣ дразги и снова дружно возьмемся за работу! *(Раскрываетъ объятія.)* Ну?

Кап. Ив. *(раскрывая объятія)*. По старому, по хорошему!.. Ну?

Соф. Ив. Володечка!

Вл. Сер. *(пятясь къ двери)*. Нѣтъ-съ, по старому теперь не пойдетъ! Не пойдетъ, мамаша, не пойдетъ!

Кап. Ив. Владимиръ Сергѣевичъ!

Вл. Сер. Вы хотите цѣловаться? Такъ вы между собой... да, именно между собой... А я... нѣтъ, я не могу: у меня по тѣлу какъ будто муравьи ползаютъ... Я лучше въ другой разъ какъ-нибудь... Да, именно въ другой разъ!.. *(Уходитъ въ дверь направо и запирается.)*

Додо. Онъ съ ума сошелъ!

Соф. Ив. *(стучится въ дверь)*. Володечка, Володечка!.. Онъ заперся отъ меня!.. Мамаша, онъ заперся!

Кап. Ив. Э, мой другъ, завтра опять все пойдетъ по старому!

Сер. Фед. И снова закишитъ нашъ муравейникъ!

(Занавѣсъ.)

Общее число ролей. Роли дѣтскія и выходящія.	Число дѣйствій. Названіе пьесъ и дѣяръ.	Число ролей.			
		Старыхъ.		Молодыхъ.	
		Мужскихъ.	Женскихъ.	Мужскихъ.	Женскихъ.
4 м., 5 ж.	Своя своихъ не познаша , комед., перед. для русской сцены, М. Федорова.—Комната.	2 ком.	2 гр. д. ком.	1 люб. 1.	3 ing. ком.
4 м., 2 ж.	Семь бѣдъ—одинъ отвѣтъ , ком. шут. въ 1 д., Ф. Хеля, перев. Н. Ф. Арбенина.—Комната („Артистъ“ № 6). <i>Примѣчаніе.</i> Пьеса такого же содержания, въ перев. съ итальянск. Н. В. Гоголя, наз.: „Дядька въ затруднительномъ положеніи“.	1 ком. 1 рез.	—	1 люб., 1 ком.	2 ing.
2 м., 2 ж.	Сердечная кантель , ком. М. Карнѣва, комната.	—	—	1 люб., 1 рез.	1 ing. ком. 1 gr. d.
2 м., 1 ж.	Собачкинъ , (отрывокъ), Н. Гоголя.—Комната.	1 ком.	1 гр. d. ком.	1 прост.	—
2 м., 4 ж.	Семейная картина , А. Островскаго.—Комната.	1 ком.	1 ком.	1 ком.	2 ком. 1.
5 м., 3 ж.	Семейныя дѣла , или Съ больной голы на здоровую , вод.—Комната.	1 ком.	1 гр. d. ком., 1 ком.	1 люб., 3.	1 ing.
4 м., 3 ж.	Семень Ѡадденчъ Рубчиковъ , или Всякій молодецъ на свой образецъ , ком. А. Полунина.—Комната.	1 рез. ком., 1 ком.	—	1 люб., 1 пр.	1 gr. d., 2 ing ком.
3 м., 2 ж. Дѣт. 1 м. 13 л.	Серебряная свадьба , вод., Квитковскаго.—Комната.	1 ком.	1 гр. d. ком.	1 ком., 1.	1 ing. ком.
4 м., 2 ж. Вых. 8 об.п.	Симонъ Сиротинка , вод., съ фр. С. Соловьева. Вънутренность хижины, въ окно видно море.	1 рез.	1.	1 пр. др., 1 ф., 1.	1 ing.
2 м., 2 ж.	Слабая струна , водев. съ куплет., перев. съ фр. Баташева.—Комната.	—	—	2 пр.	2 ing. ком.
3 м., 3 ж.	Служанка госпожа , вод., пер. съ франц. Ѡ. Бурдина.—Комната.	2 ком.	1.	1 пр.	1 ing. ком., 1.
3 м., 2 ж.	Случайно случившійся случай , фарсъ въ 1 д. Г. Н. Грессера.—Садъ („Летательная Библиотека“ № 13).	2 ком.	1 ком.	1 ком.	1 ing. ком.
3 м., 3 ж.	Слѣдствіе перваго брака , водев., пер. съ фр. А. Этингеръ.—Комната. <i>Примѣчаніе.</i> Этотъ же водевиль въ перед. С. Байкова, называется: „Хоть умри, а найди дочкѣ мужа“.	1 ком.	1 ком.	1 люб., 1 ком.	2 ing. ком.
3 м., 7 ж.	Смотринны , картины Петербургской жизни, А. Трофимова.—Комната.	1 ком. 1.	5 ком.	1 ком.	2.
5 м., 1 ж.	Смѣсь языковъ французскаго съ чухонскимъ , шут.-вод. Комната.	1 ком.	—	1 люб., 1 пр., 1 франц., 1.	1 ing. ком.
2 м., 3 ж.	Соломенная вдовушка , ком., перед. съ фр. П. Ге.—Комната. <i>Примѣчаніе.</i> Эта же пьеса, въ другой передѣлкѣ, назыв. „Ликвидация“.	—	—	1 люб., 1.	2 gr. d. ком., 1.
2 м., 1 ж.	Соль супружества , ком., перед. съ нѣм. В. Пенъковимъ.—Комната.	1 ком.	—	1 люб.	1 ing. ком.
3 м., 2 ж.	Соперники , водев. А. Красевой.—Комната.	2 ком.	1 гр. d.	1 ком.	1 ing. ком.
1 м., 1 ж.	Сорви голова , ком., Мельяка и Галеви.—Комната. <i>Примѣчаніе.</i> Молодая актриса должна играть роль мальчика.	1 ком.	—	—	1.
4 м., 2 ж.	Сосваталъ дочку , или Поспѣшишь людей насмѣшишь , ком.-вод., перев. съ фр. Леонтьева.—Комната, на сценѣ большой шкафъ, въ который бы могъ войти человекъ.	2 ком.	—	1 люб., 1 пр.	2 gr. d. ком.
3 м., 2 ж.	Сосредоточилась , ком., Н. Волховскаго.—Комната.	—	1 гр. d.	1 рез., 1 люб., 1.	1 ing. ком.
1 м., 1 ж.	Сосѣдъ и сосѣдка , вод., перев. съ фр. П. Баташова.—Сцена разгорожена на двѣ комнаты.	—	—	1 ком.	1 ing. ком.
8 м., 2 ж.	Спириты , фарсъ, И. Билибина.—Комната.	1 ком.	—	1 ком., 6.	1 gr. d. ком., 1 ing. ком.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ
полные комплекты журнала „АРТИСТЪ“ за прошлые годы

продаются въ конторѣ редакціи по слѣдующимъ цѣнамъ:

	Безъ доставки.	Съ доставкой и пересылкой.	Съ пересылкою съ налогомъ съ платежомъ.
6 книгъ 1-го сезона 18 ⁸⁹ / ₉₀ г. (№№ 1—3 и 5—7) (Экземпляры № 4 всѣ распроданы)	7 р. 75 к.	10 р. — к.	10 р. 25 к.
7 книгъ 1890 г. (№№ 5—11).	9 „ — „	11 „ 20 „	11 „ 45 „
7 „ 2-го сезона 189 ⁰ / ₁ (№№ 8—14)	9 „ — „	11 „ 20 „	11 „ 45 „
7 „ 1891 г. (№№ 12—18).	9 „ — „	11 „ 20 „	11 „ 45 „
7 „ 3-го сезона 189 ¹ / ₂ (№№ 15—21)	9 „ — „	11 „ 20 „	11 „ 45 „
10 „ 1890 г. и 189 ⁰ / ₁ г. (№№ 5—14).	13 „ — „	16 „ 50 „	16 „ 85 „
10 „ 1891 г. и 189 ¹ / ₂ г. (№№ 12—21).	13 „ — „	16 „ 50 „	16 „ 85 „
11 „ 189 ⁰ / ₁ и 1891 г. (№№ 8—18)	14 „ — „	17 „ 80 „	18 „ 20 „
14 „ 1890 и 1891 г. (№№ 5—18)	18 „ — „	23 „ — „	23 „ 50 „
17 „ (№№ 1—3 и 5—18)	22 „ — „	28 „ — „	28 „ 60 „
20 „ (№№ 1—3 и 5—21)	26 „ — „	33 „ — „	33 „ 70 „

Отъ редакціи.

Редакція и контора (Москва, Кудринская Садовая, домъ Бартельсъ, а съ 15 августа—Страстной бульваръ, д. Адельгеймъ) открыта ежедневно, отъ 11 до 3-хъ часовъ дня, а по воскресеньямъ отъ 12 до 1 часу.—Личныя объясненія съ редакторомъ по четвергамъ отъ 12 до 1 часу дня.

Редакція отвѣчаетъ только на тѣ письма, къ которымъ приложены почтовые марки.

За перемѣну адреса уплачивается 25 коп. Билеты на получение журнала высылаются только тѣмъ иногороднимъ подписчикамъ, которые приложатъ при высылкѣ подписки—19 коп. почтовыми марками.

Жалобы на неполученіе какой-либо книги журнала обращаются исключительно въ редакцію, съ указаніемъ номера, напечатаннаго на адресѣ подписчика и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала не была получена.—Жалобы должны быть сообщаемы въ редакцію не позже полученія слѣдующей книги.

Книгопродавцамъ дѣлается уступка по 50 коп. съ годового экземпляра. Кредита и разсрочекъ по доставленнымъ ими подпискамъ не допускается.

Доставленные въ редакцію статьи должны быть подписаны авторомъ и снабжены его адресомъ.—Статьи, присланныя въ редакцію безъ обозначенія условій гонорара, считаются бесплатными.—Гонораръ уплачивается только за статьи, уже напечатанныя въ журналѣ, и уплачивается по истеченіи двухъ недѣль со дня выхода книжки. Авансы не выдаются.—Сочиненія, принятые для напечатанія въ журналѣ, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращенію и исправленію.—Сочиненія, признанныя редакціей неудобными къ помѣщенію въ журналѣ, возвращаются авторамъ безъ объясненія причинъ.—Обратная пересылка такихъ произведеній ихъ авторамъ производится на счетъ авторовъ.—Сочиненія, признанныя редакціей неудобными для напечатанія въ журналѣ, хранятся въ редакціи втеченіе шести мѣсяцевъ и затѣмъ уничтожаются; мелкія же статьи, объемомъ менѣе печатнаго полулиста журнала, храненію не подлежатъ.

Гг. артисты, ищущіе ангажемента, благоволятъ присылать въ редакцію свои заявленія, которыя бесплатно печатаются въ журналѣ.

„АРТИСТЪ“

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „Дневника Артиста“

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕМЪСЯЧНО ДВѢНАДЦАТЬ РАЗЪ ВЪ ГОДЪ.

Съ сентября по апрѣль выходятъ книжки „Артиста“ въ 25—35 листовъ, а съ апрѣля по сентябрь въ томъ же форматѣ и по той же программѣ—„Дневникъ Артиста“ книжками отъ 5 до 8 лист.

Подписная цѣна на годъ съ января (7 кн. «Артиста» и 5 кн. «Дневника Артиста») — 10 р., съ доставкой и пересылкой 12 р. за границу—14 р.

вмѣстѣ съ „Театральной Библиотекой“ на годъ (7 книгъ „Артиста“, 5 кн. „Дневника Артиста“ и 12 книгъ „Театр. Библиотеки“) 13 р., съ перес. 16 р., за границу 18 руб.

Для лицъ, подписавшихся въ редакціи, допускается РАЗСРОЧКА: при подпискѣ 4 руб., и затѣмъ ежемѣсячно по 2 руб. до полной уплаты всей подписной суммы, а при подпискѣ вмѣстѣ съ „Театральной Библиотекой“—при подпискѣ 5 р. и затѣмъ ежемѣсячно по 3 р. до полной уплаты всей суммы.

Для учащихся въ специально-театральныхъ, музыкальныхъ и художественныхъ школахъ подписная цѣна на „Артистъ“ на годъ 9 р., съ пересылкой 10 р.

Отдѣльные номера „Артиста“ по 2 рубля,
„Дневника Артиста“ по 1 руб.

ОБЪЯВЛЕНІЯ принимаются съ платою за каждый разъ 25 руб. за цѣлую страницу; 15 руб. за половину; 10 р. за $\frac{1}{4}$ и 5 р. за $\frac{1}{8}$ страницы.

„Театральная Библиотека“

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

ПРОГРАММА.

1) Драматическія произведенія (трагедіи, драмы, комедіи и водевили), одобренныя драматическою цензурою для представленія безусловно; 2) монологи, сцены и стихотворенія, одобренныя драматическою цензурою къ публичнымъ чтеніямъ; 3) практическія указанія режиссерамъ.

Въ каждой книгѣ помѣщается отъ 4 до 8 актовъ драматическихъ произведеній.

Отдѣльные номера—1 руб.

Цѣна за томъ (4 книжки)—3 рубля.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На 12 мѣс.	На 8 мѣс.	На 4 мѣсца.
Безъ доставки	3 руб.	2 руб.	1 руб. 50 к.
Съ доставкой	4 „	3 „	2 „ — „

Подписка принимается только отъ подписчиковъ на журналъ „Артистъ“.

Разсрочка на „Артистъ“ и „Театральную Библиотеку“: при подпискѣ 5 р. и затѣмъ ежемѣсячно по 3 р.

Подписка принимается и отдѣльные номера продаются въ конторѣ редакціи (Москва, Кудринская Садовая, д. Бартельсъ, а съ 15 августа—на Страстномъ бульварѣ, д. Адельгеймъ), въ отдѣленіяхъ конторы: въ кн. маг. „Новаго Времени“, Карбасникова и Т-ва Вольфъ и въ конторѣ Н. Н. Печковской (Москва, Петровскія линіи) и, кромѣ того, въ книжной лавкѣ Московскаго Большаго театра, а также во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ, музыкальныхъ и астампныхъ магазинахъ въ С.-Петербургѣ и Москвѣ; въ Кіевѣ у г. Оглоблина; въ Казани у г. Дубровина; въ Костромѣ у г. Бекенева; въ Варшавѣ у г. Карбасникова; въ Орлѣ и Курскѣ у г. Кашкина.

Иногородніе благоволятъ обращаться исключительно въ контору редакціи.

За редактора издатель **О. А. Куманинъ**.